

Война проходит через сердце

Сборник произведений
членов Международного союза
славянских журналистов

сентябрь
M
2015

УДК821
ББК 84(2Рос=Рус)6
В65

В65

Война проходит через сердце. Сборник. — Рязань:
«Литера М», 2015. — 376 с.: илл.

ISBN978-5-906008-11-4

© «Литера М», обложка, 2015

Дорогой читатель!

Сейчас в Ваших руках необычная книга. Данный сборник – первая совместная публикация группы членов Международного союза славянских журналистов за 23 года его существования. В этой организации, родившейся на основе творческой группы «Ветераны журналистики», – представители многих бывших республик СССР и некоторых стран «ближнего зарубежья»: белорусы, украинцы, русские, поляки, сербы. Когда группа только была создана, многие из них ещё активно сотрудничали с различными издательствами, работали собкорами, спецкорами, обозревателями, фото- и просто журналистами, и часто публиковались на страницах газет и журналов. Время шло, «ветераны» выросли, а в группу стали притягиваться новые люди, более молодые и пришедшие в журналистику из других профессий, т.к. «бурные» девяностые годы побуждали людей разных видов деятельности к выступлениям в прессе, на радио и телевидении. Для многих это стало второй профессией, а скорее – потребностью души. Собрания группы из-за интересных дискуссий и тематики заседаний стали очень популярны среди широкой журналистской общественности, и состав группы пополнился достаточно большим количеством иностранных специалистов, работавших в Москве. Как выяснилось в ходе обсуждений, большинство из них оказались славянами. И тогда было принято решение переименовать группу в «Союз славянских журналистов». Судьбы участников сложились по-разному. Некоторые, заканчивая свою деятельность в России, уезжали на родину, другие не захотели расставаться с Москвой и остались здесь навсегда. Но крепкие и тёплые дружеские отношения сохранились, связь не разорвалась, и Союз естественным образом стал международным.

На сегодняшний день по своей численности Союз не очень велик, в его составе около 200 членов, но зато среди них – люди от 20 до 94 лет. И старейшины не просто числятся в составе Союза, они являются его активными участниками и на заседаниях, и в творчестве. Расширились и горизонты творчества – теперь это не только очерки, обзоры или репортажи, но и стихи, рассказы, басни, фото, шаржи и карикатуры.

В настоящее время работы членов Союза можно прочитать, и увидеть в средствах массовой информации, на фото выставках, найти в интернете., услышать на радио.

Председатель МССЖ - член Союза журналистов России, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Президент фонда «Лига интернет-медиа» - Владимир Александрович Сухомлин.

Надо сказать, интерес к страничкам «ветеранов» не спадает: только за 3 месяца один из разделов нашего сайта - «Военно – исторический портал форумов» - посетило более ста тысяч человек!

А такое событие, как 70 - летний юбилей Победы в Великой Отечественной Войне, стало естественным стимулом для выпуска печатного сборника. Многие из его авторов – сами участники или дети войны. Их воспоминания и фотографии представляют для всех нас особую ценность. Поэтому мы очень рады, что эта книга состоялась!

Особую благодарность за помощь в издании книги выражаем Московскому отделению Союза журналистов России.

Шатьяна Ананьина

*составитель сборника, заместитель Председателя
Международного союза славянских журналистов,
член Союза журналистов и Союза писателей России*

**Татьяна Александровна
АНАНИНА**

Член Союза Писателей и Союза Журналистов России, заместитель Председателя Международного союза славянских журналистов.

Публиковалась в разных газетах («Комсомольская правда», «Литературная газета», «Московский литератор»), журналах («Юность», «Работница», «Крестьянка»), поэтических сборниках («Лепестки», «Славянский оберег», «Мужи и музы»), литературно-художественных альманахах («Третье дыхание», «Академия поэзии», «Золотая строка Московии»), антологиях («Антология современной лирики»).

Автор поэтического сборника «Зарисовки с натуры» и сборника песен «Пою любовь...»

Является заместителем художественного руководителя и пресс – секретарём Московского концертного театра «Камелия», художественным руководителем творческого объединения «Эолова Арфа».

Принимает активное участие в поэтических чтениях, творческих вечерах, ведёт концерты, устный журнал «Калейдоскоп», встречи с известными деяте-

лями литературы и искусства на различных концертных площадках Москвы.

Неоднократно участвовала в городских и региональных литературных конкурсах в качестве члена жюри.

В 2012 году была отмечена благодарностью Министерства культуры Российской Федерации за достигнутые успехи в творческой и профессиональной деятельности, а также городскими, региональными и ведомственными дипломами и грамотами .

Награждена медалями: «К 200-летию М.Ю. Лермонтова», «К 300-летию М.В. Ломоносова», Почётным знаком и медалью «К 60-летию Московской писательской организации».

Пятикратный дипломант конкурса Московской писательской организации «Галерея избранного стихотворения». Обладатель дипломов: им. Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, М.И. Цветаевой, Н.А.Рубцова, О.Э. Мандельштама.

Война проходит через сердце

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие...

А.С. Пушкин

О ТЕХ, КОГО ЛЮБЛЮ И ПОМНЮ

70 лет назад закончилась Великая Отечественная Война, уже давно нет в живых моих любимых и дорогих - дедушки, папы и дяди, которые с самого начала и до конца войны выполняли свой мужской и гражданский долг, защищая нашу Родину и своих близких от фашистов.

Да, война пощадила нашу семью, и все трое дорогих мужчин, израненных, контуженных, побитых войной, но живых, вернулись домой. Я родилась уже после войны и не была свидетелем той боли и тревог, которые испытывали и переживали мои бабушка и мама, думая о своих близких, воюющих на разных фронтах. Но я никогда не забуду их рассказов о войне, которые прошли со мною через всю мою жизнь.

Я не смогу забыть и ни с чем не сравню ту огромную радость, которой каждый год наполнялся дом бабушки и дедушки в День Победы, куда на праздник собиралась вся наша большая семья. Как все были счастливы просто видеть друг друга! Как все смеялись просто от радости встречи, пели военные песни и вспоминали то с весельем, а то с грустью разные эпизоды грозных лет и друзей, оставшихся на дорогах войны, и как слёзы невольно, сами по себе, бежали по щекам, и никто не стеснялся и не стирал их. Мы все вместе уже в который раз рассматривали старенькие, пожел-

тевшие от времени фотографии и «треугольники» со штампами военной полевой почты и с неиссякаемым интересом опять и опять говорили и слушали простые слова об уходящих всё дальше и дальше событиях, которые уже давно стали Великой Историей Великой Страны.

В течение всех этих 70 лет День Победы, несмотря на запреты, всегда был самым главным праздником нашей семьи.

Уходили из жизни мои родные — свидетели тех суровых и великих лет, свидетели нашей Великой Победы. Но до сих пор живут во мне их рассказы и воспоминания, которые теперь уже я пересказываю моим детям и внукам, потому что память о Великой Стране, Великой Победе, и Людях, освободивших мир от коричневой чумы, не должна уйти в небытие. А Праздник Победы и сейчас остаётся самым важным и любимым праздником в нашем доме!

Мой дедушка — Александр Николаевич Илькевич — родился в 1886 году, по профессии — преподаватель математики в средней школе. Ему было 55 лет, когда началась Вторая мировая война. Он уже не подлежал призыву в армию по возрасту. Но , когда немцы подошли к Москве, оставаться в стороне он, конечно же, не смог и ушёл в ополчение. Когда оборона Москвы была снята, он лишь забежал домой

повидать родных и попрощаться перед уходом на фронт, в боевую армию, сказав, что «на счету сейчас каждый, кто может держать винтовку и стрелять». Домой он вернулся с пятью боевыми медалями в марте 45-го после госпиталя, не дойдя до Берлина каких-то 200 километров.

После войны он продолжил свою работу в качестве преподавателя математики и ушёл на заслуженный отдых, став пенсионером, только в возрасте 80 лет.

Мой дядя — Юрий Александрович Илькевич — будучи совсем молодым человеком, успел побывать на двух войнах — вначале на войне с Финляндией, о которой у нас почему-то почти не упоминают, а затем, не приходя домой, на войне с

немецко-фашистскими захватчиками, таким образом, отдав войне полные 5 лет — с июля 1940 года по сентябрь 1945.

В день, когда была объявлена война с Финляндией, он находился в военных лагерях, как тогда полагалось, после окончания Московского энергетического института. Ему было 22 года. Прямо из этих лагерей он вместе с его однокурсниками был отправлен на Финский фронт, а затем — на Ленинградский. Домой он вернулся, пройдя славный путь от младшего лейтенанта до капитана со многими боевыми наградами — медалями и орденами, включая Орден Красной Звезды и медали: «За оборону Ленинграда», «За взятие Праги», «За победу над Германией» и другими — всего 7 боевых медалей.

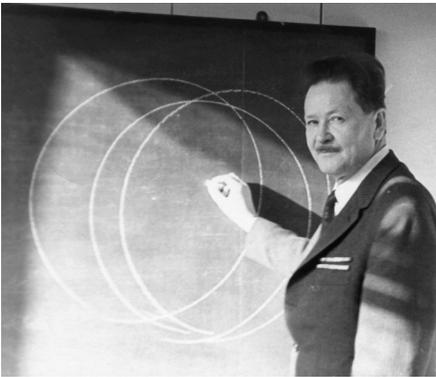
Через год после отправки на фронт, в 23 года, дядя был назначен командиром штрафной роты, которые, обычно, формировались из политзаключённых и просто заключённых разного рода, их бросали на передовую в качестве «живого щита» или «пушечного мяса». Командиры таких подразделений, как правило, не щадили своих подчинённых, посылая их часто без особой надобности на верную смерть и прячась от огня за ними. Поэтому тех, кто был на войне, не удивляли случаи, когда командиры штрафных подразделений за свою жестокость в обращении с подчинёнными получали порой от них пули в спину. Дядя Юра имел много ранений и несколько контузий, но ни одно из этих ранений не было от рук его солдат. Он закончил войну в качестве командира штрафного батальона, никогда без надобности не жертвуя своими бойцами, сохранив многие жизни. И, ведя их в атаку, всегда сам был впереди, личным примером поднимая солдат на бой, как и положено настоящим командирам!

Однажды, это было где-то в середине 1943 года, от дяди перестали приходить письма. Их не было в течение почти 5 месяцев. Мама с бабушкой и родившимся в ноябре 1941 года моим братом были в это время в эвакуации, у родных в Челябинске. Естественно, что они предпринимали все усилия, чтобы узнать о судьбе сына и брата и через военкомат, и посылая письма на имя командира части. Всё было бесполезно. Не было ни «похоронки», ни извещения о том, что он пропал без вести. И, как говорится, когда надежда уже почти совсем погасла, приехал домой, в Челябинск, в отпуск после ранения солдатик, разыскал наших, передал

Война проходит через сердце

письмо, написанное медсестрой, и рассказал, что дядя Юра с тяжелейшим ранением в голову и множественными другими, уже больше 4-х месяцев находится в госпитале. А поскольку он был долгое время без сознания, никто не знал, ни кто он, ни откуда. Многие осколки от разорвавшегося и ранившего его авиа снаряда вынули, а вот из головы не смогли. Так и остался этот кусок железа внутри черепа на всю жизнь, принося сильнейшие головные боли. И всё равно, известие, что он в госпитале, стало праздником! Ведь он был живой!!!

А после войны, уже в Москве, к бабушке не раз приезжали в гости бывшие подчинённые дяди Юры из тех самых штрафных подразделений, которыми он командовал, и благодарили её за сына, за то, что от-

носился к ним, как к обычным людям, жалел, берёг, без надобности не жертвовал, хоть и мог, хоть и был молодой, моложе многих из них.

Вернувшись с войны, дядя закончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и стал руководить научной лабораторией, как инженер-физик. Степень доктора наук ему присвоили уже за совокупность научных открытий и изобретений, а за разработки в области оборонной промышленности ему дважды была присуждена Государственная премия, которую он получал в Кремле.

Мой папа — Александр Александрович Новиков — попал в Германию в возрасте 5 лет вместе с мамой и отчимом, куда того направили работать. Семья вернулась в Россию только в начале 30-х годов, когда в Германии начал поднимать голову фашизм.

15 лет, проведённые в Германии, не могли не отразиться на характере: папа на всю жизнь остался очень пунктуальным, педантичным человеком, обязательным, ответственным, трудолюбивым и исполнительным. Немецкий язык у него был практически родным наряду с русским, без всякого акцента да ещё с каким-то особым произношением, характерным для того района, где они с семьёй жили. И эта его способность была потом часто востребована в работе. Так, например, он был одним

У Кёльнского собора. Германия 1944 г. Мой папа — Новиков А.А. — справа.

из переводчиков с российской стороны на переговорах во время подписания Пакта Риббентропа-Молотова.

К началу войны он работал в Министерстве иностранных дел и подпадал под «бронь» от призыва в действующую армию. Но весной 1944 года его в составе группы из двух человек забросили со спецзаданием в Германию в район города Кёльна. Задание было выполнено, хоть и дорогой ценой: обстоятельства сложились так, что участники операции были обстреляны и, раненные, оказались заперты в металлическом

Мой папа — Новиков А.А. Надпись на фото: «Родным моим Галю-синьке и Чижикю от любящего папки Саши». Берлин 1945 г.

*На память о Берлине. Май 1945 г.
Мой папа — Новиков А.А. — слева*

гараже, который затем был подожжён. Оба члена группы получили контузию, сильные ожоги и ранения и просто чудом выбрались из этого раскалённого ада. В результате папа полностью потерял слух на одно ухо.

По заданию группа оставалась в Германии до мая 45 года, а затем присоединилась к нашим войскам уже в Берлине. Сфотографировавшись на ступенях рейхстага, над которым уже развивались красные флаги, в родной советской военной форме, папа вернулся домой. Награда за успешно выполненную секретную военную операцию в тылу врага — Орден Красного Знамени — ему вручили уже в Москве. После войны папа закончил Академию Внешней Торговли, перешёл на работу во ВНЕШТОРГ и всегда удивлял коллег и немецких партнёров своей чистой немецкой речью.

Моим дорогим, любимым людям и таким же, как они, защитникам нашей Родины, их светлой памяти посвящаю я свои стихи.

ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ ВОЙНЫ

Когда я думаю о тех двадцатилетних,
Которых унесла войны гроза,
Я представляю в парке вечер летний,
Выпускников счастливые глаза.

Они гуляют... Им вся жизнь открыта.
Шумит в аллеях буйная листва...
Звучит на танцплощадке «Рио-Рита»...
А через час туда пришла война!

Она пришла внезапно, в одночасье,
Разрушив сразу мирный быт, покой.
И солнечного утра многокрасье
Закрылось вдруг коричневою мглой!

И враг пришёл, чтоб всё дотла разрушить,
Чтоб сжечь сады и всю страну сломить;
Чтобы законы жизни все нарушить,
Не дать ребятам мирный хлеб растить.

Мальчишки и девчонки, молодые,
Их призвала на смертный бой война.
Они любили, может быть, впервые,
Но Родина была у них одна.

Они ушли в те огненные годы -
Мальчишки и девчонки юных лет -
И счастье сохранили для народа,
Не услышав салютов и побед.

Война проходит через сердце

Они так мало на земле прожили,
Мечтая и любя, желая жить,
Свой чистый звук в Победный марш вложили.
Об этом нам никак нельзя забыть!

И поклониться низко непришедшим.
Их подвиг оценить и ... осознать:
Жить надо так, чтобы за них, ушедших,
Достоинно место на земле занять!

ПОРТРЕТ

Мы не знали, как были трудны
Для Отчизны военные годы.
Мы родились уж после войны,
На себе не познали невзгоды.

Но, взбирались на табурет,
На военную карточку глядя,
Мы гадали, чей это портрет,
Кто на нем - старший брат или дядя?

Улыбаясь, спокойно стоит,
Боевой, с автоматом подмышкой.
Сколько лет ему? Скажем, на вид -
20. Верно? Он — просто мальчишка!

Без сомнений покинул он дом
В ту военную грозную пору,

Татьяна Ананьина

И медаль «ЗА ОТВАГУ» потом
Отыскала героя не скоро.

Не случилось ему получить
Ту медаль за лихое сраженье.
И не знаем мы ,где преклонить
Наши головы в дань уваженья.

Фото в рамке улыбку хранит.
Где погиб он ? В Германии, в Польше?
Двадцать лет ему было на вид.
Двадцать лет — и ни капелькой больше.

ЗАВЕЩАНИЕ ПОТОМКАМ

Жила страна, красивая, большая,
Семью народов к счастью ведя.
И подрастала смена молодая,
Вступала в жизнь, уверенно идя.

И вдруг беда обрушилась ненастьем,
Перевернула жизнь страны вверх дном,
Разбила в прах мечту о близком счастье,
Ворвалась в каждый миг и в каждый дом.

Враг продвигался, все уничтожая,
Пытаясь всех сломить и покорить.
И призвала Отчизна — мать вторая —
Своих детей врага остановить.

Война проходит через сердце

Они пришли, сурово сдвинув брови -
А было им от силы 20 лет! —
И клятву дали, друг за другом вторя,
Что защитят свой дом от тяжких бед.

И, слово дав, на шаг не отступили.
Огнем смертельным был врагу ответ.
Но где-то буйны головы сложили,
Не дождались Парада Всех Побед.

Как много дел закончить не успели!
А ведь могли бы жить, творить, любить!
Но жизнь прожили — словно песнь пропели,
Нам завещая мир всегда хранить!

ПАМЯТЬ СЕРДЦА.

И вновь июнь - сияющий и чистый-
Идет, как завершение весны.
Но помним мы суровый день Отчизны —
Начало самой тягостной войны.

И вечно будем помнить День Победы,
И отмечать весною каждый год.
И пусть проходят радости и беды,
Но память сердца нас не подведет!

К Большому театру, к звонкому фонтану
Из городов и весей всей страны

Татьяна Ананьина

Съезжаются седые ветераны,
Чтобы отметить день Святой Весны!

Мне хочется им поклониться в пояс
И хочется их всех благодарить
За то, что ни о чем не беспокоясь,
Мы жить смогли, детей смогли растить.

Нам подарили эту жизнь они:
И те, кто жив, и те, которых нету.
Но прошлое уходит, и войны
Становятся незримыми приметы.

А мы не вправе прошлое забыть!
Перед грядущим надо быть в ответе.
О том, как надо Родину любить,
Завет свой мы должны оставить детям!

**Владимир Николаевич
БИРЮКОВ**

Окончил Московский авиационный институт им. Серго Орджоникидзе. Полковник запаса. Председатель секции «Авиация и космонавтика» военно-научного общества ЦДРА им. Михаила Васильевича Фрунзе. Член секретариата Международного союза славянских журналистов, литобъединения «Петровка—38» и «Историко-литературного общества ветеранов». Занимается литературным творчеством более полувека. Печатался более чем в 20 сборниках и альманахах, в том числе «Великая Победа», «Щит и лира», «МВД на марше», «Нетленна память о войне», «Фронтное перо продолжает писать», «Так было!», «Во славу Отечества». Многократный лауреат и дипломант всероссийских литературных конкурсов, в том числе «России верные сыны».

Владимир Бирюков

БИТВА ЗА МОСКВУ

*Героическим защитникам Москвы
посвящается.*

Почти у самых Химок — враг.
Отсюда до столицы — шаг.
Казалось: лишь один бросок —
И вражьей нечисти сапог
Тебя, Москва, коснуться мог.
Но ты не дрогнула в тот час.
Звездой Кремлевскою лучась,
Ты вся была в стремленье — «Жить!»
Стальные грозные ежи
Обороняли рубежи.
Создали щит аэростаты.
И ополченцы, и солдаты,
Связав свою судьбу с тобой,
Забыв про горести и боль,
Шли за тебя на смертный бой.
Встал на борьбу народ великий:
Панфилов, Виктор Талалихин,
Доватор, Зоя — сколько их,
Героев доблестных твоих,
Бессмертных, павших и живых!
Их озаряло, словно знамя:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Мы помним предков имена,
На нас надеется страна,
Весь мир надеется на нас.
Нам надо выполнить приказ!»
И, чтобы быть еще сильнее,
Клялись пред самым Мавзолеем

Владимир Бирюков

ГРАНИТНЫЕ СОЛДАТЫ

Стоят гранитные солдаты,
Великой Родины сыны.
Летят года, стареют даты.
Но не состарятся они.
Над ними небо бирюзою
Играет, солнцем золотясь.
Оно сияло и над Зоей,
Что до бессмертья поднялась.

Стоят гранитные солдаты,
Великой Родины сыны.
Не все вернулись в сорок пятом
С кровопролитной той войны.
Но память верная, живая,
Напоминает нам о них.
И в день девятый в красном мае
Сияют вечные огни.

Стоят гранитные солдаты,
Великой Родины сыны.
Стоят герои, как атланты,
Держа просторы тишины.
Клянутся дети, внуки свято:
«Не отдадим земли своей!»
стоят гранитные солдаты
на страже наших рубежей!

30.05.1969

Владимир Бирюков

Женя, Женечка, Женя Руднева!

Ты стремилась познать тайны
звёзд.

Но грохочут фашистов орудия,

И текут реки крови и слёз.

Женя, Женечка, Женя Руднева!

Стал «По-2» побратимом твоим.

Ты его заслоняла грудью,

Направляя геройски в бои.

Сколько взлётов и сколько

посадок,

Сколько тяжких ночей напролёт

Среди горя, и боли, и ада

Совершил боевой самолёт!

Вы не раз возвращались с победою,

А враги догорали дотла.

Улетая тогда, вы не ведали —

Вам уже не дожить до света.

Женя, Женечка, Женя Руднева!

Пред тобою, гранитной, стою.

И плывут облака, словно будни.

Что же было в последнем бою?

Женя, Женечка, Женя Руднева!

Возвращайся скорее домой!

Мы тебя никогда не забудем.

Образ твой стал геройской звездой.

26 декабря 1992 г. — 5 июля 1993 г.

ЗОЯ

Не скрутила верёвка волю.
Ни слезинки у ясных глаз.
Гнев к врагам был сильнее
боли

В твой последний, геройский
час.

Над тобою не гаснут зори,
Вечной славы горит звезда.
Комсомолка отважная Зоя,
В нашей памяти ты
навсегда!

20 ноября 1966 г.

МОСКВА – В ОПАСНОСТИ!

«Москва – в опасности!» –
Звучал сурово голос.
Армады хищников с крестами на броне,
Стервятники – всё двигалось на город,
На главный город в солнечной стране.

Спешат к Москве сибиряки, уральцы.
Средь них – отец, бронь сдавший политрук.
Ствол «ППШ» сжимают крепко пальцы.
«Вперёд! За Родину! – Огонь!»
Огонь вокруг.
От Химок путь до Шаховской тревожен.
Не всем разведчикам вернуться суждено.

Владимир Бирюков

Вот капитан сражён — кровь на пороше.
Мороз крепчает. Ветер ледяной.
Но жарко им в солдатских полушубках
И маскхалатах: разгорелся бой.
И было видно сквозь огонь тот жуткий:
Они столицу заслонят собой.
«Москва — в опасности!» —
Звучал сурово голос.
Но отступили полчища врага.
Победа возносилась птицей гордо,
Когда затих смертельный ураган.

21 июля 1980 г.

СТАЛИНГРАД

(Песня)

Есть много городов на Волге,
Но Сталинград — один всего.
И слава никогда не смолкнет
О доблестных защитниках его.

Припев:

Сталинград! Сталинград!
Ты и труженик, и солдат!
Сталинград! Сталинград!
Город Мужества! Город Славы!
Сталинград! Сталинград! —
Это значит: «Ни шагу назад!
Отступить не имеем мы право!»

Война проходит через сердце

Горело всё: железо и вода
И рушились бетон и твёрдый камень.
Но прозвучало в ярости тогда:
«За Сталинград! Держите крепче Знамя!»

Припев:
Сталинград! Сталинград!
Ты и труженик, и солдат!
Сталинград! Сталинград!
Город Мужества! Город Славы!
Сталинград! Сталинград! —
Это значит: «Ни шагу назад!
Отступить не имеем мы право!»

Не отступил великий наш народ.
Победна оборона Сталинграда!
Она зовёт по-прежнему вперёд,
Сияет, как геройская награда.

Припев:
Сталинград! Сталинград!
Ты и труженик, и солдат!
Сталинград! Сталинград!
Город Мужества! Город Славы!
Сталинград! Сталинград! —
Это значит: «Ни шагу назад!
Отступить не имеем мы право!»

*Ядрошино, Моск. обл.
27 июля 2002г. Сб 1830*

Владимир Бирюков

У разъезда Дубосеково

«Враг не пройдет!», —
я через годы слышу.
Волнение бойцов — в моей груди.
Вот политрук
со мною рядом дышит
Последний раз —
атака впереди.
«Враг не пройдет!» —
слова земля впитала
Под гусеничный лязг,
под грохот канонад,
Под свист смертельный
раскаленного металла. —
«Стоять всем насмерть!
ни на шаг назад!»
У обелиска,
в небо устремлённого,
Стою, читаю списки длинные...
Они лежат,
войной не покорённые,
До смерти в жизнь
счастливую влюблённые,
Входящие
в романы и былины.

5.11.2003 г.

В КРАСНОЗНАМЕННОМ ЗАЛЕ

В зал внесли полковое Знамя.
Пятна крови алели на нем.
Знаменосец смертельно был ранен
В сорок пятом фашистским огнем.

Зал затих. Встали все, отдавая
Кумачу уваженье и честь.
Был канун юбилейного мая,
Впереди еще много речей
О Победе великой и светлой,
О потерях во имя нее.
Знаменосец лежит под вербой,
А над нею кружит воронье.

Неспокойны сердца ветеранов.
Боль душевная давит давно.
Открываются старые раны,
Веет в воздухе снова войной.

Владимир Бирюков

ВETERANAM BOЙНЫ

Спасибо вам, кто не покинул боя!
Сдавили сердце горести утрат:
Вы мир спасли в то время роковое.
А это - лучшая из доблестных наград!

30.07.1980

ПOБЕДА И ПPAВДА

«Победа Правдой нам дана», —
Сказала моя дочка, —
И в сторону ушла война.
«Да, Правдой! Это точно!
Без Правды разве одолеть
Огонь войны, разруху, смерть?»

13.05.1985

**Татьяна Ивановна
БУЛАТОВА**

Булатова Татьяна Ивановна (псевдоним Татьяна Царева) — москвичка, родом из артистической среды, кандидат технических наук, доцент, преподаватель высшей математики в ВУЗе, мать двоих детей и бабушка двух внуков. Стихи начала писать в «минуты жизни трудные» - в 80е годы. Печаталась и печатается в различных альманахах и сборниках («Третье дыхание», «Москва поэтическая», «Родники народные», и др.). Является членом ЛИТО «Московский учитель», членом секции «Авиации и Космонавтики» Культурного центра вооруженных сил Российской Федерации и членом Международного союза славянских журналистов. Часто выступает на поэтических вечерах. Татьяна Ивановна — дитя войны, она сохранила ее в своей памяти и часть ее произведений посвящена войне и Великой Победе.

Татьяна Булатова

ВETERAНАМ

Война, ты давно уже в прошлом,
Но для них ты всегда близка.
Седины зимней порошею
Легли навсегда у виска.

Морщинисты руки и лица,
Но молоды, к счастью, глаза.
Встречает их в мае столица,
И глаза увлажняет слеза.

Пока будут жить ветераны,
Война никуда не уйдёт:
О ней будут помнить их раны
И встречи из года в год.

Пусть чьё-то глухое беспмятство
Не хочет знать ничего.
У них остаётся память,
В которой так много всего:

Слова их любимых песен,
Горе, радость и тихая грусть,
Череда всех победных вёсен
И утрат бесконечных груз.

РАНЕНОЕ ПОЛЕ

Пронёсся бой по полю ураганом,
Сметая всё под громкое «Ура!»,
Оставив за собой повсюду раны,
В морозном воздухе застывший крик «Пора!».

Бой отгремел, вдруг стало очень тихо.
Войска продвинулись, пусть на версту, вперёд.
Остались воевать Зима да Лихо,
И павшие, которых целый взвод.

Снег падал на израненное поле,
Но скрыть не мог глубоких рваных ран.
Такая уж ему досталась доля,
И был такой приказ солдатам дан.

Почти неразличимый в маскхалате
Лежал солдат, ни мёртвый, ни живой.
Когда бы не мальчишки в дальней хате,
Здесь мог бы быть его последний бой.

Они пришли на поле ратной брани,
Чтоб что-то интересное найти.
Нашли его, он был всего лишь ранен,
Но тяжело, н е мог даже ползти.

Мальчишки, любопытные мальчишки,
Вы вечно лезете куда-то не туда.
Об этом знаю я не понаслышке.
Но как же кстати были вы тогда.

Татьяна Булатова

НОЧЬ ПОД МОСКВОЙ

зима 1941 г.

Защитникам Москвы посвящается

Зима стояла снежная и злая.
Застыло всё. промёрзнув до нутра.
Вся в инее, как женщина седая,
Ночь под Москвой ждала, ждала утра.

А утром бой на подступах к столице,
Последний и решающий рывок.
Спокойны спящих и не спящих лица,
А за спиной алеющий восток.

Там новый день поднимется над лесом,
Поднимет всех, и дружное «Ура!»
Рассыплется и отзовется эхом,
И зимний холод вытеснит жара.

Здесь будет жарко от огня и крови,
От вздыбленной, дымящейся земли.
С какою болью позже ротный молвит,
Что все его солдаты полегли.

Жестокий бой на этом рубеже
Не даст врагу продвинуться к столице,
И этот день на подступах уже.
Суровеют солдат пред боем лица.

Они застынут в камне и бетоне,
Суровы, молчаливы, как тогда,
И время сединою их не тронет,
И память не предаст их никогда.

МОСКВА, 41-ый год

Посвящается 28-ми героям-панфиловцам

Москва моя и не моя.
Спросить хочу: да, ты ли это,
Москва, воспетая поэтом —
Тем, кто любил тебя, как я;
Его хранимая словами:
«Ребята, не Москва ль за нами...»,
Словами, спасшими страну
В другую страшную войну.

Моторов гул, сирены вой...
Тогда, в морозном 41-ом
Меч занесла сама Минерва*)
Над гордою твоей главой.
Москва щетинилась ежами,
И с теми ж самыми словами
Они стояли под Москвой,
Чтоб дать врагу последний бой.

Лишь об одном мы время просим:
Без всяких списочных имён,
Без орденов и без знамён
Число, чтоб это, двадцать восемь,
Навеки в памяти людской
Отождествляло тот их бой
С поэта вечными словами:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой!»

*) *МИНЕРВА* — в римской мифологии с конца 3 в. до н.э., отождествлённая с греческой *АФИНОЙ*, почиталась как богиня войны (СЭС)

Татьяна Булатова

Да, нынче времена иные,
И всё меняется вокруг.
Но есть черта, есть некий круг
И есть понятия святые.
«Не преступи» – твердит нам время.
Храни и ты, младое племя,
В сердцах и памяти своей
Величие тех славных дней.

PS Люблю великого поэта,
склоняю перед ним главу.
Любить пытаюсь и Москву,
Но видит бог, как трудно это.

Стирает власть, стирает время
Москвы привычный дух и облик.
Порою прошлое лишь проблеск
И тяжкое воспоминаний бремя.

ПАМЯТЬ

Память проснулась,
Кадров наплыв.
Война вдруг вернулась,
И вот страшный взрыв.

Сменяя друг друга,
Кадры бегут.
Мелькнула подруга
Под бомбовый гуд.

Накрыла подругу
Взрывная волна.
Тяну свою руку
Туда, где война

Пытаюсь помочь
И помочь не могу.
Как страшно! И прочь
В наше время бегу.

ПОБЕДНЫЙ 45-ый

Был год победный сорок пятый.
Весна шагала по стране,
Пусть разоренной в той войне,
Но побеждён был враг проклятый.

Ликующий счастливый люд
Заполнил площади столицы,
Улыбками сияли лица —
В Москве гремел, сверкал салют.

И слёзы были — слёзы счастья,
Был несказанно каждый рад —
В Москве готовился парад,
Тот исторический, в ненастье.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Давно закончилась война,
Отмерив горя нам сполна.
Но каждый май в последний бой
Идем мы с мыслью лишь одной:
Вновь победить, как в 45-ом —
Году на подвиги богатом.

Вновь праздничный гремит салют.
Улыбки радости цветут.
Победа наша снова с нами
И всё значительней с годами,
Поскольку равных нет побед
И, к счастью, равных ей, нет бед.

Мне возразят: «А как же Космос?»
Тогда мы стали «выше ростом».
Наш парень в Космос полетел,
И не было главнее дел.
Да, это славная победа...
А что сказать про наши беды?

Рассыпался, увы, Союз.
Не стало больше братских уз.
Мы помним горькие года.
Для нас, для всех, это беда.
Тогда мы много потеряли
И очень сильно горевали.

Апрель, 12-ое — дата.
Она для нас, бесспорно, свята.
Мы про неё не забываем,

Всегда достойно отмечаем.
Но...
Особо празднуем лишь эту
Великую для нас Победу.

ВОСПОМИНАНИЯ

Южный город
 Новочеркасск
Стал когда-то
 печально известен.
Всё уж в прошлом...
 и этим теперь
Лишь историкам он интересен.
Я недолго жила здесь,
 два года,
Но один из них —
 год сорок пятый,
Счастливейший год
 для народа —
Был повержен весной
 враг проклятый.

Забыв про страдания и беды,
Смеялся и плакал народ.
В честь великой нашей Победы
Красный флаг был у каждых ворот.

«Победа, Победа, Победа» —
Звучало со всех сторон.
Я бегу кое-как одета.

Татьяна Булатова

Всех собрал в этот день стадион.

Был парад без знамён и
штандартов,
Поверженных в битвах полков —
Никаких парадных штандартов,
Торжественен, прост и толков.

Шагали мальчики в погонах,
Погонах алых, как заря.
Отец, ты их растил не зря —
Они пришли на полигоны.

Они пришли на полигоны,
Чтоб умножать Отчизны мощь,
Служили ей и в снег, и в дождь,
Не опозоривши погоны.

Суворовцы тех давних лет —
Войны безжалостной сироты...
Слежу за построеньем роты,
Забыв родительский запрет.

Той весной... Почему? Как? —
Не знаю.

Я на радио выступала.
И теперь с трудом вспоминаю,
Как стихи о войне там читала.
В эфире звучала песня
О великом, могучем Днипро.
Все народы тогда были вместе,
Вместе было всем хорошо.

**Мария Максимовна
ВЕСЕЛОВСКАЯ-ТОМАШ**

Родилась на севере Молдавии в селе Шапте-Бань Рышканского района. Педагог-филолог, литератор. Окончила Бельцкий государственный педагогический институт имени А.Руссо (1966). С 1976 года проживает в Москве.

Общественной деятельностью занимается с 1989 года.

Кавалер Ордена «Честь и Достоинство» (2013) – Национальный Артийский Комитет России, Девятикратный Лауреат Артиады народов России.

Вице-президент НАК России, Президент ПараАртийской Лиги Национального Артийского Движения России, член Мирового Артийского Комитета, Создатель и бессменный руководитель Региональной общественной благотворительной организации инвалидов ПараАртийский Центр «Иван да Марья» (с 1995 г.).

К этому периоду относится и начало литературной деятельности.

– Член Международного союза славянских журналистов;

– Международной Ассоциации Писателей и Публицистов ;

– Член Союза Журналистов РФ.

Автор поэтических сборников «В плену у грусти» (1999, 2003), «Два крыла» (2003); музыкально-поэтических – «Прикасясь к Пушкину» (1999), «Зажгите свечи» (2000, 2003), «Притихли фанфары, труба заиграла» (2006); документально-художественной повести «Неиспитая чаша любви» (Спецприз Конкурса «Спасибо за жизнь!» 2005); поэзия и проза – сборник «Вкус счастья» (2009).

Автор-составитель книги и видеофильма (80 минут) «Иван да Марья – 10 лет: вопреки и благодаря», а также 4-х томов альманаха «Алтарь Отечества» – Лауреат Международного Интернет-конкурса «Страницы семейной славы», (2010) и тома 2 и 3 (2013), т.4 – (2014);

– Лауреат (медаль) Первого Московского Фестиваля художественного творчества ветеранов ВОВ и членов их семей» – к 55-летию Великой Победы (1999-2000);

– Общественная юбилейная медаль «75 Северному флоту» (2008);

– Медаль «За верность долгу и Отечеству» (2008, ОНПО «Родина», Союз десантников России);

– Медаль» Памяти интернет-журналиста Владимира Сухомлина» (2010);

– Медаль «За активную просветительскую деятельность» (2013, ООО «Знание»);

– Юбилейная общественная медаль «80 лет Северному флоту» (2013).

Война проходит через сердце

— Памятная медаль «95 лет Ленинскому комсомолу» (2014, ЦК КПРФ) и др.

Соавтор 20 поэтических сборников, в том числе «Планета поэтов-5». Более 50 стихов переложено композиторами на музыку. Песня «Сказ о Большом Дубе» Ф. Хаирова заняла 1 место на областном конкурсе к 60-летию Курской битвы (2003). Авторская песня «Москва» — получила 2-е место Московского фестиваля за лучшую песню о Москве (2009). Многие стихи использованы интернет-мастерами при создании плейкастов.

ВОЙНА

...Освенцим, Бухенвальд и Дахау
Кружат над вами души, вздыхают,
И слышатся стоны, доносится лай
Немецких овчарок сквозь звонкое: «Хайль!»

Земля поднималась и падала градом,
Дома рассыпались война уже рядом!
Фашистские танки шли плотной стеною,
Нас свастики крылья закрыли собою.

Нам всем по семнадцать! Мы только влюбились,
Но раненой птицей сердца наши бились:
С родными навеки детей разлучали,
В теплушках пленённых нас в ад угоняли.

И русые косы в корзины слетали,
Нас плетью стегали, водой обливали,
А мы, чуть живые, о Родине пели,
О русских берёзах, дождях и метелях...

И снились нам избы с соломенной крышей.
Мы звали на помощь, как будто нас слышат...
Мрак, холод и голод... Душа клокотала!
Жить очень хотелось

И боль отступала.

Три года суровых нас жгли, истязали.
Кто падал в бессилье, тех псы растерзали.
Концлагерь забыть бы хотелось с годами,
Но врезалась в память жизнь под номерами.

Война проходит через сердце

Весна... Сорок пятый...

Свобода!.. Победа!..

Жаль, песни не все и не всех были спеты!

А нам лишь по двадцать нам снова б влюбиться.

Ах, юность, ты юность,

висок серебрится...

24 июня 2004

ЖДИ! ВЕРНУСЬ

Много лет я шла дорогами войны —

Я следы отцовские искала...

И в молдавской деревеньке у сосны

На коленях к холмику припала.

Наконец с тобой мы встретились, родной,

Незнакомый, близкий, но незримый...

Я тебя в Россию заберу домой

К той, которую ты звал любимой.

Как она тебя, отец, всю жизнь ждала,

Как к окошку по ночам кидалась!..

Мать меня одна растила, как могла,

Не сломилась и не расплескалась.

Знал ли ты, что появилась я, отец?

Рук твоих я так и не узнала.

Маме ты писал: «Войне вот-вот конец,

Жди! Вернусь, во что бы то ни стало!».

Мария Веселовская-Томаш

Так пронзительно-звоняща тишина,
Что отцовский голос заглушила...
Ненавистна мне, будь проклята, война —
Ты навек любимых разлучила!

31 декабря 2009

ЗА ТЕХ, КТО ЖИЗНЬ СВОЮ ОТДАЛ

(Поминальное танго)

Евгению Карташёву

Стихи музыка Мария Веселовская-Томаш

Война грозой разбушевалась,
Земля стонала от раскатов,
Стена живая поднималась
На бой смертельный с супостатом.

Была в трагичный год, суровый
Та ночь июньская распята.
День новый огненно-багровый
Оплакал первого солдата...

Вам в белых вальсах не кружилось
И зорь вечерних не встречалось,
Не целовалось, не любилося —
Лишь о Победе вам мечталось!

Полк истребителей отважных
Вписал в историю страницу.
Героям-лётчикам бесстрашным
Должны все низко поклониться.

Война проходит через сердце

Налейте в чарки вина и молча поднимите
За тех, кто жизнь свою отдал во имя светлых дней.
Четыре тяжких года — нет, вы не забыты:
Вы раны и рубцы на сердце Родины моей.

12 сентября 2006

КУРСКИЕ ПОЛЯ

Курские поля
Кровью обагрились:
Пали сыновья —
Славою покрылись...

Подошёл солдат
К Прохорову полю
Рвётся память вспять,
Раны стонут болью.

Уронил слезу
Горькую, скупую
В чистую росу
На траву густую.

Чарку он поднял,
Сон не потревожив
Тех, кто жизнь отдал,
Не дошёл, не дожил...

Над землёй российской витают
Души всех погибших на войне:

Мария Веселовская-Томаш

Нас они до сих пор охраняют,
Не дают взорваться тишине.

10 ноября 2009

МЕЧТА

Евгению Карташёву¹

Так и не меркнут огневые годы —
Их в прошлом веке выпало прожить.
Тех страшных дней военных эпизоды
Я не могу — я не хочу забыть!

Глаза закрою: руки на штурвале,
Мой самолёт взмывает в небеса...
Гул... Шлейфы дыма: то войны начало.
Я юн, бесстрашен — верю в чудеса!

На волоске от смерти воевали
На суше, на воде и в облаках.
Друзей теряя, в скорби и печали
Победу принесли мы на руках.

Будь проклята война! А я мечтаю,
Поднять свой самолёт и с высоты
В святой, великий День Победы — в мае —
В честь павших и живых разбрасывать цветы...

15 мая 2004

¹ *Евгению Карташёву — лётчику-истребителю, защитнику неба Москвы*

НЕ ОТДАВАЙТЕ НА ВОЙНУ СВОИХ ДЕТЕЙ

(9 мая 1995)

Мне девятнадцать. Рядом юная жена.
Моя любимая со мной обручена,
Но затуманились прекрасные глаза
И плачут, словно виноградная лоза.

Я не успел её к груди своей прижать,
О самом главном не осмелился сказать:
Внезапно грянула священная война,
И на разлуку жизнь была обречена.

Четыре года по Европе я шагал.
Я трусом не был. Бил врага. Я воевал.
Четыре раза ранен был, но выживал,
Живым к тебе вернуться день и ночь мечтал.

Вот долгожданная настала тишина.
Мы свято верили, что кончится война.
Рыдали вдовы, стон был слышен матерей,
Огонь зловещий гас в печах концлагерей.

Вернулось счастье: с нами музы говорят,
А танки, пушки зачехленные стоят,
Не сеют смерть по всей израненной земле
И первый солнца луч сверкает на заре.

... Прошло полвека, как закончилась война.
Лампады, свечи в каждый дом внесла она.
О, сколько жизней загубила сыновей,
Любимых, преданных, красивых дочерей!..

Мария Веселовская-Томаш

И вновь война! Объята пламенем страна!
Нам похоронки слал Афган, потом Чечня!..
О Матерь Божья, ты проси со мной людей:
Не отдавайте на войну своих детей!

НЕ УСПЕЛ ДОГОРЕТЬ ЗАКАТ

Не успел догореть закат
Сжалась ночь, всколыхнулся рассвет,
Возвестил: «Бомбят. Бомбят!..».
Капля крови оставила след.

Отражалась в глазах война,
В криках, плачах и в детских слезах
И в смертельных сполохах огня,
В лебедовых голодных хлебах...

Вновь Отчизна, скорбя, звала
В неотвратный, решительный бой
Сыновей не во имя зла,
А во имя мечты голубой.

Сыновья, как любимую мать,
Заслонили страну собой,
Гибли, снова вставали в строй,
Оживали и шли умирать...

Принимала сынов Земля,
Охраняя их вечный сон.
...Занялась над землёй заря,
Горевал поминальный звон.

3 июля 2006

Война проходит через сердце

В районе Чертаново Южное я живу более тридцати лет. Совсем недалеко от улицы Подольских курсантов. В местных газетах часто печатаются материалы из истории бывших сёл этих мест. Какие яркие события происходили здесь! Ещё я не была вхожа в литературу, но, как только переехала сюда, знакомилась с Битцевским лесом. Обнаружила огромную берёзу, на которой ещё в годы войны были прикреплены дощечки, чтобы взбираться к вершине дерева. При более тщательном обследовании места увидела и полуразвалившуюся от времени землянку «в три наката»...

ПАМЯТЬ

О чём грустишь с военных лет, берёза,
То шелестя листвою на ветру,
То всхлипывая скрипом на морозе,
А то встречая сонную зарю?..

Ты вспоминаешь юного солдата,
Что ранен был? — Его ты не спасла...
Землянка под тобою в три наката
Разрушилась, бурьяном заросла.

Никак не можешь ты забыть свинцовый
Град смертоносных пуль и пушек стон?..
Цвет зарева в ту пору был пунцовый,
Печалью пел в ту пору патефон.

Чернеют на стволе твоём дощечки:
По ним взбирались прямо до небес,
Осматривали местность дальше речки,
Чтоб не пробрался враг в московский лес.

Мария Веселовская-Томаш

Окопы заросли давно кустами
И порослью высоких тополей.
Следы войны смываются дождями,
И прячутся тропинки от людей.

... Я прихожу к берёзе постоянно,
Чтоб окунуться вновь в военный сон,
Погладить шрамы на стволе, как раны,
И вспомнить смелый свой дивизион.

24 декабря 1999

ПОДСНЕЖНИКИ

Смотрю на танки у Синявинских болот
Следы былой незабываемой войны,
Ежи и мины, каски ржавые и дот,
А в топях косточки сынов Земли видны.

Здесь проходил один из главных рубежей
Шумят об этом кроны пышные берёз:
Бой продолжался девятьсот блокадных дней!
Я слышу эхо тех разящих страшных гроз.

Ещё не кончилась священная война,
Пока подснежники растут среди костей,
Где воцарилась гробовая тишина
Лес тихо плачет над останками людей.

Подснежники, зацветая, свечами горят.
Подснежники словно лица погибших солдат.
Подснежники, вы цвета юной седины,
А седины на всех хватает у войны!

Война проходит через сердце

Вы будто сами следы, вы будто сами следы
Отпыхавшей в сорок пятом войны...

1 июня 2000

СКАЗ О БОЛЬШОМ ДУБЕ

(Не забывают!)

*Жителям села под названием «Большой Дуб»
под городом Железногорском Курской области,
заживо сожжённым фашистами, и воинам,
навечно оставшимся в той земле...
15 октября 1942 года*

Стихи Мария Веселовская-Томаш,
музыка Фёдор Хаиров

Стоят печальные берёзы,
Как в карауле, у могил,
Дожди роняют тихо слёзы
И ветер крылья опустил.

Лес замер и не шелохнётся:
Он охраняет вечный сон,
Тех, кто к нам больше не вернётся...
Лишь колокольный слышен стон.

Дотла Холстинка вся сгорела,
Большого Дуба — больше нет.
Земля от горя поседела
От тех далёких, страшных бед.

Здесь нашу душу рвут стенанья.
Тут гнёзда аисты — не вьют.

Мария Веселовская-Томаш

По капле кровь в день поминанья
Рябины гроздьё скорбно льют.

Грустит задумчивая осень,
В пурпурных красках бабье лето,
«Не забывайте, — всех нас просят, —
Поры военной лихолетье!»

Сад уцелевший рассыпает
На землю яблоки и груши —
Так каждый год он поминает
Погибших и сожжённых души.

12 октября 2002

СОЛДАТАМ XX ВЕКА

Солдаты XX века
Больших континентов Земли,
Вы — в книжных томах, в фильмотеках,
Вас помнят в степях ковыли...

Солдаты XX века
Той страшной Второй Мировой, —
Скорбят по вас быстрые реки,
Вы вечный нашли в них покой...

Вы — в шапках-ушанках, пилотках,
В цветастых платках на плечах,
В шинелях суконных, в обмотках,
В кирзовых больших сапогах...

Война проходит через сердце

С винтовкой, гранатой в тачанке,
На смелом, лихом скакуне,
С «Катюшей» в обнимку, на танке,
В подлодке, в морском корабле...

Вы — в птице стальной в поднебесье
У самого солнца, у звёзд —
Несли нам свободу под песни
Сквозь гроздя сверкающих гроз.

Солдаты XX века
Обязаны предостеречь:
Война — это кровь и калеки!..
Планету должны мы беречь.

Чтоб песни о счастье слагали,
Чтоб дети рождались в любви, —
Солдаты, вы всем наказали,
Чтоб войны исчезли с Земли?!.

Ракеты... ракеты... ракеты —
Они сеют смерть по Земле:
Не станет небесного света
И жизнь растворится во мгле.

XX века солдаты
Той страшной Второй мировой,
Восстаньте из праха, ребята, —
Мир вновь заслоните собой!

25 января 2005

Мария Веселовская-Томаш

СПИТ МАМАЕВ КУРГАН

*Тебе не больно, Земля?
Посреди тишины
В тебя упираются два костыля
Инвалида войны...*

Автор неизвестен

Спит Мамаев курган,
Тишиною объят,
И, страдая от ран,
Плачет бывший комбат.

Отложив костыли,
Он к кургану приник
И сквозь стоны земли
Слышит памяти крик...

«...Не на жизнь, а на смерть
Я бойцов посылал,
Грозный, огненный смерч
Не щадил их, сжигал...

Полегли сыновья,
Защищая свой дом.
Жив остался лишь я...
И вина ль моя в том?

Да, ребят не сберёг:
Сам подкошенный пал.
Я б прервал, если б смог,
Адский, ливневый шквал».

Замер бывший комбат,
Слёзы льются ручьём.

Война проходит через сердце

Он воюет опять
Защищает свой дом...

Густо пенилась кровь,
В Волгу горько текла.
И своих, и врагов
Хоронила земля...

Сталинград... Волгоград...
Мой Царицын родной
Здесь сыны твои спят,
Береги их покой!

И скорбит пантеон
Над могучей рекой.
Не погаснет огонь
Над священной землёй!

Спит Мамаев курган,
Тишиною объят,
И, страдая от ран,
Плачет старый солдат...

24 ноября 2005

ФРОНТОВИКИ ПОД МАРШ ШАГАЮТ

Под марш на праздничных парадах
Фронтовики пока шагают.
Сверкают золотом награды —
В них гордость Родины играет.

Мария Веселовская-Томаш

Опять весна! Начало мая...
Вновь ордена звенят чуть слышно,
Но с каждым годом заглушает
Их звоны соловьиным свистом.

Грядут рассветы и закаты.
Фронтовики — ещё шагают.
Их кружат годы-листопады,
В последний танец вовлекают.

Когда уйдёт солдат последний, —
Осиротеет вся Россия,
Но соберутся в День Победы
Потом их души в небе синем.

...Пока на праздничных парадах
Фронтовики под марш шагают.
Сверкают золотом награды —
В них гордость Родины играет.

26 октября 2004

ЦАРИЦЫНСКИЙ ВАЛЬС

Стихи и музыка
Марии Веселоской-Томаш

Горел Сталинград
И Волга-река пламенела,
От крови солдат
Вскипала она, багровела.

Война проходит через сердце

Царицынский вальс, царицынский вальс...
И в вихре печальном кружатся берёзы.
В нём слышится плач, в нём слышится плач —
Дрожат материнские скорбные слёзы.

Чернела заря
И ветры от горя стихали.
Фонтаном земля
Погибших сынов присыпала.

Царицынский вальс, царицынский вальс...
И в вихре печальном кружатся берёзы.
В нём слышится плач, в нём слышится плач —
Роняет вдова в одиночестве слёзы.

Дымились вдали
Степные духмяные травы —
На них полегли
Солдаты великой державы.

Царицынский вальс, царицынский вальс...
И в вихре печальном кружатся берёзы.
В нём слышится плач, в нём слышится плач —
Горьки бесконечные женские слёзы.

Царицынский вальс, царицынский вальс,
И в вихре печальном кружатся берёзы.
Над степью гремит извечный салют
То эхо войны — Сталинградские грозы...

12 октября 2007

ШАНС НА ЛЮБОВЬ

Стихи Мария Веселовская-Томаш,
музыка Марк Черра

Пишу из окопа, родная.
Жестокий закончился бой...
Ты ждёшь меня, верю я — знаю:
Я мысленно связан с тобой.

Воюю с врагом беспощадно,
За Родину насмерть стою!
Наград никаких мне не надо
Тебя больше жизни люблю!

Прпев:

А пули летят и строкою пунктирной ложатся,
Фонтаны земли в диких плясках от взрывов кружатся.
В огне полыхают родные поля и леса,
От дыма и гари срывается гневно слеза!

Вернусь, я вернусь непременно,
Не дрогнув, врага разгромлю!
И буду твердить неизменно:
Мой ангел, тебя я люблю!

Мы снова закружимся в вальсе
Под звёздные ночи без снов!..
Врагу не оставлю я шансов
Все шансы отдам на любовь!

Прпев:

А пули летят и строкою пунктирной ложатся,
Фонтаны земли в диких плясках от взрывов кружатся.

Война проходит через сердце

Во имя любви я врага буду бить до конца,
Чтоб ты подарила три дочки мне и сорванца!

А пули летят и строкою пунктирной ложатся,
Фонтаны земли в диких плясках от взрывов кружатся.
Врага буду бить до конца я во имя любви,
Чтоб пели в садах для влюблённых всегда соловьи!

27 февраля 2010

Юлия*

Свинцом всё небо тучи затянули,
Уплыли в ночь, как кипень, облака...
На верность мы Отчизне присягнули
Разбить коварного и наглого врага.

Но где-то на военном перекрёстке
Свою любимую, невесту, потерял.
Свистели пули беспощадно, хлётко,
А я по сокровенным письмам тосковал.

«Юлия! Всем звёздам в небе свой вопрос я
задавал, Где она?» В полях, лесах её отчаянно
искал.

Плакало в ответ мне эхо равнодушной тишины.

...Юлию с «Дороги жизни» вынес —

вырвал у войны!

**Юлия Старовойт-Карташёва — медсестра блокадного Ленинграда. Искал её жених Евгений Карташёв — бывший лётчик-истребитель, защитник неба Москвы. Поженились в 1945 году под залпы салюта.*

Мария Веселовская-Томаш

Ах, как длинны дороги фронтовые,
Но долгожданный День Победы наступил
Сердца в глубоких шрамах, молодые
Салют Победы навсегда соединил.

Вновь соловьи спать не дают, шальные,
Поют без устали, как много лет назад,
Нас возвращают в годы фронтовые
В полёты над Москвой, в блокадный Ленинград...

29 апреля 2004

ВАЛЬС ЗАБВЕНИЯ

*«... Никто вернуть нам погибших не в силах,
И вдовы горюют, и плачет гармонь,
И звёзды пылают на братских могилах,
И светит над плитами вечный огонь...»*

«Дети мои, дети мои». Максим Геттуев,
Народный поэт Кабардино-Балкарии

Долго не соглашалась на поездку в Кисловодск: климат тамошний мне не подошёл ещё в далёком 1986 году. Уговорила меня поехать туда в санаторий знакомая. Мы очень устали и жаждали отдохнуть.

В душе, глубоко, где-то на самом её доньшке, копошилась надежда: а вдруг всё обойдётся. Прошло двадцать лет с первой поездки! Всё должно быть нормально. Климат меняется, и мне обязательно должно быть там хорошо! Но даже не это склонило чашу весов к поездке: я хотела побывать снова на военном

кладбище, первое посещение которого для меня является знаковым.

Приехали на Кавказ в начале июня. Размещались, посещали докторов, сдавали анализы, знакомились... Время шло незаметно, я помнила, что обязательно должна посетить военно-мемориальный комплекс.

Приближался день двадцать второго июня. Этот день я и выбрала для посещения мест захоронений воинов — героев Великой Отечественной войны. Прошу сотрудников санатория «Виктория» напомнить, где оно, захоронение, описывала большие плиты, на которых было только одно слово «Неизвестен». Никто не понимал, о чём я вообще говорю. Наконец, одна официантка рассказала, как добраться на военное кладбище.

М.Н. Скакунов, сосед по столу в столовой, бывший профессиональный военный, полковник в отставке, воин-интернационалист, побывавший в современных горячих точках и на ликвидации последствий Чернобыльской АЭС в качестве командира бригады, что такое потеря близких и друзей, знает не понаслышке. Он вызвался сопровождать меня. Не просто, чтобы составить компанию: он все годы после окончания Великой Отечественной войны разыскивает могилы своих родных, братьев отца — Матвея Ивановича и Михаила Ивановича СКАКУНОВЫХ. Их, тяжёло раненых, доставили с фронта в один из Кавказских госпиталей, где они скончались. Попытки разыскать захоронения героев вот уже много-много лет не приводят к успеху. Столько времени прошло!..

На автолайне быстро добрались до военно-мемориального комплекса.

Мемориальный комплекс
«Солдатам Родины»

Нашему удивлению не было предела: 14 часов 30 минут и ни одного человека! За прошедшие двадцать лет выстроили памятник солдату-победителю. На постаменте лежит скромненький букетик в целлофане, цветы от солнца уже заметно привяли.

Проходим по рядам. Узнаю и не узнаю то, потрясшее меня двадцать лет тому назад, кладбище. Тогда я ходила в изумлении. Меня терзал вопрос: почему на плитах всего одно лишь слово «Неизвестен».

Экскурсовод пояснила:

— Во время войны тут находился госпиталь, в котором умирали, не приходя в сознание, доставленные с фронта солдаты.

«За годы Великой Отечественной войны в госпиталях города прошли лечение более 500000 раненых на фронтах. Свыше двух третей из них вновь смогли вернуться в строй, чтобы беспощадно громить врага».

(Информация из Интернета).

Помню, бродила я тогда между плит и душа моя не могла согласиться с тем, что имена солдат-героев не восстановили, никто не разыскал родных.

Ещё больше разум бунтовал оттого, что на кладбище царило запустение. Сквозь кроны деревьев прорывались лучи яркого солнца. Багряная листва деревьев, тронутая первым дыханием осени, кружилась с ветром в печальном вальсе. Ветерок то затихал, то снова пускался по только ему известным, невидимым для нас, тропкам между надгробиями в вечные па. Листья, уже высохшие, скорбно шелестели, словно то перешёптывались души покинувших живых навсегда. Слетевшие недавно с деревьев листья, ещё тяжёлые от воскового налёта, блестели на солнце, постепенно багровея, поддавались порывам ветра и кружились... кружились в траурно-вечном Вальсе Забвения...

Сердце терзалось, негодовало.

Четыре месяца спустя, под 1987 год, по воле судьбы я попала в больницу. 31 декабря в столовой, 23 часа, вот-вот наступит полночь. Кто-то пил чай, кто-то смотрел телевизор, кто-то играл в карты... Уже слышны шаги Нового, 1987, года. В углу за столиком сидел пожилой мужчина. Разговорила с ним (кажется, его звали И.И. Ивановым). Он работал с картотекой участников парада Победы 1945 года. Скоро страна будет отмечать 45-летие Победы. Иван Иванович проверял, кто из победителей ещё жив. О чём-то мы долго говорили — не помню, о чём. Совершенно не помню подробностей!

Легла, но никак не смогла уснуть. Беседа с фронтовиком разбередила душу. До утра написала первые «серьёзные», как я посчитала, строки.

С тех пор я веду отсчёт своей литературной деятельности.

ПУСТЬ НЕ БУДЕТ МОГИЛ НЕИЗВЕСТНЫХ

1.

Я обращаюсь к тем, кто воевал:

КТО подвиг совершил, но не дошёл — упал?!

КТО с вами рядом был, не добежал — упал?!

КТО жил вчера ещё — ведь жил! — И вдруг
пропал!..

2.

Прошедшие сквозь град, свинцовый шквал, —

Святую память вашу всколыхните,

КТО светлый час Победы приближал, —

Всех без вести пропавших назовите!

Победный отгремел давно салют,

Закончили солдаты подвиг ратный.

Хоть столько лет прошло — им письма шлют,

А письма не находят адресатов.

Прошу меня простить, фронтовики,

Что чувства ваши болью наполняю,

Но не у всех могил лежат венки,

И вечный сон не всех мы охраняем.

Вас заклинаю: вспомните места,

Где шли бои... Восстановите даты.

Когда и ЧЬЯ оборвалась мечта?

Ведь до сих пор с войны идут солдаты...

Одни из них отстали в камышах,

Другие — отдыхают под горою.

А сколько их покоится в лесах,

В могилах безымянных под водою!..

Война проходит через сердце

3.

Пусть не будет могил неизвестных
И без вести пропавших солдат.
Долг живых — сложить реквием-песню:
Всех по имени вспомнить, назвать!..

31 декабря 1986 — 1 января 1987

Тема войны, прославление подвига простого солдата проникла глубоко в сердце и не покидает его. К счастью, не покидает...

Вернулась в тот раз я из Кисловодска в ещё большем потрясении: не увидела ухоженных всех-всех могил. По-прежнему много уже не больших плит, а таких надгробных ... «камней», величиной с экран телевизора, примерно, как монитор, в который сейчас гляжу, набирая эти слова. Многие из них пусты, только по углам — специальные углубления: понимаю, что это места для табличек с фамилиями, именами... Но сами они не восстановятся! Мёртвые кричат, а мы их не слышим.

Мария Веселовская-Томаш

Кое-где, выросшие после моего первого посещения, вечно зелёные кустарники зачахли, высохли. Щедро запеленатые паутиной, они стоят, как часовые: не уходят, сторожа вечный сон Великих Солдат.

Нет-нет: это не одни и те же надгробия! И не все из них попали сюда... Это один и тот же «Вальс забвения» звучит...

Родина! Твои сыновья положили свои жизни на Алтарь Отечества. Обними их, обогрей! Помни о них, как помнили они о своём сыновнем долге.

Спускаемся ступеньками, склоняемся к каждому камню, читаем фамилии с едва теплящейся надеждой встретить фамилию «Скакунов», но, увы... Михаил Николаевич уже обследовал могилы в соседних кавказских городах, но тщетно.

Уже собрались уходить, как из-за раскидистой туи мы увидели немолодого мужчину. Он переходил от одного надгробия к другому, наклонялся к ним, что-то шептал. Заговорили с ним, познакомились:

— Юрий Павлович Ушаков. Назвался незнакомец. И мы представились.

Расспросили его, есть ли ещё военное кладбище в другом месте.

— Нет, это одно в нашем городе.

— Но я не увидела тут большие плиты, их когда-то было много с одним лишь словом «Неизвестен»...

— Когда?

— Двадцать лет тому назад.

— Ну, что Вы, это ж столько воды утекло с тех пор!.. Оно одно и было всегда. Да-да, его облагородили, высадили кустарники. Да, правда, очень много плит без имён. Имена не восстановили, жаль.

— Вы знаете, кстати, — отвлёкся Юрий Павлович, — этот район назван в честь знаменитого учёного Цандера, сделавшего очень много для космонавтики. Так вот, я сюда, на Мемориальный комплекс «Солдатам Родины», каждый год в этот день прихожу, брожу между надгробиями, снова и снова вчитываюсь в имена солдат.

— Нет, мне не пришлось по возрасту воевать, но я очень хорошо помню те годы.

Юрий Павлович сказал, что с утра приходили сюда представители местных властей.

— А где же цветы? Что-то не видно венков... В такой день!

Юрий Павлович промолчал, потом от досады крякнул, повернул голову к памятнику, взглянул на увядшие цветы.

Юрий Павлович поминает павших за Родину

Архитектурно-скульптурная композиция «Журавли»

Я вытащила припасённый коньяк, стаканчики, конфеты и мы помянули тех, кого помнят и преданных забвению, всех спящих вечным сном.

— А вы были на проспекте Мира в Кольцовском сквере? Там стоит памятник. — Продолжил беседу Юрий Павлович.

— Да, были. Сфотографировали. Место ухожено. Правда, плита треснута.

Война проходит через сердце

Это памятник в честь земляков, жителей Кисловодска, погибших в годы Великой Отечественной войны. Многие ушли на фронт, а вернулся далеко не каждый. Поимённый список высечен на стене сбоку от обелиска и есть они в краеведческом музее города. В центре композиции — изображение трёх журавлей, а у подножия обелиска — фигура матери.

Горит Вечный огонь.

Наш новый знакомый ушёл, оставив нас с Михаилом Николаевичем в недоумении, и мы снова пошли бродить в поисках родных ему фамилий.

Заброшенные плиты навевали очень грустные, щемящие мысли.

Уехала домой с тяжёлым камнем на душе... Как будто и не было позади двадцати лет.

Август — декабрь 2007

Обращение к потомкам

Ольга Демидова

**Ольга Владиславовна
ДЕМИДОВА**

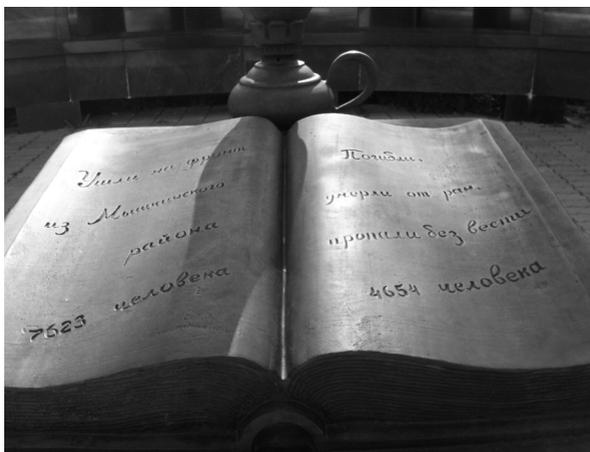
Родилась в Зеленограде (Москва). После школы закончила училище №113. А позже закончила Медицинский колледж №4 .

Работала в поликлинике. Параллельно занимаюсь созданием видеороликов, фото. Успешно прошли фото-выставки: «Благословенное село Селище», «Вниз по матушке по Волге», «Богородицкий дворец—музей», «Дом П.И. Чайковского в г. Клин». В 2014 году стала Лауреатом Московского фестиваля искусств «Вдохновение». Член Международного Союза славянских журналистов.

Война проходит через сердце

Штыки. Остались навсегда бессмертны...

Книга Памяти

Нижний Новгород. Памятник сторожевому кораблю «Герой».

Ниж. Новгород Чкаловская лестница. Памятник сторожевому кораблю (Герой)

Ярославль. Вечный огонь

Война проходит через сердце

Парк Победы в Чебоксарах

Светлана Демидова

**Светлана Степановна
ДЕМИДОВА**

Член Международного союза славянских журналистов.

Родилась в Смоленске. В 1960 году окончила географический факультет МГУ им. Ломоносова. Работала на кафедре экономической географии, затем — преподавала в школе, потом работала экономистом на производстве. Автор 5 поэтических сборников.

Публиковалась в поэтическом альманахе «Третье дыхание», в различных газетах. Сотрудничала с медицинским журналом для детей «Нутришка». Часто проводит авторские поэтические встречи и вечера в ЦСО, в концертных залах «Новая сцена», ЦДКЖ. ДОМЖУР.

Победитель конкурса «Творить. Создавать. Жить.»

ВСЁ МЕНЬШЕ И МЕНЬШЕ СРЕДЬ НАС ВЕТЕРАНОВ

Всё меньше и меньше среди нас ветеранов
Вернувшихся после войны.
Но память о ней у них ноет, как рана,
Хоть шрамы её не видны.

Они защищали свой дом от фашистов,
Зажавши в кулак свою боль,
Их гнев был оправдан, их гнев был неистов,
Была в этом мужества соль.

Мальчишками подвиг они совершили
И плюнули смерти в лицо,
Но всё же в мечтах на свиданье спешили,
Вручить чтоб любимой кольцо.

Ещё о разгроме фашистов мечтали,
Вернулись чтоб мирные дни
И дети военной поры позабыли
Тревожные впроголодь сны.

Теперь тех мальчишек зовём ветераны
И с буквы большой пишем их имена.
За подвиг в войне им поклон православный,
Почёт им и слава во все времена.

Светлана Демидова

ЖУРАВЛИНАЯ СТАЯ

Пронзительно кричали журавли,
Россию ранним утром покидая.
Курлыканье их слышалось вдали,
Пока виднелась в поднебесье стая.

Затихла в этот миг земля,
Как будто с ними навсегда простилась,
Не зарумянилась, как принято, заря
И даже травушка рососою не умылась.

Печаль укрыла саваном поля,
Как будто мир простился с человеком,
Душа которого, под видом журавля,
Летит к теплу на встречу с вечным летом.

Давным-давно летящий белый стерх
Стал символом бессмертья человека,
С ним, как журавль, душа взмывает вверх
И связь с землёю превращает в эхо.

*Стихи положены на музыку
композитором А. Шустовым*

ОНИ НА ПАМЯТЬ ЗАСЛУЖИЛИ ПРАВО

Почти четыре года шла война,
Пока от нечисти страну освобождали,
Вдохнула с облегчением она,
Испив с избытком горя и печали.

Война проходит через сердце

Пришла победа ранним майским днём,
Омытая горячими слезами,
Воспетая по храмам звонарём,
А также благодарными устами.

Мы победили лютого врага.
Нам дорогого стоила победа.
Сраженье помнит Курская дуга
И Сталинград всю боль потерь изведаль.

На карте Родины фашизм оставил след
Сожжёнными до пепла деревнями,
У нас в стране семьи, пожалуй, нет,
Где сыновей в боях не потеряли.

И потому огонь вечный горит
У обелисков памяти и славы,
Никто из павших нами не забыт —
Они на память заслужили право.

ПОКОЛЕНЬЕ МОЁ

Поколение моё — это дети войны,
Это те, кого детства лишили,
Те голодные дети великой страны,
Кто в землянках сиротами жили.

Не забыть измождённые лица детей,
Переживших в концлагерях пытки,
Слёзный крик отправляемых в плен малышей,
Во спасение к Богу молитвы.

Светлана Демидова

Нас фашисты рабами хотели считать,
Безымянными звали скотами,
Не смогли только ироды эти понять —
Не так просто расправиться с нами.

Даже малые дети во время войны
Уходили в леса партизанить,
Они — предков великих российских сыны,
Не позволили Русь испоганить.

Они шли на завод и вставали к станку
Вместо тех, кто на фронте сражался,
А рабочий паёк, где кусок сахарку,
Младшим детям в семье доставался.

Жаль, что не было у государства наград
Тех, что детям за труд бы вручали,
А с другой стороны, и совсем не пустяк —
Их, как взрослых, тогда награждали.

Поколение моё! Ты достойно наград!
У тебя на то полное право.
У Кремля в День Победы на равных стоят
Фронтовик и рабочий — поборники славы.

ЧИТАЛИ ДЕВОЧКИ СТИХИ СО СЦЕНЫ

Читали девочки стихи со сцены
О битве беспощадной под Москвой.
Их слёзы на глазах были бесценны —
Как будто они сами пережили бой.

Война проходит через сердце

Как будто сами в том далёком сорок первом
Зенитчицами были на войне,
Как будто не боялись своим телом
Закрывать врагам все подступы к Москве.

И вопреки естественному страху
Приказывали по врагам огонь открыть
И мысленно на помощь звали маму:
«Ой, мамочка, спаси! Хочу я жить!»

Я слушала стихи и мне казалось,
Что эти девочки пришли из той поры,
Что это им изведать всё досталось —
И смерть, и боль, и ужас той войны.

Мне стало нестерпимо больно
Смотреть в их слёзные прекрасные глаза
И я подумала тогда невольно —
Погибших на войне забыть нельзя.

Зоя Емельянова

**Зоя Михайловна
ЕМЕЛЬЯНОВА**

Творческий псевдоним — Зоя Безхутрова - кандидат физико-математических наук, поэт и художник. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей и литфонда Москвы, Международного Союза Славянских журналистов, Международной ассоциации «Союз дизайнеров» и Творческого Союза художников России.

ОНИ ОТСТОЯЛИ МОСКВУ

(Парад 41 года)

Красная площадь. Пробьют вновь куранты,
Как в мирное время точь-в-точь.
И ожидают парада солдаты,
Не спавшие прошлую ночь.

И верят с трудом, что это возможно —
В лихую годину парад!
Войска подтянулись, стоят надёжно —
Парад всем дороже наград.

На мавзолее — Правительство, Сталин.
Все стихло. Парад открыт.
Традиционно мундир поправив,
С бойцами вождь говорит:

...достоинными будьте сынами Отчизны.
Ведь вами гордится страна.
Освободителей миссия ныне
Лишь в ваши руки дана.

Мужество предков пусть вновь вдохновляет,
На подвиг ведет оно вас.
Мы нашу свободу, весь мир это знает,
Отстаиваем сейчас...

За речью — салют и дробь барабанов,
Под марши курсанты идут,
Затем моряки, ряды пехотинцев
Алые стяги несут.

Зоя Емельянова

На поднятых пиках плывут штандарты,
Цоканье слышно копыт,
Сливаются с сёдлами кавалергарды,
Снег на папахах лежит.

Грохочут тачанки, пушки и танки...
Колонны идут прямо в бой.
Все понимают: бои будут жарки —
Готовы стоять стеной!

И жизнь не жалея, будут сражаться:
Дзоты собой закрывать,
Под танки бросаться, в гранит обращаться
И на смерть, не дрогнув, стоять.

Война — это страшно, кошмарно и жутко!
Земля с небесами дрожат;
Здесь грохот снарядов, дождь из осколков
И пули свистят и визжат.

Геройскую стойкость, силу, отвагу,
Величье народ проявил.
Сквозь кровь, пробиваясь к победному шагу,
Он славу в боях заслужил.

Победа досталась нелегкой ценою —
Мы все оплатили сполна.
Священной любовью и верой святою
Гордятся народ и страна!

СЛУШАЯ ПАРАД 1941 ГОДА

У репродуктора стоит толпа,
Умолкли все, что скажет нам Москва?
Спокойные и сильные слова —
Подхватит их народная молва.

Прижалась к маме: «Дочка, слушай, стой,
Ведь это Сталин говорит с тобой.
Народ свободу должен отстоять,
Чтоб землю нашу враг не смел топтать».

Речь кончилась, но все стоят, молчат,
Узнать желают, как идет парад?
Вот барабаны бьют. Песни звучат
И грозные шаги солдат стучат.

И цоканье копыт, и танков ход...
Вновь музыка. Песни ушедших дней.
Решаем — свой построить самолёт.
И облигации старик несёт.

Собрали всё, кто, что имел тогда.
Всех всколыхнула общая беда.
Утроив силы, не страшась невзгод,
Жизнь не жалея, отдавал народ!

Я хоть была малышкой в этот год,
Но память в сердце и сейчас живёт.

ЗАЩИЦАЯ МОСКВУ

Обрушил враг удар коварный
на наши села, города.
И гнев святой народа лавой
накрыл захватчиков тогда.
Чтоб отстоять Москву, Отчизну
поднялся весь честной народ,
И не справляли они тризну,
жизнь не жалея, шли вперед.

Пред смельчаками скрежетала
лавина танков впереди.
«Пантеры» там и «Фердинанды»,
но сквозь заслон им не пройти.
Героев горстка, став бессмертной,
не пропустила вглубь врага.
Сражаясь насмерть, доказали,
как Родина им дорога.

Каждый кусок родной землицы
отстаивали до конца.
И до последнего дыханья
стучали в такт бойцов сердца.
Война народная не новость —
гордость и смелость есть где взять.
Вновь захватила всех отвага:
умрем, спасая землю — мать.

В порыве страстном и священном,
сквозь пули, взрывы, смерть и гром
Шел дед Татьяны в сорок первом,
чтоб отстоять родимый дом.

Война проходит через сердце

Список героев бесконечен,
ушедший жертвовал собой,
И памятник пусть будет вечным
для тех, кто не пришел домой!

РАЗГОВОР С ОЧЕВИДЦЕМ

У памяти и я в долгу,
Но возвращаться не могу.
Полусожжѐнное село
И виселицы вдоль дороги.
И подкосились сразу ноги.
Сколько в войну здесь полегло?!

Одна семья — всего одна,
Но восемь братьев в ней скосило,
Война — жестокая война!
Она народ мой не щадила.

И умирали, стар и млад,
И до сих пор в глазах стоят
Долго весящие тела,
Чтоб дрожь по сердцу пролегла.

Но только ужас вызывал
Тем надругательством фашист.
И каждый отомстить мечтал,
Кто был душою своей чист.

И голод, холод — всё стерпел,
хотя иссох и почернел,
Народ так победить хотел,
Что даже смерть преодолел!

ПИСЬМО С ФРОНТА

Держу в руках письмо отца —
Весь пожелтевший треугольник.
Слова читаю до конца
И трогаю засохший донник.

И слезы трудно мне сдержать.
В немногих, полустертых, строчках
Сумел он главное сказать:
«Люблю» — своей малышке — дочке.

Отец писал: «Вчера был бой,
Жестокий, пострашнее ада.
Рисунок твой я брал с собой.
Он был душе моей отрадой.

Сейчас прилёт среди цветов.
Краса, аж дух перехватило!
Скажу тебе я пару слов,
Чтоб землю ты всегда любила.

Будь умницей, всем помогай,
О доброте не забывай.
А я, как с немцем разберусь
К тебе, родимая, вернусь».

Но не пришёл отец домой...
И лишь наказ всегда со мной.

Война проходит через сердце

Безхутрова Агафья Алексеевна — почетный гражданин Ардона. Четыре раза ходила из с. Баксан (Каб. Балк. респ.) через линию фронта в Северную Осетию. 6.12.1942 года Безхутров Михаил Григорьевич погиб под Арфоном.

МАМА – ПАРТИЗАНКА

I

Пойдём подруга через фронт вдвоём,
Мужей увидим, пользу принесём.
Ведь на рассвете не заметят нас.
Село быстрее обойдём сейчас.

И это близко — километров сто
На, стёганку надень —ними пальто.
Мы постараемся и в тыл зайдём,
А уж потом спокойненько пройдем.

II

Ну и дела! Наши схватили нас.
И к генералу на показ.
Товарищ генерал, вот — привели...
Ребята, что вы, мы ж к своим пришли.

Мужья ведь здесь — не сбились мы с пути.
И стопку писем просим отнести.
Откуда и к кому, и как прошли?
Мы не спеша рассказ свой повели.

Заметить всё же что-то удалось.
И с картой поработать привелось.

Зоя Емельянова

Ещё придёте? — В самый раз, приду.
Я всё запомню и не подведу.

Но уговор: как к нам дойдёте,
Мужчин домой, меня возьмёте.
Кто агроном — тот может хлеб растить,
А я с винтовкой буду здесь служить.

Хоть я мала, но удалью взяла
И бить в десятку с детства уж могла.
Только прицелюсь — сразу наповал.
Хорош обмен, товарищ генерал?
Мне снайпер нужен и хотел бы взять,
Но мужа я не в праве обменять.

III

Четыре раза так она ходила...
И где бралась у мамы сила?
Не думала, опасно или нет,
Так надо — был всегда её ответ.
Пред наступлением шёл жестокий бой.
Отец погиб и не дошёл домой.
Мама сама ту весть в дом принесла,
Как враг сбежал, и мне передала.

Война проходит через сердце

Художница Юлия Панаиоти была повешена 25.09.1942 года в селе Баксанёнок (Каб.-Бал. Республики). Она посмертно награждена Орденом Великой Отечественной войны. Её фамилию носит улица в городе Баксане.

СЕСТРА

Обелиск у дороги —
След кровавой войны,
Чувства грусти, тревоги
Освещают те дни.

Я опять словно вижу
Путь последний её.
И врага ненавижу—
Изверг сделал своё.

Партизанку терзали
И пытали не раз.
Но сломить не смогли—
Не усшышали фраз...

Лишь тогда, при народе,
Хоть на шее петля...
Юля крикнула громко:
«Это наша земля!

Никому, никогда
Мы её не дадим!
Бейте подлого гада
И мы победим!»

Зоя Емельянова

С твёрдой верой в Победу
Улетела душа...
По её идём следу
Мы с тобой неспеша.

Стали старше намного
Мы её юных лет...
И опять на дороге
Промелькнул силуэт.

Память наша навеки-
Крепче, чем тот гранит.
О родном человеке
Улиц имя звенит.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

(Песня)

Послушайте внуки, что скажут вам деды:
«Есть праздник святой Великой Победы!»
Тогда весь народ в единстве поднялся
За землю родную с врагом он сражался.

Припев:

Помнить будем всегда —
Пока память дана.
Пусть проходят года —
Не сотрут имена.

Был каждый друг другу, как истинный брат
Всю тяжесть войны на плечах нес солдат.

Война проходит через сердце

Их порохом, потом пропахли шинели,
Но бойцы устояли, хоть не все уцелели...

Привет

Великую жертву впитали поля
Но помнит отвагу родная земля!

ОСВОБОДИТЕЛЯМ

Цветы из палисада
 лилии, красавки
В пучок быстрее собрала
 все до последней травки.
И воинам дарила,
 сколько рука хватала,
И их благодарила,
 и в хату зазывала.

Последний ломоть хлеба
 вам с радостью отдам,
Ведь столько лет окопы
 служили домом вам!
Не год ведь вы смотрели
 Смертям и злу в глаза,
И изредка стекала
 скупая с щек слеза.

Лишь отомстить хотели
 за зверство, за разбой.
Но вы все претерпели,
 и смело рвались в бой.

Любой ценой победа —
и никаких преград!
Поэтому мне каждый
любим, как кровный брат!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАРАДЕ 1941 ГОДА

Парад 1941 года — важный, переломный этап в Великой Отечественной войне. К этому времени уже ушла растерянность первых дней войны. Народ начал вгрызаться в свою землю и огрызаться, что было сил.

Приближалась 24 годовщина Октябрьской революции, но люди не думали о параде.

Красная площадь. Мавзолей. Правительство на месте и принимает традиционный парад, оно верит в победу.

В день парада небо нависло, сплошные тучи, идёт снег. Погода нелётная и нет опасности, что вражеские самолёты помешают великому делу. Не знак ли это свыше?!

Парад произведёт ошеломляющее действие и так приумножит силы и поднимет дух народа, что ему уже «смерть не страшна»! Устоять, отстоять и погнать прочь врага. Только так и не иначе!

Сталин — дальновидный политик — включает все резервы человеческой души. Не случайно он посещает Матрону и слышит её слова: «Москву не покидай! Красный петух победит!» Официально разрешена служба в церквях. Ходят слухи об облёте Москвы с иконой Казанской Божьей матери.

Идёт подготовка к параду. К Москве подтягиваются резервы из Сибири, Урала, Казахстана. Нельзя ого-

Война проходит через сердце

лять фронт, но и не взять, хотя бы отдельные роты солдат тоже было бы ошибкой.

Весть о том, что некоторые части будут участвовать в параде, с молниеносной скоростью разнеслась по всему фронту. Эффект был силён — люди забыли про смерть!

Устоять, удержать, умереть, но не пропустить врага — таков был общий настрой.

По всей стране шла трансляция парада. Народ слушал спокойную и доходчивую речь вождя и верил в нашу победу.

Крики «Ура!» отражали дух собравшихся войск, их готовность любой ценой не пропустить врага к стенам родной столицы.

После парада курсанты артиллерийского училища, войска НКВД, вооружённые рабочие Москвы, кавалеристы, солдаты и вся техника отправились строем защищать столицу. И они действительно сделали всё, чтобы враг не прошёл!

Александр Иванов

**Александр Михайлович
ИВАНОВ**

Ветеран труда. Член Международного союза славянских журналистов. Печатался в многотиражках и районных газетах.

УТРО 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

22 июня

Погода прекрасной была.

Жаркое лето стояло.

Природа жила и цвела.

ДЕНЬ 22 ИЮНЯ – ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

(На хуторе Бизюково)

У рощи берёзовой дети играли,

Звонкие к небу неслись голоса.

Птицы летали и громко кричали.

Природа творила свои чудеса.

Жёны в домах по хозяйству трудились.

Мужчины работать ушли на поля.

К жизни спокойной люди стремились.

К себе их манила родная земля.

Вдруг сразу в природе всё будто взорвалось.

Дорожная пыль завихрилась столбом.

В наш хутор галопом два всадника мчались,

Страшную весть нам несли в каждый дом.

Вестники эти всем объявили

Срочно собраться в центре села:

«Надо мужчин чтобы в путь проводили».

В четыре утра к нам ворвалась война!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Двадцать второго июня 1941 года жители хутора Бизюково, проснувшись утром, приступили, как всегда, к своим обычным делам.

Накануне вечером, 21 июня, бригадир колхоза «Красная Заря» дал каждому из колхозников наряд на выполнение сельхозработ. Те, кто оставался дома, спокойно занимались хозяйственными делами. Погода была теплой и солнечной. В начале десятого подростки собрались играть у березовой рощи, которая располагалась на окраине хутора. Это было прекрасное место, березы были толстые, высокие, посаженные по двенадцать деревьев в двенадцать рядов. Они представляли собой живописную картину хутора Бизюково.

Рядом с рощей из хутора шла трактовая дорога в соседнюю деревню. Возле дороги, недалеко от хутора, подростки развели костер и пекли картошку. Лето было сухим и жарким. Всех разморило, но было хорошо. Час спустя ребята заметили, как по дороге от деревни стали подниматься столбы дорожной пыли и вскоре они увидели мчавшихся во весь опор двух конных всадников. «Ой, что-то, наверное, случилось!» - крикнул кто-то. И все тут же побежали по домам. Остались у костра только двое — я и мой друг Колька Ариничев. Наш дом был рядом с березовой рощей. Мы заскочили в дом, схватили стоявшее у калитки ведро с водой и побежали заливать костер. В этот момент к нам подъехали всадники и спросили, есть ли кто из взрослых дома. Мы ответили, что никого нет, все на работе, в поле. Один из них тут же помчался к

полю собирать народ. Другой в это время стал объезжать дома и, подъезжая к каждому дому, громко кричал: «Война началась! Срочно всем собраться в центре хутора!». Когда хуторяне собрались на центральной площади, вестовые объявили, что в четыре часа утра Германия внезапно напала на нашу страну. Всем мужчинам нужно было срочно отправляться в райвоенкомат. Затем один из вестовых зачитал список вещей, которые женщины должны были собрать мужчинам с собой. На сборы отводилось всего два часа. Всем, у кого были лошади, приказано было отправляться верхом на лошадях, а остальных собрать и довести до райвоенкомата на повозках. И еще нам сказали, что лошади будут оставлены для участия в военных действиях. Со всех сторон слышался женский плач. Но скоро все было готово, все собрались. На центральную площадь опять пришли все жители хутора — и мужчины, и женщины, и дети, и старики. Мужчины прощались с женами и детьми, быстро садились на лошадей и уезжали. В спешке отец забыл со мной попрощаться. Мать заметила это, когда он уже готов был отъехать, и громко окликнула отца. Две женщины, которые стояли рядом, подхватили меня и подняли на руках, чтобы отец не спешил. Отец наклонился ко мне, поцеловал, натянул поводья и помчался галопом по той же пыльной дороге, по которой к нам пришла горькая весть. Вслед за ним умчались и все остальные. Женщины и дети долго смотрели вслед, пока не скрылся из виду последний всадник. Какое-то время они еще стояли молча, будто окаменевшие. Потом собрались в кольцо и, обхватив руками друг друга за плечи, склонили головы вниз и за-

кричали-заплакали. Это кольцо плачущих жен и матерей, со склоненными головами, было похоже на церковный купол и навсегда осталось в моей памяти. Дети стояли в стороне, причем, девочки и мальчики держали друг друга за руки. Потом девочки начали вырываться, чтобы подойти к матерям, но ребята крепко держали их за руки и не пускали, говоря: «Дайте им поплакать. Им легче станет». Женщины плакали долго и все не могли остановиться и разойтись. Вдруг, одна из них, Феврония, подняла голову вверх, с трудом вырвалась из ручного кольца, и закричала: «Кончайте плакать! Наши дети смотрят на нас! Мы должны быть сильными!» . Кольцо разомкнулось, матери повернулись к нам лицом и какое-то время молча смотрели на нас. Их лица были красно-фиолетовые, глаза опухшие и заплаканные. Тут уже девочки вырвались от мальчишек и побежали к матерям. Обняли, прижались. А мальчики продолжали стоять и смотреть, не зная, что им делать. Тогда матери окликнули нас и сказали, чтоб мы тоже подошли к ним. Они все вместе обняли нас всех сразу и стали одновременно говорить и советоваться, как же спасти детей, если вдруг к нам придут немцы. Кто-то внес предложение скрыть возраст старшим детям, были и другие, разные. Последней высказала свое предложение моя мать. Она предложила сжечь все документы о возрасте и старшим уменьшить его в разговорах на два года. Предложение было принято. Кроме того, было решено, что пока матери будут находиться на работе, старшие дети должны быть дома и смотреть за младшими и за стариками. Сказано это было спокойно и серьезно. И мы сразу почувствовали, что в этот день на наши плечи

тоже легла ответственность, и осознали, что детство кончилось и начинается взрослая жизнь. Это был первый день войны.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ.

9 мая 1945 года в Родионовской неполной средней школе шли обычные занятия. Прозвенел звонок на 4й урок и все учащиеся в классах сели за парты. Вошла учительница. Ученики, как было принято, поприветствовали ее вставанием. Она молча стояла у стола. Потом почему-то посмотрела на часы, закрыла журнал и прошла в центр класса. Мы поняли, что что-то происходит, и она очень волнуется. И вдруг она сказала: «Занятия на сегодня отменяются. Сообщаю вам очень важную новость — сегодня закончилась Великая Отечественная Война с Германией». Мы все молчали, не зная, как отреагировать. Это было, как шок. А потом вдруг все закричали «Ура!», начали улыбаться, обниматься, переговариваться и все-таки услышали ее тихий голос: «Я прошу всех вас встать и почтить память погибших на войне. Давайте объявим минуту молчания». Все тут же замолчали и встали кто где находился. «Молодцы ребята! А теперь идите, обойдите все дома в деревне и сообщите всем, что сегодня закончилась война». Мы молниеносно выбежали из школы, не сдерживая свою огромную, сумасшедшую радость от этого потрясающего известия, и, обгоняя друг друга, помчались по домам. Каждый хотел первым рассказать о таком счастье. Я и мой друг Леня Карпов, добежав до деревни, остановились и заспо-

рили, кто кому будет сообщать. Каждому хотелось охватить больше домов. В итоге он побежал на левую сторону улицы, а я на правую. Часть колхозников уже возвращалась с работы домой и мы старались встретить их еще на подходе к дому, чтобы сообщить эту потрясающую новость. Нас удивило, что некоторые женщины спокойно смотрели на нас, а потом начинали плакать вместо выражения радости. Но потом мы поняли: они же получили похоронки! Через какое-то время все жители деревни собрались в центре и туту уже все радовались и плакали одновременно, хотя очень многие еще ничего не знали о судьбе своих мужей, отцов, сыновей и братьев. Таким мне вспоминается день окончания войны и нашей Великой Победы.

**Николай Кондратьевич
КИСЕЛЕВИЧ**

Родился в Гомельской области Республики Белоруссия. Окончил Высшее общевойсковое командное училище и Академию. Воин-интернационалист. Полковник в отставке. Заместитель председателя Международного союза славянских журналистов. Активно занимается общественной деятельностью.

Автор издал пять сборников лирических стихов: «Песня — моя Россия», «Позови ты меня, позови», «Мне нашептали березы», «Калина во ржи», «Лебединая песня».

Более сорока из авторских произведений переложено на музыку композиторами России и Белоруссии.

Николай Киселевич

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Войну я помню не по книжкам,
Не по рассказам, кто как врал.
Я был тогда еще мальчишкой,
Когда фашист страну терзал.
Живы в моей памяти картины,
Как нас стреляли, в избах жгли.
Травили газом нас в машинах,
В свою страну, как скот, везли.

Там рабский труд до изнеможенья,
Фашизм всех голодом морил.
В печах нас жег на удобренье,
Европу саваном накрыл.
Но жили мы святою верой,
Что день Победы к нам придет.
Врагу отплатим полной мерой
За наш ограбленный народ.

И этот день пришел к народу,
Повержен был сей супостат.
Добил в их логове уродов
Советской армии солдат!

8 февраля 2006 г.

СОЛДАТ ПОБЕДЫ

Стоит, убеленный сединою,
Не маршал он, не генерал.
Кровавой, жизненной тропею
Он до Берлина дошагал.

Еще живой солдат Победы,
Россию он врагу не сдал.
Десятки лет он носит в теле
Тяжелый крупновский металл.

Друзья его лежат в могилах,
Так до Берлина не дошли.
Европа вся была в руинах,
Иваны русские спасли.

Он поднимал страну из разрухи,
Сеял хлеб, варил металл
И делал все без показухи,
Ракеты в космос запускал.

Он трижды был удостоен Славы
И ордена Славы трудовой.
Его должны считать по праву,
Что он четырежды герой.

Сейчас идет война другая,
Не может он в атаку встать.
Орда воров страну терзает
Придется внукам защищать.

Когда на Эльбе обнимались,
Победы дух тогда витал.

Николай Киселевич

Через полвека все пропало,
Звериный видится оскал.

Теперь нам пишут небылицы,
Что дядя Сэм Победу взял.
А кто во вражеской столице
Навеки памятником встал?

Стоит солдат в зените Славы,
Геройства нам не занимать.
Он из металлического сплава
Готов Европу защищать.

Россию НАТО окружает.
И главный враг у них терроризм.
Но новых членов принимают
В новоявленный фашизм.

Много стран расколотили,
Народы ввергли в нищету.
А как красиво люди жили!
Втянули в бойню и вражду.

Судить их будет суд народов,
За все придется отвечать,
Как Гитлер с шайкой уродов,
На эшафоте умирать.

Еще живой солдат Победы,
И дух его, ой, как силен!
Враги по новой будут биты,
Придет Европа на поклон!

7 июня 2004 год

К ТЕБЕ ПРИШЕЛ Я ЧЕРЕЗ ГОДЫ

К тебе пришел я через годы,
Оставив спать в чужой земле.
От Сталинграда до Берлина
С тобой прошли мы на войне.

Одной шинелью укрывались,
Сухарь делили на двоих,
После войны мы жить мечтали
За тех погибших и живых.

Судьба по-своему рассчитала,
Победа была так близка.
Шальная пуля повстречала,
До срока жизнь твою взяла.

К тебе пришел я через годы,
Я сделал все, как ты просил,
Я поднимал из руин заводы,
Детей красивых народил.

Поля засеял я хлебами,
Дорогу в космос проложил,
Чтоб не был наш народ рабами,
Я оборону укрепил.

Страна какой красивой стала,
Как сад весенний расцвела!
Орда воров ее сгубила,
Им заграница помогла.

Победу нашу растоптали,
Страну порвали на куски.

Николай Киселевич

Народ до нитки обобрали,
Миллионы в мир иной ушли.

Но, как всегда, встают рассветы,
В цвету природа по весне.
Фашизм по-новой рвет планету.
Хоронят Русь в чужой земле.

Придет и ко мне моя косая,
Закроет неба синеву,
Но вера есть у меня святая,
Что до Победы доживу.

На бой поднимутся народы,
Из России эту шваль попрут.
И на могилах всех уродов,
Кол осиновый забьют.

УХОДЯТ СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

Уходят солдаты Победы,
Оставшись навеки в строю,
Из них каждый такое изведаль,
Выжив в смертельном бою.

Суровой свинцовой метелью
На Запад с боями прошли.
Себя защищали солдатской шинелью,
Народам Европы мир принесли.

По дорогам кровавым стоят обелиски,
Над ними березы шумят,

Война проходит через сердце

Вечным сном спят солдаты-мальчишки,
Не целовавшие в жизни девчат.

Надевши теперь телогрейку,
На стройки, как на штурм, они шли.
Дорожили народной копеейкой,
Как зеницу ее берегли!

По новой страна засверкала,
Победной дорогой пошла,
Раны войны залатала
И в космос дорогу нашла.

Полвека нам выделяли,
Чтоб разруху в стране залечить,
И руки враги потирали,
С Россией не надо дружить.

Но победу добыли солдаты,
Что лежат на погостах в глуши.
За войну и за труд их награды
Хранятся в музейной тиши.

Время придет, и мы похороним
Последнего, что выжил в смертельном бою,
Венки на могилу положим,
Навечно он будет в солдатском строю.

Ему изваять бы по праву,
Чтоб память в потомках жила,
Памятник Вечной Славы!
Сделать это Россия должна!

Николай Киселевич

НА ПЛОЩАДИ ДОМСКОЙ

На площади Домской, старинной,
Старик на баяне играл.
Народ, деловитый и праздный,
Его стороной обтекал.

Звучали мотивы родные:
«Землянка», «Дороги» и «Сны».
Играл эти песни святые
Участник Великой войны.

В них столько истории было!
Звучали они, как звонки.
Была в этой музыке сила,
Что в бой поднимала полки.

К нему подходили с оглядкой,
Пожалуй, одни старики.
Бросали монеты украдкой
И дальше все шли напрямки.

Я дал ему двадцать сантимов,
Он тихо «спасибо» сказал.
В мыслях я был с ним незримо,
«Славянку» он мне заиграл.

Но больно ему, видно, стало,
Слезу на баян уронил.
И вдруг! «Катюша», как гимн зазвучала,
С которой в атаку ходил.

Что навеки любовь обещала,
Солдата в бою берегла.

Война проходит через сердце

Я ушел, но песнь меня провожала,
Родная, как правда, была!

Не уж то, по новой придется
Солдатам в атаку вставать?
От атома мир содрогнется,
И снова пойдут убивать.

И новые песни родятся,
Героика будет звучать.
Народы должны все подняться,
Нельзя на войне убивать!

Открытыми сделать границы,
Людам свободу всем дать,
Как братья, должны мы родниться,
Нельзя нас ничем разделять!

ПЕСНЯ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Моя страна! Моя Россия!
Тебя люблю, тебе пою.
Горжусь, что был твоим солдатом
И защищал тебя в бою.
Когда-то ты в лучах сверкала,
Опорой многим ты была.
Друзья тебя своей считали
Страной надежды и добра.

Не раз враги к нам приходили,
Тебя пытались покорить.

Николай Киселевич

Но ты с победой выходила,
Смогла врагов своих побить.

Тебя сковали злые силы,
Попала снова ты в беду.
Вставай! Вставай с колен, Россия!
К тебе на помощь я приду!

Моя страна! Моя Россия!
Мы не дадим тебя терзать.
Врагам мы выроем могилу,
Ты будешь в золоте сверкать.
Вставай! Вставай, моя Россия!
Победный голос подавай,
На смертный бой с вражьей силой
Сынов своих ты подымай!

НА ТАЙНОМ ФРОНТЕ ВЕЧНО РЯДОВОЙ

Десятки лет находишься в атаке
И каждый день стоишь на огневой,
И побеждать обязан в этой драке
На тайном фронте вечно рядовой.

Мундир годами свой не надеваешь,
В чужой стране для всех всегда чужой,
Места родные с грустью вспоминаешь,
На тайном фронте вечно рядовой.

Ночами снятся травы луговые
И как цветет черемуха весной.

Война проходит через сердце

Лицом ты молод, но виски седые,
На тайном фронте вечно рядовой.

С врагами бой ведешь святой и правый,
Чтоб дым войны не стлался над землей,
И побеждать обязан ты по праву,
На тайном фронте вечно рядовой.

Наступит час, дадут отбой когда-то
И, если ты останешься живой,
Доложишь, как положено солдату:
«Вернулся с фронта вечно рядовой».

Пройдут года, и позади Победа,
Вся голова покрыта сединой,
И скажешь внуку: «Сделал все, как надо,
На тайном фронте вечно рядовой».

17 декабря 1999 г.

**Галина Киндеевна
КУЗИНА**

Член Союза славянских журналистов.

Родилась в Западной Сибири.

Окончила с отличием музыкальное училище по классу вокала. Высшее образование получила в Москве по специальности — дирижер хормейстер.

Работала педагогом теоретических дисциплин в детской музыкальной школе.

Преподавала музыкальную литературу: русскую, западную, советскую и казахскую.

Десять лет работала заведующей отделом народного творчества Обкома партии Северо-Казахстанской области. Вела передачи на местном телевидении под рубрикой «В мире музыки».

Принимает активное участие в поэтических и хоро-вых фестивалях, имеет дипломы лауреата, грамоты и благодарности. Является номинантом Международной премии «Филантроп» в 2010, 2012, 2014гг. (сертификаты). Стихи Галины Кузиной вошли в поэтические сборники: «Лит — Клуб № 17» (2007г.); «Светлеют в поиске сердца» (Советский писатель, Москва, 2008г.); «Пока горит свеча...» (Советский писатель, Москва,

Война проходит через сердце

2010г.). Вышел авторский сборник стихов «Всплески» (РФК-Имидж Лаб, Москва, 2013).

Галина Кузина является лауреатом фестиваля ветеранов Великой Отечественной войны, посвященного 60-летию Победы, лауреатом районного фестиваля художественного творчества ветеранов «Пролог Великой Победы», посвященного 70-летию разгрома фашистских войск под Москвой. Совместно с ветеранами Великой Отечественной войны посещает школы, читает свои стихи и проводит «Уроки Мужества» для учащихся. За свою большую общественную деятельность награждена памятной медалью «70-лет Победы в Орловско-Курской битве».

ПАМЯТИ ПАВШИХ

Земля стонала, небо в рваных тучах,
Кровь струей горячей запеклась.
Болела Родина в страданиях жгучих
Боль в душе рекою разлилась.

Тем сыновьям так выпало на долю
Средь огня бушующей войны,
Отважным сердцем, мужеством и волей
Оградить Россию от беды.

И шли вперед, присяге веря строгой,
За родную хату отомстить,
Геройскою, смертельною дорогой,
Чтобы новым поколениям жить.

Свистели пули, пушки били разом,
Солдаты умирали на родных лугах,
Осыпанные пулеметным градом,
А до Победы лишь только шаг.

В жестоких битвах, подвигах бессмертных
С венками, печальями утрат,
Рвались к Победе, к новой жизни светлой,
А до Победы лишь только шаг.

Теперь нам это дорого и свято,
Благодарны, Родина, тебе
За славу, что гордимся, необъятно,
Сыновьями, павшими в борьбе.

ВЕЛИ К ПОБЕДЕ ВСЕ ДОРОГИ

Они стояли на защите,
На страже мирных, светлых дней,
Теперь в железе и граните,
В гирляндах тысячи огней.

Им в битве жребий пал суровый
Отчизну кровью оросить,
В долинах и полях багровых
Ложились в землю, чтобы жить.

Под градом пуль окопы рыли
И нашу Родину спасли,
Врагу дорогу перекрыли,
Победу людям принесли.

Тогда, в той страшной круговерти,
Бойцы боролись до конца
Не поддающиеся смерти,
Всегда бесстрашные сердца.

Вели к Победе все дороги, -
И в майский день она взошла.
На вражьем собственном пороге,
И в каждый дом она вошла.

Гордимся подвигом по праву,
Героев помним имена, -
И воздаст и честь и славу
Им благодарная страна.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Через время, горе, слезы, беды,
Сквозь огонь в свинцовой, душной мгле,
Знали мы, что к нам придет Победа
По родной измученной земле.

Праздничная, вся в цветах и флагах,
Прав, не уступая никому,
С честью, славой, гордостью, отвагой,
Верная народу своему.

Солнце светит радостью ликуя,
Торжествует и шумит народ,
А природа, всех любя, целует,
Гимн стране израненной поет.

В вихре блеска смеха и веселья,
Тонет скрежет вражеских знамен,
Падающих вниз, к ногам бессильно,
Уходящей армии в полон.

Светлая Москва салютовала,
Враг фашистский наголо разбит,
Лишь, гордясь сынами, повторяла:
«Кто на нас пойдет, тот будет бит!».

**7-Я СИМФОНΙΑ Д. ШОСТАКОВИЧА
«ЛЕНИНГРАДСКАЯ» 1 ч.**

Рассветное время уснувшей земли
Ласкает, тревожит покой,
Волшебные силы свой свет принесли
И цвет благодати лесной.

Широкою лентой струится туман,
Вливаясь в расцветье травы,
Полоскою стелется легкий дурман
Сладкой душицы, листвы.

Светает и плещет серебряный сонм
Пылает оранжевый луч,
Качается воздух от пенистых волн
И бьет убегающих туч.

Красою объята родная страна.
Но вдруг нарушается сон,
Смущается, прячется в тучах гроза
На грубый, задиристый тон.

Врывается дробь барабанная в мир-
И все погружает во тьму,
Жестокие силы слетелись на пир,
А счастье летит в черноту.

Разорванной нитью восходит зоря,
Притихший рождается день,
Зубастыми искрами нивы горят,
Там бродит враждебная тень.

Галина Кузина

Громадою гневной нависла коса,
Затмила поля и луга,
Грохочет, трясется, витает гроза,-
Так выглядит облик врага.

Суровою битвой в дыму свет и тьма
Сцепились в борьбе роковой.
Сражается свет, рассыпается мгла
Под лютою снежной пургой.

Кромсает под скрежет железа и гром,
Сжигает и рубит в огне,
Взвывает свой флаг под ликующий звон
За право, чтоб жить на земле.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Стоял разрушенный, суровый —
В беде угасший.
В сражениях, огнях багровых,
Но не упавший.

И наступил момент ударный
Снега горели,
Поля, леса в дыму угарном
Дымились, тлели.

Два фронта немцев били в клочья,
Шквалу подобно.
За Сталинград и днем и ночью
И где угодно.

Война проходит через сердце

Закат налился темной кровью
Земля дрожала
Сквозь смерть шагнувшие герои
За жизнь сражались.

Дождался враг своей расплаты:
Пурга укрыла,
И за кровь, лишь, кровью тех солдат
В котел закрыла.

Враги нашли капкан голодный
И окруженье,
В котле пропали безысходно,
Как наважденье.

А битва стала поворотом
Вся — боль и драма,
Тем самым новым оборотом
В истории Державы!

ТАНКОВОЕ СРАЖЕНИЕ ПОД КУРСКОМ

За жизнь, за счастье на земле,
За боль, как гневный приступ,
Была в жестокой той войне
Борьба за Курский «выступ».

Там выстроились рубежи
Пред танковым сраженьем,
Свинцовым градом обожгли
Чужое появленье.

Галина Кузина

И в схватке грозной, роковой
На танке в танк врезаясь,
Давили силой боевой
Во зло войны вгрызаясь.

Два мощных фронта по прямой
В упор врага рубили.
В прорыв поднявшейся грядой
Кололи, жгли, бомбили.

Очищен Харьков и Орел,
Салют был дан впервые.
А немец — сломлен, покорен
Навек людьми родными.

Тот день, — он будет знаменит,
Как танковым сраженьем.
А Курский бой навечно слит
С победным завершеньем.

МОСКВА ВОЕННАЯ

Москва стояла строгая,
Застыла в грозных днях.
Пришла война жестокая,
Проклятием в веках.

Родная, благородная -
Под звездами Кремля,
Дала присягу Родине -
И дрогнула земля.

Война проходит через сердце

В налетах вражьей нечисти
Москва была в строю,
Боролась за Отечество
В пороховом дыму.

Кипела раскаленная
В огне, за пядь земли.
Боями закаленная,
За честь своей страны.

Врага сломила Армия
В боях перед Москвой.
В Пурге, на танках в жареве
Фашист пошел в раскрой.

Москва — моя прекрасная,
Ты выстрадала все.
Сияй, же, — площадь Красная, —
Отечество мое!

ПОБЕДА (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА)

В грозные годы я детством жила.
Слышу всем сердцем суровые дни.
С песней гуляла, считала шаги,
Звонкое слово «Победа» ждала.

В памяти юной остались всегда:
Первое слово и первый урок,
Совесь и верность усвоила впрок,
Горькие слезы в душе навсегда.

Галина Кузина

Радостью шумной сверкает тот год,
Светлою лентой, свободой бурлит,
Вечный огонь всем героям горит,
Солнечным блеском ликует народ.

Пламя и бури он в гневе прошел:
Пытки и грохот, мучительный ад.
Знамя Свободы взял в руки солдат,
С ним на вершину Рейхстага взошёл.

В скорбные дни мы минуто молчим,
Памяти Павшим навеки верны,
Родины славной — Отчизны сыны,
Мирную жизнь на земле отстоим.

**Евгения Михайловна
КУРГАНОВА**

Родилась в Москве, окончила филологический факультет МГПУ им. Ленина по специальности русский язык (литература), долгое время работала в ТАСС.

Первые рассказы опубликовала в газете «Московские новости». Печаталась в альманахах «Московский Парнас», «Лесной орех», «Ясноцвет», в болгарской газете «Есенински булевард» (приложение к газете «Литература и общество»), в литературном журнале «Страна и мы», в сборнике «Вечерами у балкона». Выпустила книги: «Люблю и верю» и «Снежный вальс».

Член МГО Союза писателей России.

УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО

Сегодня позвонила из Ленинграда моя тетя Галя и попросила приехать к ней. Новое название города — Петербург — большинство коренных ленинградцев не приемлет. Собралась быстро и уже к вечеру следующего дня шагала по городу на Неве. Я влюбилась в него давно, с первой нашей встречи — в его прямые проспекты и улицы, в прекрасные мосты через Неву и многочисленные каналы, Исаакиевский собор, Адмиралтейство, Петропавловскую крепость и многое другое, чему я сразу отдала свое сердце. Мама привезла меня сюда на зимние каникулы познакомиться с родственниками и показать город. Мы тогда много ходили по музеям, просто гуляли. Я чувствовала себя в центре истории. Мне казалось, что вот-вот из-за угла выйдет кто-то из моих любимых писателей, проедет по Невскому в карете Николай Второй и его окружение.

Сейчас же я ехала к единственной оставшейся у меня родственнице. Это была женщина пожилого возраста, за восемьдесят, которая никогда никому не говорила сколько ей лет. Когда же ее спрашивали, она неизменно отвечала: «Давайте не будем говорить о грустном». Высокая, с правильными чертами лица, с классической прической, она, у окружавших ее людей, вызывала уважение и невольную робость при разговоре. Детей у нее не было — сказались последствия блокады. Вскоре после войны она вышла замуж, а через год родила мертвого ребенка. Врачи объяснили это тем, что организм был очень истощен. Всю свою любовь она отдала мне — единственной племяннице. Мы очень соскучились друг по другу и хотели просто по-

сидеть, поговорить, сходить на кладбище, вспомнить мою маму и её мужа.

Поужинав, сели на диван и стали рассматривать старые фотографии. На одной из них я увидела пятнадцатилетнюю девочку, очень худую и на костылях. Взяв в руки снимок, молча, долго его рассматривала. «Это я. Меня сфотографировали после того, как вывезли из блокадного Ленинграда» — сказала тетя, «Ты знаешь, я много прожила, но страшнее голода ничего нет. В конце ноября нам давали только 250 гр. хлеба — для тех, кто работал и 125 — остальным, а это были чаще всего дети и старики. Даже после войны я долгое время не могла наесться, делала и хранила в доме заготовки. Когда началась война, мне было двенадцать лет. Детство кончилось. Все, кто могли, вышли на строительство оборонительных укреплений, днем и ночью вместе с друзьями я дежурила на крышах домов и гасила фугасные и зажигательные бомбы. Заводы и фабрики продолжали выпускать снаряды для защиты Ленинграда. На многих предприятиях вместо родителей, ушедших на фронт, работали мы — подростки, а для того, чтобы было удобнее доставать до станка, подставляли себе ящики. Меня приняли на завод осенью, привел отец. Мне только исполнилось тринадцать лет. Несмотря на трудности, город жил: кинотеатры продолжали показывать фильмы, постоянно работало радио, шли концерты. Композитор Д. Д. Шостакович во время блокады написал свою знаменитую «Ленинградскую» симфонию. Ее исполняли голодные, замерзающие музыканты».

Тетя встала, пожившись, накинула на плечи теплую кофту, и мне показалось, что она заново пережи-

вает то время: «С конца ноября началась зима, ударили сорокаградусные морозы. Постоянно и везде тебя сопровождал холод: под одеялом, в одежде, а все равно холодно. Чтобы согреться, мы жгли все, что могло гореть в печках-буржуйках. Замерз водопровод, горожане остались без воды. Я ставила на детские саночки ведро, привязывала его и шла набирать воду из Невы. Как же это было тяжело. Обжигающий, холодный ветер, от которого некуда было спрятаться и неподъемное ведро. Не знаю, откуда брались силы. В домах не было света. Умирили целыми семьями». Тетя надолго замолчала. Завтра утром, мы с ней обязательно пойдем на Пискаревское кладбище, там похоронены ее родители, они не пережили блокаду. И там нас встретят аллеи могил, где похоронены ленинградцы — мужчины, женщины, дети, а рядом с ними солдаты и офицеры — защитники города.

За много лет, впервые, тетя решила рассказать мне о блокаде, делала она это с трудом, ей было тяжело вспоминать. Я молча слушала, боясь пошевелиться или перебить ее каким-либо словом. «Время остановилось», — продолжила она, — «помню только час, когда мама давала мне мои 250 грамм хлеба, как работающей на заводе. Лишь одна дорога (ее называли «Дорога жизни») связывала нас с Большой землей. Шла она по льду Ладожского озера. По этой дороге вывозили обессиленных людей, детей, а в город везли продукты. И все это под вражеским огнем. Но люди, несмотря на все невзгоды, продолжали оставаться людьми.

В нашей большой квартире жил сосед, перед войной он отправил семью к родителям, а сам, работая на за-

Война проходит через сердце

воде, остался дома с собакой. Он делил свой паек с ней», — тетя заплакала, это были молчаливые слезы, которые просто катились из глаз тяжелыми каплями. «Мы жили в коммуналке, около Исаакиевского собора. Кто-то предложил ему за собаку большие деньги, но он не взял. Отказался. Сосед не мог предать друга. Удивительно, но они оба пережили блокаду. Я вскоре после войны переехала в другой район, но когда приезжала в старый дом навестить друзей, то часто видела их, гуляющих по улице. Да, были люди, которые под влиянием страшного чувства голода теряли нравственные устои, но их было мало. Часто вспоминаю случай: в машину, везущую хлеб, попал снаряд, хлеб разбросало, увидевшие это люди собрали его и стали охранять, пока не приехала другая машина и не забрала его. Хотя многим он мог продлить жизнь, но никто из них не взял ни буханки». Тетя задумалась. Глядя на нее, уже пожилую женщину, я вспомнила слова одного американского журналиста, которые он написал после того как услышал «Ленинградскую» симфонию Шостаковича: «Какой дьявол может победить народ, способный создавать музыку, подобную этой?»

СЕВАСТОПОЛЬ

Мой любимый дядя Коля родился в Ленинграде. Это был мужчина высокого роста, красивый, но по складу характера достаточно молчаливый. Во время войны он был в рядах морских пехотинцев, защищал Севастополь. Призвали его в 19 лет. К этому времени он уже работал на Путиловском заводе и учился в ве-

чернем техникуме. Морская служба длилась тогда 5 лет. Ребят брали физически здоровых и с образованием, не меньше 8 классов школы. Это было необходимо морякам, чтобы легче разбираться со сложными корабельными механизмами. Рассказывать о войне дядя не любил, исключение делал только для меня. Когда мама с тетей засыпали, мы с дядей пили чай на кухне и подолгу разговаривали. Это был монолог человека, много пережившего за свою жизнь. Чаще всего он вспоминал о боях за Крым, за Севастополь, в которых участвовал. Было впечатление, что ему необходимо выговориться, несмотря на боль в душе, которую они вызывали. Казалось, время остановилось, и 30 лет, прошедших после войны не существовало.

В начале войны среди моряков объявили добровольный набор в морскую пехоту в помощь защитникам Крыма, Севастополя. Добровольцами чаще всего становились молодые ребята, комсомольцы, с разбитых наших кораблей, оставшиеся без судна. Дядя был среди них, к этому времени он уже два года служил на черноморском флоте. Враги называли морскую пехоту «черная смерть» за бесстрашие в бою и черную форму. Их боевой клич: «полундра» наводил ужас на немцев. Дядя рассказывал, как они в черных распахнутых бушлатах, чтобы была видна тельняшка, с бескозыркой на голове, ленты ее моряки зажимали зубами, боясь потерять, рвались в атаку. Особенно запомнил он свой первый бой. Когда они шли плотными шеренгами плечом к плечу в полный рост. Тогда многие его друзья погибли. Самое страшное — это штыковая атака. Он мне говорил: «Доченька, ведь не так просто убить человека, особенно когда видишь его глаза, а

отводить их нельзя, так и смотрели мы с ненавистью на немцев, а те на нас. После боя многих матросов трясло от осознания того, что они убивали людей. Винтовок нам не хватало, вооружались оружием раненых товарищей или забирали у убитых фашистов». Оборона Севастополя продолжалась 250 дней, с 30 октября 1941 года по 4 июля 1942 года. Дядя надолго замолкал, о чем-то задумывался, но спустя некоторое время продолжал рассказывать: «Зима была холодная, у многих моряков не было бушлатов, их просто не хватало. Мерзли. Все время хотелось есть, выдавали нам, чаще всего, черные сухари, когда же давали консервы, то для нас это был настоящий праздник. После сдачи Керчи, немецкое командование перебросило освободившуюся армию на Севастополь. Город бомбили круглосуточно без перерыва, из всех видов орудий, он был в огне, почти весь разрушен. Страшно было выходить на улицу. Несмотря на нашу самоотверженную оборону, положение становилось с каждым днем все тяжелее и тяжелее. Мы несли большие потери. Остро ощущался недостаток в боеприпасах. Наша зенитная артиллерия была почти вся уничтожена. Многие из-за постоянных бомбежек, чувства голода, а зимой от жутких морозов сходили с ума. Это был ад на земле. И еще агитация немцев, призывающая жителей и бойцов города сдаваться в плен. С воздуха постоянно сыпались листовки, работал громкоговоритель. Но предателей среди нас не было, никто не обращал внимания на фашистскую агитку. Город, вопреки всему, продолжал жить. Многие предприятия пришлось перенести под землю, где в горных выработках, в штольнях, на берегу Севастопольской бухты

были созданы подземные цеха, где работали рабочие, женщины и подростки: чинили и производили оружие, шили обмундирование и обувь».

Под землю перенесли заводы, склады, госпиталя, где лечили раненых, была даже открыта школа. Защитников города постоянно поддерживали военные корабли. Прорываясь в осажденный город, они доставляли пополнение, боеприпасы, привозили еду, медикаменты. Увозили на Большую землю раненых, стариков, женщин и детей. Когда корабли уже не смогли прорываться к Севастополю, их задачу стали выполнять экипажи подводных лодок, но это было недолго. Катастрофически не хватало оружия. Контратаки поддерживались слабым пулеметным огнем и немногими оставшимися ручными гранатами. В рукопашных боях, в последние дни перед сдачей города часто использовали ножи, и даже камни. Но все же город пришлось сдать. Об этом мне рассказывали друзья дяди, когда 9 мая в день Победы собирались каждый год у него дома. В одном из боев дядю Колю ранило осколками гранаты, один так и остался у него в теле на всю жизнь. Его, раненого, вывезли на Большую землю, где он лечился в госпитале. Спустя год его комиссовали. После выписки он не единожды приходил в военкомат и просил отправить его обратно на фронт, к своим друзьям, чтобы защищать Севастополь, город который стал ему родным, его малой родиной.

**Юлия Евгеньевна
ЛЕБЕДЕВА**

Лебедева Юлия Евгеньевна — член Союза писателей - переводчиков, Международного Союза славянских журналистов, лауреат Всероссийских конкурсов этого Союза: «России верные сыны»(2002 г.) и «Патриот Отчизны» (2004 г.), член Военно — научного общества Культурного центра Вооружённых сил Российской Федерации имени М.В. Фрунзе, автор семи поэтических сборников, ряда книг и статей по литературоведению, педагогике и культуре (более 200 наименований). Её стихи на русском и английском языках вы можете прочитать на сайтах: стихи.ру(2014 г.) и <http://forums.vif2.ru/showthread.php?t=2048>

Юлия Лебедева

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

*Светлой памяти моего дяди,
Генерал-майора
Лебедева Алексея Павловича*

Хотя считалось — фронт один,
Но был второй — руководим,
вооружен —

н е п о б е д и м.

Один участник рассказал,
Как он на этот фронт попал:
Как только в армию вступил,
Он на спецкурсы послан был.
Их научили и стрелять,
И парашюты раскрывать.

— Мы шифры знали наизусть:
Не понимают немцы, пусть!
Так, становились в эти дни
С п е ц и а л и с т а м и они.

— Затем — не первый самолёт
В тыл немцев совершил полёт.
Под пеленой тумана, тьмы
Вблизи лесов
спускались мы.

Война проходит через сердце

Встречали партизаны нас,
А самолеты — мы. Не раз...

Взрывали часто поезда,
Штабы фашистов — иногда,
И в плен захватывали их,
Передавали в «центр» живых.
Предателей —

казнили мы;
Своих — спасали из тюрьмы.

Вступая в вынужденный бой,
Несли урон...

Порой — большой...

Но погибали в тех местах
Не больше, чем на всех фронтах:

Хранили нас от бед леса

И патриотов адреса.

Чтоб стал народ непобедим,

Был фронт второй

н е о б х о д и м:

— Онгрызы немцев не пускал:

К Москве, на Волгу, в Сталинград.

Боеприпасы ввысь летят,

До фронта — ехать

не хотят! —

Так ветеран, смеясь, сказал.

— Он

путь к Победе сократил,

Он спас народ

от страшных сил:

**Татьяна Константиновна
ЛЕОНОВА**

Член Союза писателей России, член международного Союза славянских журналистов, член Союза литераторов России, член международной Ассоциации писателей баталлистов и маринистов.

Пишет стихи, песни и музыку к текстам песен.

Печатается в различных сборниках и альманахах: «Академия поэзии» -2007,2009,2011-2012 г.г.», «Золотая строка Московии», «Они победили фашизм», «Вместе – к Победе...», «Люблю тебя, моя Россия», «Духом Россия сильна!», «Муза» и т.д.

Имеет публикации в газете «Московский литератор» в 2011, 2012, 2013 г.г.

Автор трёх поэтических сборников: «Порою дивную...» (2002 г.), «Расписалась осень позолотой...» (2005 г.) и «Душа России» (2013 г.).

ПРИШЛА ВОЙНА

Была любовь, и пело всё в груди,
Шумел июнь, и зацветала мята.
Бал выпускной остался позади...
Дымилось утро, порохом объято.

В войну шагнули юные бойцы,
В войну, что вдруг обрушилась с рассветом.
А были молоды — ещё птенцы,
Но детство их осталось в прошлом где-то.

Мальчишки бились, защищая всех,
Стояли насмерть в той кровавой схватке.
«Во имя жизни умереть — не грех...»,—
Солдат писал любимой на тетрадке.

«Мы победим! Придёт великий час,
И свет Победы вспыхнет над страной.
Пройдём с тобою мы ещё не раз
По тропке той, что шли перед войною».

БИТВА ЗА МОСКВУ

Зима сорок первого года...
Мы бились тогда под Москвой.
За мирную жизнь и свободу
Мы приняли праведный бой.

Стонали понурые ели
И ветер рвал в клочья снега,

Война проходит через сердце

От холода руки немели...
Ах, как же глумилась пурга!

Постелью нам были шинели,
Хлестала метель по глазам,
Но даже морозы нас грели,
А смерть... шла вослед по пятам.

В тот час твёрдо знали солдаты,
Что это решительный бой
За город, за землю, что святы,
Мы встанем живую стеной.

Москву мы собою закроем!
Мы будем её защищать!
И станет наш город героем!
Пусть славится Родина-Мать!

ВЕТЕРАНАМ

Живут среди нас ветераны,
Венчают их грудь ордена.
В сердцах не стареющих раны
Оставила эта война.

Далась нелегко им Победа,
Война опалила огнём.
Всё вынесли: тяготы, беды
За Мать, что Отчизной зовём!

Страну защищали с любовью
И с честью сквозь пекло прошли.

Татьяна Леонова

Знамёна, залитые кровью,
К легенде святой вознесли!..

Победою вашей гордимся,-
Она, словно свет маяка.
Мы к этому свету стремимся,
Ваш подвиг пройдёт сквозь века!

НА КРАЮ СЕЛА

На краю села одинокий дом,
Здесь жила семья, а теперь разгром.

Одинокий дом по ночам не спит,
Под луной в саду тишина висит.

Пронеслась война, как ужасный смерч,
Хоть повержен враг, но гуляет смерть.

Полегли бойцы: на погосте спят,
На могилах их светлячки блестят.

Отгремит война, возродится сад,
Но погибших нам не вернуть назад.

Одинокий дом обретёт покой,
Зашумит наш сад молодой листвой...

ОБЕЛИСК

На обелиске в Сталинграде
Бойцов погибших имена:

Война проходит через сердце

Фамилия родного дяди
Среди других имён видна.

Он воевал здесь в сорок третьем,
Смертельно ранен был в бою,
Но выжил и врагу ответил
За «мнимую» ту смерть свою.

Как в песне: «Похоронен дважды...
И заживо...» — слова о нём.
Он воскресал... И не однажды
Бил немцев на пути своём.

ГОДЫ ВОЕННЫЕ

Россия-мать, твои дороги святы:
Они изрыты язвами войны.
В родной земле покоятся солдаты,
Своей Отчизны верные сыны.

В тот год зима клубилась мглою серой,
И взрывы бомб крушили тишину.
Плыла печаль во тьме кровавой пеной,
Затмив собою бледную луну.

Деревья обгоревшие стонали,
И ветер чёрной гарью жёг поля..
Фашистов с лютой яростью мы гнали,
И очищалась Родина моя.

Они бежали сворой оголтелой
Под жгучий холод, что сковал страну.

Татьяна Леонова

Им в след свинец летел, пронзая тело...
Да, фриц запомнит русскую войну!

Жива страна назло врагам Отчизны,
Гремит салют над башнями Кремля.
Не справил недруг по России тризны,
И вечно будет жить моя земля!!!

К ПОБЕДЕ

Страну измучила война,
Отчизна порохом пропахла.
Испили горечи сполна,
Но сила воли не иссякла.

Народа дух непобедим,
Сгущались тучи над Рейхстагом.
Стояли насмерть, как один,
И шли к Победе твёрдым шагом.

И вот он — долгожданный день!
Блеснул победный, яркий лучик.
Опять в садах цветёт сирень
Под небом Родины могучей.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Майскими свечами вспыхнули каштаны,
Облака гуляют в солнечной дали.

Война проходит через сердце

На московских клумбах расцвели тюльпаны
И сирень повсюду — радость всей земли.

Красок половодье вперемешку с солнцем
Расплескало небо над моей Москвой.
И звенят отрадно, словно колокольцы,
Песни о Победе в этот День святой.

Наши ветераны, расправляя плечи,
Празднуют, вдыхая аромат весны.
А бойцам погибшим зажигают свечи,
Всем, кто не вернулся с пепелиц войны.

В ПАМЯТЬ ОБ ОТЦЕ

У могилы отца я присяду в тиши,
Сердцем чувствуя, он где-то рядом.
И тихонечко вздрогнут все струны души
Под его нестареющим взглядом.

С фотографии смотрят родные глаза:
Очень добрые, с искоркой смеха.
Над тобою не властны ни гром, ни гроза,
И твоя здесь закончилась века.

Но тебя нет давно, так угодно судьбе,
Образ твой вспоминаю с любовью.
И я снова иду поклониться тебе,
И цветы положить к изголовью.

ДЕДА, РАССКАЖИ МНЕ О ВОЙНЕ

Деда, расскажи мне о войне,
Как ты воевал, когда был молод?
Шрамы у тебя по всей спине,
А руке, что нет, не страшен холод?

Да, я руку потерял в бою,
Гусеницы танка раздробили,
Но я жив и до сих пор в строю.
Слава Богу, выжил, не убили.

Очень страшно, внучек, на войне,
Не хочу, чтоб это повторилось.
Я так рад спокойствию в стране, -
За него четыре года бились!

– Посмотри, как хорошо кругом,
Как красивы русские берёзки,
Старый сад с сиренью под окном,
Свиристей слышны отголоски.

Каждую травинку береги,
Всё так зыбко в нашем хрупком мире.
Землю не должны топтать враги,
Сколько ж за неё голов сложили!

**Наталья Юрьевна
МАШАРОВА**

Член Международного союза славянских журналистов, фотожурналист.

Журналистикой занимается больше 25 лет, хотя по основной профессии — медик, врач — фармацевт. Имеет более 40 публикаций в разных газетах и журналах. Неоднократно выступала на радио и телевидении. С 90-х годов увлеклась фотографией, выставлялась, печаталась в различных журналах. Много работ опубликованы в Интернете.

На могилах защитников Москвы – всегда цветы от благодарных потомков

Их имена не забудут!

Война проходит через сердце

Вечная память!

Наталья Морсова

**Наталья Евгеньевна
МОРСОВА**

Автор очерков о защитниках и жителях блокадного Ленинграда, преподаватель ВУЗа, член московской организации Союза журналистов России, член международного Союза славянских журналистов. Тема блокады Ленинграда ей близка: её родственники и знакомые перенесли блокаду от начала и до конца. Наталья Морсова является дипломантом конкурса, посвящённого Великой Отечественной войне «Страницы семейной славы» в 2011, 2012, 2013, 2014 гг.

БЛОКАДНАЯ МЕДСЕСТРА

*Посвящается юной медицинской сестре
Назаровой Валентине Степановне и другим
медицинским работникам блокадного
Ленинграда, совершавшим ежедневный подвиг
во имя жизни.*

*фото из архива Назаровой В.С. и музея
Обороны Ленинграда*

Летом 1941 года ленинградцы еще не знали, какая им уготована судьба. **Валентина Степановна Назарова**, успешно закончив школу, поступила в Ленинградский горный институт им. Плеханова на металлургический факультет. Летом студенты всех институтов, как тогда было принято, отправлялись на производственную практику. Поехала и Валентина в город Мончегорск осваивать металлургическое производство. Война застала студентов в дороге. В город прибыли рано утром. Здесь уже началась мобилизация на фронт. «На вокзале мы увидели много мужчин с вещмешками, плачущих женщин, провожающих мужей, сыновей на фронт». О возвращении в Ленинград не было и речи: видимо, предполагалось, что война быстро закончится. Студенты начали работать на обогатительном комбинате «Североникель». По радио передавались неутешительные сводки с фронтов. Судьба страны в это время решалась под Москвой, немцы подошли к столице и стягивали для контрнаступления основные силы. Не менее ожесточённые бои шли и за Ленинград. Войска ленинград-

ского фронта отступали, теряя одну позицию за другой. Город оказался в кольце вражеских фронтов. Началась 900-дневная блокада.

Может быть, у советской стороны существовал план вывода войск и сдачи Ленинграда врагу без боя, чтобы спасти население и армию, например, как это сделал Париж и другие города Европы? Нет, такого плана быть не могло. Тем более, беря во внимание планы Гитлера, становилось ясно, что судьба населения города в случае капитуляции была бы не лучше его участи в условиях блокады.

Задача: «не допустить неприятеля в город, стоять до победного конца» была выполнена.

А в планы Гитлера входило полное истребление жителей Ленинграда. В директиве №1601 от 22 сентября 1941 года «Будущее города Петербурга» говорилось: «Стереть город Ленинград с лица земли! В этой войне мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения».

Именно поэтому удар немецких войск был направлен не только против военнослужащих, но и против мирных жителей. Вот некоторые данные официальной статистики о гибели гражданского населения, представленные на Нюрнбергском процессе над фашистскими главарями: в январе — феврале 1942 года в городе умирали ежемесячно примерно 130 000 человек, в марте умерло 100 000 чел., в мае — 50 000 чел., в июле — 25 000 чел., в сентябре — 7000 чел. Снижение смертности произошло из-за того, что самые слабые: старики, дети, больные уже умерли. Всего же за первый, самый тяжёлый год блокады погибли приблизительно 780 000 человек. В битве за Ленинград воинов

нашей армии, солдат и матросов погибло больше, чем в самых крупных сражениях Великой Отечественной войны: Сталинградской и Курской битве. Жертвы в Ленинградском сражении были непомерно велики: 2 млн. 700 тысяч чел.

В ходе боёв 1941 года на Северо-Западном направлении противнику удалось быстро овладеть значительной частью Ленинградской области. 8 сентября 1941 года неприятель, захватив Шлиссельбург, перерезал последнюю сухопутную коммуникацию и блокировал Ленинград. Войска ленинградского фронта, артиллеристы кронштадтских фортов, моряки Балтийского флота, советские летчики самоотверженно сражались с артиллерией и авиацией врага. Совместными усилиями им удалось остановить противника на подступах к Ленинграду и удержать его на этих позициях до полного снятия блокады в январе 1944 года. К началу блокады в городе оставались три миллиона человек, в том числе около 400 тысяч детей, — их не успели эвакуировать.

Валентина Степановна вспоминает, что война приобретала всё более затяжной характер. И тогда стало ясно, что студентов надо скорее отправить в родной город: «Ленинград нас встретил кромешной темнотой. Не было света. Не было воды, не ходил транспорт. Строго соблюдалась светомаскировка. Было налажено дежурство на улицах, на крышах зданий дежурили женщины и подростки, они тушили «зажигалки» в ящиках с песком. Скульптуры в Летнем саду, на набережной Невы закладывались мешками с песком, закрывались специально сколоченными ящиками. Шпили Адмиралтейства, Петропавловской крепости,

Исаакиевского собора и сами здания покрывались серой краской, чтобы не быть заметными с воздуха. И всё же немцы прекрасно знали расположение этих объектов, а также госпиталей, школ, детских домов, музеев, театров, заводов и уничтожали их в первую очередь».

Война заставила быстро повзростеть целое поколение ленинградских детей и подростков. Поэт — блокадник Юрий Воронов, которому к началу войны было 13 лет, писал: « В блокадных днях / мы так и не узнали: / Меж юностью и детством / Где черта... / Нам в сорок третьем выдали медали / И только в сорок пятом — паспорта».

Валентина Степановна рассказывает: — «Все студенты собрались в родном институте, было оживлённо: каждый хотел быть полезным в такой напряжённый момент для Родины. Юноши спешно уходили в ополчение, а девушки — на трудовые работы. В институте создавалось секретное спецподразделение из числа студентов и преподавателей по производству взрывчатых веществ и противотанковых мин». Валентина с подругами получила направление на строительство оборонительных сооружений. «Мы рыли лопатами и ломом окопы и противотанковые рвы под Гатчиной и Кингисепом, на себе возили плиты, впрягаясь в телеги, жили в шалашах, сооруженных наспех, питались чечевицей. Фашисты нас хорошо видели и бомбили с бреющего полёта. Первое боевое крещение я получила, когда затрещала пулемётная очередь, над головой пролетели пули. От неожиданности сковало всё тело, я не успела спрятаться в окопе, так и простояла, пока немецкие самолёты не улетели. Фашисты

быстро занимали всё новые территории Ленинградской области. Рытьё окопов больше не потребовалось. Мы отступали в город вместе с войсками».

Первая массированная бомбежка Ленинграда была 8 сентября 1941 года. Завыла воздушная тревога, и сразу посыпались бомбы, прямо на глазах рушились госпитали, жилые дома. В этот день фашисты прорвали линию фронта и сомкнули кольцо вокруг Ленинграда. Началась самая длительная в истории войн блокада. Страшным был налет вражеских самолетов 19 сентября: они бомбили город 18 часов подряд. Для спасения людей из-под завалов разрушенных домов создавались народные дружины, в домах — группы самозащиты. При звуке тревоги жильцы дома бежали на крышу и тушили зажигательные бомбы. А потом ударили морозы, замерз водопровод. «Измученные и голодные, мы шли с бидонами и чайниками к Неве и к Фонтанке. В квартире было нестерпимо холодно. Мы ломали мебель, чтобы щепками вскипятить на кирпичках хотя бы кружку воды. А мучительный голод нечем было утолить». Валентина Степановна продолжает: «Трамваи уже не ходят. Люди, словно скелеты, неторопливо бредут по улицам: унылые, голодные, обтрепанные, и говорят только об одном — о еде. Нет подвоза продуктов. Дома не отапливаются. И бесконечные обстрелы. Люди умирают от истощения».

Валентина поступила на курсы медсестёр, учиться можно было без отрыва от работы на оборонительных объектах. После окончания учёбы получила удостоверение об окончании курсов, направление на работу и военный билет. Девушку направили в действующую армию в военный эвакогоспиталь, расположенный в

здании дворца культуры им. Кирова на Васильевском острове. И началась борьба за жизнь: за свою и раненых бойцов. «Мы понимали, что наша главная задача — помочь фронту отстоять город, выводить раненых и победить врага». Девушка выхаживала раненых, сама чудом спаслась от смерти. Врачи и медицинский персонал работали сутками, не зная отдыха: на машинах — полуторках круглосуточно привозили раненных бойцов ленинградского фронта. Линия фронта проходила уже на окраинах города. Солдатам приходилось воевать в условиях блокады. Всю войну самоотверженно служил Отечеству хирург Фёдор Григорьевич Углов, проводивший тяжёлые операции при свете керосиновой лампы под бомбёжками и артобстрелами неприятеля. Академик прожил более ста лет, и всё это время неустанно работал.

Валентина Степановна продолжает: — «Когда силы совсем покидали, мы спали урывками, не раздеваясь. А раненых поступало всё больше и больше. Обстрелы и бомбёжки почти не прекращались. Мы поднимались на крышу госпиталя и сбрасывали на землю зажигательные бомбы, тушили пожары. Здания с красным крестом — госпитали, бомбили особенно часто. Госпиталь, как и всё в Ленинграде, не отапливался, не было света, операции делались при коптилках, если был керосин, а то и при свечах». Электростанция, несмотря на все ухищрения фашистов, уцелела. Когда в город подвозили топливо, тогда давали слабый свет, который был так необходим в операционной. Но это было ненадолго.

Кроме хлеба никаких продуктов не было, его выдавали раненым и медперсоналу по 250 гр. в день. Сол-

даты в промёрзших окопах получали до 500 граммов хлеба в сутки, и больше ничего. Но и хлеба в этом мессиве было мало, он состоял из жмыхов и целлюлозы, от него болел желудок. Всю жизнь Валентина Семёновна помнила вкус ленинградского хлеба, его ни с чем не спутаешь. «Такого хлеба мне не приходилось есть больше нигде. Он был тяжел с горьковатым привкусом. Иногда к этому рациону добавляли соевое молоко». Истощенные, голодные, злые раненые не переставали требовать «добавочки», чаю, соли, воды, одеял, тепла. Но взять было негде. «Еды было мало, зато вшей много».

Рабочий день в госпитале был бесконечным: «С утра мне надо было растопить буржуйку, наносить горячей воды в операционную из титана. Наколоть длинных лучин, свернуть фитили — факелы для вечернего обхода. Поскольку окна были забиты и занавешены, в комнатах даже днем было темно. Я строгала лучинки и факелы и светила врачам. Из мужской нижней рубашки мне приспособили халат, а на голове марлевая косыночка. Иногда во время врачебных обходов я засыпала там же, в палатах, но меня тормозили и я светила дальше. Эти воспоминания не затмила последняя лампочка, погасшая в операционной. Когда отключили электричество, стала замерзать вода, но операции продолжались...»

Самой трудной была зима 1941—1942 г.г. «Новый 1942 год я встретила на больничной койке: заразилась инфекцией от умерших бойцов. Тогда я так мечтала о кусочке сахара, который бы таял во рту! Электричества не было, отопление тоже. В таких условиях к утру в палатах умирало до 35-40 чел. Хлеба в эти дни

давали всем по 125 грамм. Санитары теряли способность носить раненых. Начали умирать санитары, за ними медсестры, потом и врачи. Началась дистрофия, голодные поносы и обмороки».

Валентине Степановне вспоминается встреча матери и дочери, такой же медсестры, как и она сама. «Голодная женщина, ежедневно проделывая длинный и трудный путь, навещала дочь и приносила ей суп из столярного клея. Потом она прокалывала себе палец и давала свою кровь дочери. Но и это не спасло девушку, вскоре девушка умерла».

Но были и радостные моменты: по большим праздникам по «Дороге жизни» привозили больше продуктов. Так 1 мая 1942 года население получило царский подарок: сахар — 200 гр., селедка — 200 гр., чай — 25 гр., крупа — 200 гр., водка — 250 гр., пиво — 0,5 л., сухофрукты — 150 гр. Дети вместо спиртного получили по 50 гр. какао с молоком. Хлеба в этот день всем давали по 300 граммов, а заводским рабочим и солдатам — по 500. Все знали, что доставка даже этих продуктов по «Дороге жизни» стоит невероятных усилий, но людям от этого не легче, умирать никому не хотелось. Когда лёд на Ладожском озере окреп, рацион питания улучшился. «В госпитале утром давали немного черных макарон, кусочек сахара и 50 г хлеба. В обед — суп из воды с какими-то листьями, на второе — каша, иногда кусочек мяса и 100 г хлеба. А в ужин снова чёрные макароны или каша и 100 г хлеба. Был горячий кипяток, без сахара. Рацион более, чем скромный. Но по сравнению с тем, как ежедневно питается гражданское население, это терпимо».

Нестерпимый голод в осаждённом городе заставил самых слабых духом перейти границу человеческого: «участились случаи продажи человеческого мяса. О том, что едят собак, кошек, говорили совершенно открыто, лаборантка съела 12 подопытных крыс, кто-то съел подопытных морских свинок...». Но вот поразительно: семена селекционных злаковых культур, собранных задолго до войны академиком Н.И. Вавиловым, умирающие с голоду сотрудники института растениеводства, сумели сохранить.

А Валентина Степановна продолжает: «В госпитале было темно, холодно и грязно. Воды мало. Вместо чая давали кипяток. А больные все прибывали и прибывали с фронта: истощенные, отечные, голодные. Больных в отделении было больше, чем надо. Лежали в коридорах, на носилках, на полу. И только три коптилки, вот и весь свет. Пищу раздавали в темноте, ели тоже в темноте. Медсёстры от голода вялые, одетые в большое количество одежды, валенки, варежки, которые не спасали от холода. Больные стонали, звали, они лежали в своих собственных испражнениях. Мы подмывали их, стирали в холодной воде бинты, грязные кальсоны».

В обязанности медицинского персонала входило многое: нужно было мыть полы, на это уходила почти вся ночь, топить печку, иногда разрешали мыть посуду, тогда можно было вылизать котёл, в котором готовили еду для раненых. «Однажды я упала в обморок, меня во время заметили, отнесли в палату и несколько дней усиленно подкармливали. Домой после этого я уже не возвращалась — там было холодно, не было света. Но не только голод «косил» ленинград-

цев. Весной 1942 года началась эпидемия брюшного тифа, а затем и сыпного. Не избежал этой заразы и наш госпиталь. Простыни и бинты приходилось всё время стирать. Но и холодной воды не хватало, ледяную воду кадушками на машине или на санках привозили с реки Невы. Много сил уходило на борьбу с разными паразитами, которые от грязи быстро размножались. Контуженые бойцы по ночам «ходили в атаку», раненые кричали. Но как облегчить их страдания, если не хватало инструментов, лекарств, перевязочных материалов? Умерших складывали штабелями в коридоре, потом переносили в сарай, поскольку похоронить в мёрзлую землю было невозможно. А весной рыли братские могилы». В худшем положении было гражданское население: умерших родственников на кладбище везли без гробов, привязывали их к саночкам, складывали прямо на снег, так как некому было копать могилы.

«Во время бомбёжек мы выносили тяжелораненых на носилках на улицу или в подвал, кто мог, ползли сами. Но чаще это не удавалось, бойцы получали вторичное ранение. Многие погибали». За время блокады, по официальным данным, на городские лечебные учреждения было совершено не менее 140 артиллерийских и авиационных нападений, что привело к потере более 11 тысяч больничных коек, на военные госпитали было совершено 427 нападений, в результате чего было потеряно более 26 тысяч человек, кроме того, тысячи раненых и контуженых.

«В дни затишья мы перечитывали бойцам их старые письма с «большой земли», с которой связи по долгу не было. Говорили о сражениях на передовой,

мечтали об открытии Второго фронта, о победе, в которой никто не сомневался. Однажды мне удалось выбраться из госпиталя, пешком добраться до музыкального театра и послушать «Баядеру». Зрители не раздевались, было холодно так же, как и на улице. Начался обстрел, но представление продолжалось, никто из зрителей и артистов, одетых в лёгкие театральные костюмы, не покинули театр». Все спектакли тогда шли в уцелевшем от обстрелов Драматическом театре им. Пушкина, сюда же перебрался и театр музыкальной комедии, поскольку все остальные театры были разрушены.

А 8 марта 1942 года удалось отметить женский праздник: все свободные от дежурства разложили на столе кусочки хлеба и запивали его кипятком. Мечтали о том, что по-настоящему удастся отметить праздник после войны, которая скоро закончится. «Я, в прошлом спортсменка, решила развеселить компанию и хотела встать в стойку на руках. Когда — то я была призёром института по спортивной гимнастике. Но развеселить не получилось, сил не хватило, и я упала. Ну что же, после войны обязательно получится, — обещала я».

Валентина Степановна вспоминает радостное событие: «В марте 1942 года госпиталь впервые с начала войны получил разрешение вымыть бойцов. Но оказалось, что это не по нашим силам. Раненых приходилось перетаскивать к моечному отделению, раздевать, мыть, снова одевать и транспортировать на койку. Теряли сознание раненые, теряли сознание и медсёстры». Было и другое счастливое событие: ленинский субботник 22 апреля 1942 года. «Представьте

себе блокадный Ленинград — воды нет, канализации нет, света нет. Блокадная зима прошла, но сколько нечистот появилось на улицах после таяния снега! Все, кто мог сделать хоть шаг, вышли на субботник. А потом по радио сообщили: «город наш умылся».

Какие же силы надо было приложить еле движущимся мумиям, чтобы очистить улицы! Голодные женщины, подростки сумели привести в порядок родной город. И в этом есть героизм. С первым теплом стала пробиваться травка в садах, на улицах и на траншеях, пошли трамваи, открывались магазины. Жизнь продолжалась! Дожить бы только до победы!

Валентина, живя в блокадном Ленинграде, ничего не знала о судьбе своих близких. Её родители перед войной работали в Москве, вестей от них не было. А сил оставалось всё меньше. «И наступил момент, когда выполнять работу я уже не могла. И тогда меня демобилизовали по болезни — дистрофия. В командировочном удостоверении отмечалось, что я честно и добросовестно выполнила задание Наркомздрава РСФСР. Мне выдали военный билет, сто шестьдесят семь рублей, карточку вещевого снабжения, аттестат продовольственного снабжения, по которому полагалось 600 граммов хлеба и 20 гр. сахара. Я стала готовиться к эвакуации».

С подругами Ниной и Верой Валентина выехала по «Дороге жизни» по Ладожскому озеру. «Перед самым отъездом, ухаживая за больными, я заболела: заразилась сыпным тифом. Как мне удалось выжить, не знаю, но хорошо помню, как истощённая и больная я ехала через Ладожское озеро. На бреющем полёте немецкие самолёты обстреливали машины, где в откры-

тых кузовах грузовиков, тесно прижавшись друг к другу, сидели люди. Лёд в марте месяце уже начал подтаивать, от вражеских бомбёжек растрескался, машины тонули. Из каждых ста машин добирались до места назначения только двадцать. Перед нами шла машина, в которой мать прикрывала собой детей. Неожиданно машина пошла под лёд. Мать, прижимая к себе дочь, успела выбросить мальчика лет трёх на лёд. Больше никому спастись не удалось. Мокрого, продрогшего ребёнка мы выбрали и посадили в нашу машину, а потом отправили с другими детьми в детский дом. Мальчика звали Всеволод Касьянов. Поразительно, но через много лет мы встретились с ним, выжившим благодаря жертвенному подвигу своей матери».

А потом эвакуированных сажали в товарные вагоны и везли на Волгу, в Казахстан, в Сибирь. Перед посадкой блокадников хорошо кормили, только после обеда из сухарей, сгущёнки и каши становилось плохо, и не все смогли продолжить путь. В поездах люди умирали, на остановках их выносили из вагонов. «Вагоны были переполнены, мы сидели на полу, тесно прижавшись друг к другу. К еде привыкалось трудно. Первая еда запомнилась на всю жизнь — это была мороженая луковица».

Но куда ехать дальше? Подруги решили, что будут вместе искать родителей Валентины. Отец до войны работал горным инженером. Предприятия из столицы были переведены. Вот только куда? И подруги решили начать поиск с Новосибирска. Там родителей не оказалось. Поехали у Усть-Каменногорск — в Казахстан, где до войны отец не раз бывал в командиров-

ках. Но и здесь поиски не увенчались успехом. Уставшие девушки присели на скамейку в скверике. Почему-то захотелось мужчине солидной внешности расспросить, не знает ли он Степана Ивановича Назарова. Поразительно, но прохожий хорошо знал Назарова С.И. И даже работал с ним вместе. Незнакомец позвонил по телефону и сообщил отцу о приезде дочери, а потом повёл девушек к себе домой и накормил досыта, да так, что они потом расплачивались желудочными болями. Пароходом по Иртышу он отправил девушек к месту назначения. Оправившись от трудного пути, Валентина устроилась работать в шлиховую лабораторию на прииске Тарын. С благодарностью вспоминает Валентина Степановна незнакомца. «С тех пор, часто бывая в командировках в Казахстане, я всегда прихожу в сквер «Джамбул», чтобы вспомнить того человека и поблагодарить судьбу за эту встречу».

После снятия блокады в январе 1944 года Валентина получила разрешение на въезд в родной Ленинград для дальнейшей учёбы в институте. Ехала через Москву. Москва быстро отстраивалась, здесь уже не было руин, радостные люди праздновали приближение победы. И девушка решила поступить в московский институт цветных металлов им. М.И. Калинина на экономический факультет. А потом начались проблемы со здоровьем, врачебная комиссия признала Назарову В.С. недееспособной, ей нельзя было ходить, противопоказана всякая физическая работа. Другая бы сложила руки, но только не Валентина Степановна. Наоборот, она стала много двигаться, хорошо училась, успешно изучала экономику. И полу-

чила направление на работу на завод полиметаллов, где многие годы работала в металлургической лаборатории. Здесь её нашла юбилейная медаль, посвящённая 20-летию победы в Великой Отечественной войне.

Долгие годы блокадники мало общались между собой, говорить о блокаде тогда было не принято, не поощрялось. И только в 1990 году группа энтузиастов создала «московскую ассоциацию ленинградских блокадников», председателем которой стал подполковник Всеволод Викторович Касьянов. Тот самый замерзающий ребёнок, которого мать выбросила из тонущей машины на лёд Ладожского озера.

Блокадники ежегодно отмечают два главных для них праздника: день памяти начала блокады 8 сентября 1941 года и её окончания 27 января 1944 года. На встречи московских блокадников съезжались дорогие гости — блокадники: телеведущая Валентина Леонтьева, актриса Любовь Соколова, известный советский поэт Юрий Воронов. Он проникновенно читал: «Мне кажется:/Когда гремят салюты,/Погибшие блокадники/Встают./ Они к Неве по улицам идут,/Как все живые,/Только не поют./ Не потому,/Что с нами не хотят,/А потому, что мёртвые/Молчат./ Мы их не слышим,/Мы не видим их,/Но мёртвые/Всегда среди живых./Идут и смотрят./Будто ждут ответ:/Ты этой жизни стоишь,/Или нет?»

На встречах часто бывал и замечательный поэт, танкист, который в боях за Ленинград горел в танке — Сергей Орлов. Это ему принадлежат проникновенные строки: «Его зарыли в шар земной, /А был он лишь солдат,/ Всего, друзья, солдат простой,/ Без званий и наград./ ...Давным-давно окончен бой./ Руками всех

друзей/Положен парень в шар земной, /Как будто в Мавзолей...».

В.С. Назарова прожила большую и интересную жизнь — 90 лет. Недавно её не стало. С гордостью она показывала друзьям и знакомым дорогие её сердце правительственные награды: Орден «Отечественной войны» II степени, медали: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», медаль имени Жукова, «Ветеран труда», «Ветеран атомной энергетики и промышленности», почётный знак «Житель блокадного Ленинграда».

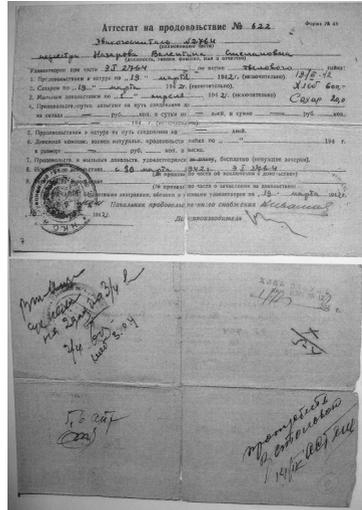
Пережитые страдания блокадникам тяжело вспоминать, но и забыть невозможно. Несмотря на тяжёлые переживания, ленинградцы остаются доброжелательными, отзывчивыми людьми, они не перестают верить в лучшее будущее для России, как когда — то верили в Победу над врагом. И никто их тогда не сомневался, что «враг будет разбит, победа будет за нами». Они жили надеждами, что прорыв блокады — это дело нескольких дней... И только вера в Победу помогла им выстоять и выдержать испытания длиной в 900 дней. Окончательно снять постоянную угрозу обстрелов и справиться с голодом могло только освобождение от вражеской блокады. И этот час настал! 27 января 1944 года в городе — герое Ленинграде был произведён салют в честь полного освобождения Ленинграда. В январе 2014 года наша страна отметила 70-летний юбилей этой исторической даты.

Записано со слов Назаровой Валентины Степановны.

Война проходит через сердце

*В.С. Назарова.
Ноябрь 1941 г.*

*Аттестат на продовольствие
Назаровой В.С.*

*Возле госпиталя после
бомбёжки сгорела машина*

*Дети помогают раненым
в госпитале*

*Денежный аттестат
Назаровой В.С.*

К проруби за водой

*Люди умирали
на улицах*

*Медаль «За оборону
Ленинграда»*

На уборке улиц

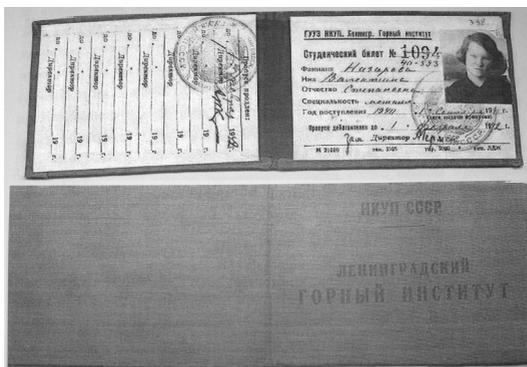

*Машина провалилась
на Дороге жизни*

После бомбёжки

Наталья Морсова

*Студенческий билет
Назаровой В.С.*

На снимке: убитые в больнице при разрыве вражеского снаряда — ученик 122 школы Ленинского района 9-летний Шура Горшков, штельманца Н-ского завода Зоя Кузнецова и работница 1-й стройкомторы Фрунзенского района А. С. Цалана

*Убитые в больнице после
обстрела*

Назарова В.С. в 2003 году

**Сергей
МОРСОВ**

Член Международного союза славянских журналистов. Фотожурналист.

Широко публиковался во многих популярных журналах.. Особенно увлекался фотографиями живой природы. Эти фотографии публиковались, практически, в каждом номере журнала «Природа и человек».

Трагически погиб в 2014году.

У Вечного огня в городе-герое Москве

**Надежда Николаевна
ОХРИМЕНКО**

Член Союза писателей и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы.

Публиковалась в различных журналах, газетах, более чем в двадцати литературных альманахах, поэтических сборниках, антологиях.

Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполохи рассвета».

Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистики».

Награждена орденом им. В.В.Маяковского (за лучшую книгу года 2011-2013) и другими памятными литературными и общественными медалями.

Шестикратный дипломант конкурса МПО «галерея избранного стихотворения», награждённый дипломами: им. Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, Н.А. Рубцова, О.Э. Мандельштама, М.И. Цветаевой, Н.А. Некрасова.

ФРОНТОВАЯ МЕДСЕСТРА

К 70-летию битвы за Москву

Когда нагрянула война
И стал к столице враг стремиться,
На курсы медсестёр она
Пошла с подругами учиться.

А после курсов — сразу в бой,
Туда, где было жарко очень,
Туда, где немцы шли стеной
К Москве на танках — дни и ночи.

Сначала страшно было ей,
Война являлась сущим адом:
Правей! Левей! Левей! Правей! —
Снаряды разрывались рядом,

И шли на лютого врага
Порой безусые мальчишки.
Как это выдержать могла,
Себя считавшая трусишкой,

Их фронтовая медсестра?
Однако быстро повзрослела.
Она с утра и до утра
Бойцов лечила, как умела.

Их выносила из огня.
Откуда только брались силы!?
Она, казалось, и коня
На всём скаку остановила б!

Надежда Охрименко

Девчонка, — светлых две косы,
Курносый нос слегка в веснушках, —
Под танки лезла и под пушки,
Любого из бойцов спроси.

А немцы били, не щадя,
Уверенней от боя к бою.
Но с гордым именем вождя,
Путь на Москву закрыв собою,

Бойцы сопротивлялись так,
Что дрогнул немец, немец струсил.
То был войны победный знак —
Что гитлеровцев стянем в узел.

...Прошла та грозная пора,
Четыре года гнали фрицев,
А фронтовая медсестра
Лежать осталась под столицей;

А фронтовая медсестра, —
Косички две и нос курносый, —
Для нас сегодня, как вчера,
Бойцов из-под огня выносит.

ТАК БЫЛО И БУДЕТ!

Война. Сорок первый. Лютует мороз.
Враги у столицы. Смертелен прогноз...
Но встали, Отчизна, стеной за тебя,
Герои великой страны Октября.

Война проходит через сердце

И плавилось небо в объятьях свинца,
Там, — в танке горящем, — я вижу отца
И деда, ведущего в праведный бой
Последнюю горстку полка за собой.

Война продолжалась не месяц, не год.
Геройски сражался советский народ
С несметною, грозной фашистской ордой,
От смерти весь мир заслоня собой.

Весна. Сорок пятый. Победы Салют!
И светлые слёзы по лицам текут.
Хоть горе вошло за войну в каждый дом,
Но радость в тот день ликовала кругом!

И помнит весь мир легендарный Парад:
солдат, отстоявших Москву, Сталинград,
И Курск, и Смоленск, Севастополь и Минск —
Всё память хранит, как святой обелиск.

Победы Парад. И отцы и сыны,
Вернувшись с чудовищной этой войны,
На Красную площадь знамёна врага
бросали. Так было и будет всегда!

Их мало осталось сегодня, страна,
Героев твоих, доказавших сполна
Тебе свою верность, а, значит, любовь,
Чтоб ужас войны не познала ты вновь!

Пред теми, кто пал за свободу твою,
И теми, кто с нами у жизни в строю,
Склонимся в почтенье до самой земли!
Они — невозможное сделать смогли!

Надежда Охрименко

ЖИВЫМ И ПАВШИМ

*Светлой памяти моего отца, ветерана ВОВ,
гвардии полковника, танкиста, участника
парада Победы 1945г., ОХРИМЕНКО
Николая Фёдоровича*

О страшных днях тех время не сотрёт
истории бессмертные страницы,
И вечно будет помнить наш народ,
как гнали из страны советской фрицев!

Как падали в боях ВЫ на ковыль,
Как умирали у сожжённой хаты —
То не рассказ об ужасах, а былъ,
Кричащая историей хрипато.

Бросались грудью ВЫ на вражий дзот,
Не думая о подвиге при этом,
Но с верою: Отчизна — не умрёт!
Непобедим солдат Страны Советов!

Трудна была победа над чумой,
Идущею на ВАС несметной силой,
Но ВЫ и те, кто не пришёл домой,
Бессмертным подвигом спасли Россию!

И дальше гнали немцев, за кордон,
Европу от фашизма избавляя.
ВАМ памятники ставили потом,
В стихах и песнях подвиг прославляя.

А при восстановлении страны,
ВЫ снова были на переднем крае.

Капитализм, — что хуже сатаны, —
Могуществом Отечества пугая.

Спасибо ВАМ, родные! — говорим, —
Спасибо, ветераны дорогие.
Поклон вам низкий-низкий, до земли,
За все за ВАШИ подвиги земные!

«...БРОНЯ КРЕПКА И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ...»

Листаю семейный фотоальбом. Вглядываюсь в фотографии, более полувековой давности. Родные, любимые лица. Сколько в них обаяния, тепла и красоты! Все они из того поколения, на долю которого выпала честь строить, защищать и восстанавливать великое дело социализма.

Сколько пришлось пережить на своём веку нашим отцам и матерям, дедушкам и бабушкам, беззаветно любящих и любивших свою Родину! Как же их мало осталось сегодня с нами!

Как же горько терять каждого из них, из поколения атлантов, навсегда вошедшего в великую историю нашей страны!

Мы, следом идущие, любим, помним и никогда не забудем ВАС, ВАШИ подвиги и ВАШИ дела! Низкий поклон ВАМ, павшим, умершим и живым!

* * *

Я родилась в семье военнослужащего (кадрового офицера, участника Великой Отечественной войны, участника Парада Победы), поэтому — ордена, медали, военная форма и память о войне — были для меня с детства привычным явлением. Обычным было и то, что по праздникам к нам приходили папины друзья. Это были танкисты-однопольчане или те, с которыми он учился в Военной Академии Бронетанковых войск им. И.В. Сталина. Моя детская память сохранила эти воспоминания, начиная с 1952 года, когда папа был старшим преподавателем в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Навсегда запомнилось их пение. Папа очень хорошо пел (он родом с Украины, а украинский народ — народ певучий), поэтому, чаще всего зачинателем песен был он. Очень любили петь песни на слова Бориса Ласкина и музыку братьев Покрасс: «Три танкиста» и, конечно же, «Марш советских танкистов», где есть такие слова: «...Броня крепка, и танки наши быстры...». Тогда, когда папа и его друзья пели у нас дома военные песни, они вставали плечом к плечу, глаза их загорались в те минуты особенным светом. Чувствовалось, что в их памяти проносились в эти минуты военные годы чудовищной войны с фашистской Германией и те страшные бои, из которых они вышли настоящими героями-победителями.

Об этих боях и напишет папа в своих воспоминаниях в 1983 году, когда с описываемых им событий пройдёт сорок лет и когда оставшиеся в живых однопольчане соберутся на свою встречу в освобождённом ими белорусском городе Речице, где в центре города

Война проходит через сердце

на постаменте стоит танк 1-ого Донского танкового корпуса генерала Панова. Напишет сдержанно, сжато — как доклад. Не умели люди, ковавшие Победу, пустословить, тем более не занимались самовосхвалением.

Итак, слово предоставляю своему папе.

1943 г.

1945 г.

1985 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ОХРИМЕНКО Николая Фёдоровича

*гвардии полковника, участника Парада Победы
1945 года (майора, начальника штаба 17-й
гвардейской Орловской танковой бригады 1-го
гвардейского Донского танкового корпуса 1943 г.)*

10 ноября 1943г. общевойсковые части и соединения 48-ой и 65-ой армий Белорусского фронта, занимавшие плацдарм южнее г. Лоева на западном берегу Днепра, перешли в наступление.

Наша, 17-ая гвардейская Орловская танковая бригада 1-ого гвардейского Донского танкового корпуса получила следующую боевую задачу:

— во взаимодействии с общевойсковыми частями и соединениями завершить прорыв обороны противника северо-западнее г. Лоева и, войдя в прорыв, стремительно наступая в северо-западном направлении, «перерезать» железную дорогу у станции «Демехи», что западнее белорусского г. Речицы;

— организовав в этом районе оборону, во взаимодействии с партизанами, не допустить подвоза к линии фронта резервов или эвакуации войск противника, военного и награбленного немцами имущества;

— не допустить вывоза советских граждан в Германию.

Организовав разведку и взаимодействие с войсками, прорывающими оборону, с авиацией и конницей, наша бригада с утра 10 ноября 43г. по наведённым понтонным мостам (в районе г. Лоева) переправилась через Днепр и продолжала двигаться к участку прорыва.

Выдвинувшись в район боя общевойсковых частей, до подхода батальонов мы с командиром бригады уточнили обстановку и взаимодействие на местности, а также маршруты их выхода и участки развёртывания. При подходе танковых батальонов к линии фронта, уточнили боевые задачи, направления, рубежи развёртывания и сигналы взаимодействия с артиллерией, пехотой, конницей и авиацией.

Подойдя к линии фронта, танкисты сразу развернули свои батальоны (1-ый и 2-ой) и вступили в бой вместе с передовыми стрелковыми частями.

В течение 1,5-2 часов боя удалось прорвать оборону противника на участке шириной 300-500м. и наши

танки устремились в эту «горловину». Под прикрытием стрелковых частей, огня артиллерии и при поддержке авиации наша танковая бригада, почти без потерь, быстро вышла в тыл противника и, свернувшись в походные колонны, на ходу начала уничтожать очаги сопротивления.

Примерно в 6-8км. от железнодорожной станции «Демехи» мы встретили упорное сопротивление армейских тыловых частей противника, занимавших на пути опорный пункт «Волчье». Развернув в боевой порядок большую часть сил, одним танковым батальоном бригада продолжила наступление и вскоре захватила вышеуказанную станцию, где, как оказалось, находился эшелон с советскими и польскими молодыми женщинами и девушками, подготовленный фашистами к отправке в Германию. Когда удалось освободить пленниц, их радости и благодарности не было конца. Счастливые и плачущие, они обнимали нас, как самых дорогих людей. Большинство из них были очень юные девушки, почти девочки...

К утру следующего дня танкисты овладели опорным пунктом «Волчье», где было уничтожено до 200 немецких солдат и офицеров, несколько десятков их неисправных танков, 50-60 автомашин. Были уничтожены склады запчастей и продовольствия.

Наша 17-ая гвардейская Орловская танковая бригада, «оседлав» железную дорогу, заняла круговую оборону.

Связавшись с партизанскими подразделениями, мы организовали с ними взаимодействие и разведку противника. Кроме этого, оказали партизанам помощь вооружением, боеприпасами и продовольствием.

Никогда не забудутся фашистские зверства, которые совершались в районе г. Лоева и других районах Белоруссии: вдоль дорог висели десятки повешенных партизан и заложников — мирных жителей. Это вызвало у наших бойцов ещё большую ненависть к немецко-фашистским захватчикам. Поэтому с небывалой решительностью и бесстрашием танкисты вступили в бой и выполнили поставленную перед ними задачу.

За эти бои я был представлен к медали «За боевые заслуги».

Через несколько дней 17-ая гвардейская Орловская танковая бригада получила новую боевую задачу: ударом с запада овладеть г. Речицей. В это время командир бригады гвардии полковник Шульгин Б.В. был болен, и вся работа по организации боя и командование бригадой были возложены на меня.

Взятие города осложнялось ещё и тем, что наступать танкистам надо было в районе лесисто-болотистой местности, к тому же в непогоду.

Внезапным ударом с запада наша 17-ая гвардейская Орловская танковая бригада, овладела г. Речицей.

Бой за рабочий посёлок и мост через Днепр, во взаимодействии с другими частями 1-ого гвардейского танкового корпуса и стрелковой дивизией, продолжался ещё несколько дней.

За освобождение г. Речицы я был представлен к ордену «Красного знамени».

Этот бой для меня оказался последним, так как я получил серьёзное ранение в ногу, был госпитализирован и находился на лечении долгих девять месяцев. После длительного лечения в сентябре 1944 г. я был

направлен в Москву на учёбу в Военную Академию Бронетанковых и Механизированных войск им. И.В. Сталина.

...А фашистский осколок извлекли из ноги только в 1961 году.

* * *

Об этих и других боях к 50-летия Великой Победы однополчанин П.А. Матросов — член Всесоюзного общества «Знание» и Военно-научного общества при Доме офицеров Ленинградского военного округа — напишет книгу: «Танкисты в боях за Родину», посвящённую 17-ой гвардейской танковой бригаде и жизни и деятельности её ветеранов в послевоенные годы, где в разделе «Освобождение Речицы», напишет следующее: «...Начальником штаба бригады был назначен грамотный штабной работник майор Н.Ф. Охрименко, награждённый к тому времени орденом Красного Знамени. ... Майор Охрименко имел хорошие организаторские способности и умел быстро налаживать деловые отношения в коллективе, с которым ему приходилось работать. Это был обаятельный человек, с которым мне довелось учиться и тесно общаться в Бронетанковой академии, где он был старшиной курса, а мне довелось быть его помощником. Николай Фёдорович пользовался у слушателей большим авторитетом. После учёбы он многие годы до увольнения на пенсию занимался педагогической деятельностью в Военной академии имени М.В. Фрунзе, затем принимал активное участие в работе Совета ветеранов бригады...»...

* * *

Разве мог тогда, в огневом 1943 году, папа предположить, что останется в живых, что зимой 1945 в Москве встретит свою настоящую любовь, что у него будут сын и дочь, что он проживёт ещё долгую-долгую жизнь?!

Разве мог он предположить, что после окончания Военной Академии Бронетанковых и Механизированных войск им. И.В.Сталина он будет служить старшим преподавателем в Высшей Танковой Школе г. Казани, затем — заместителем начальника Харьковского Гвардейского Высшего Танкового Командного ордена Красной Звезды Училища и старшим преподавателем Военной академии им. М.В. Фрунзе? Мог ли он предположить, что в 1955 году его с семьёй направят служить в Германскую Демократическую Республику (ГДР)?

...Некоторое время мы жили в восточной части Берлина, в Карлсхорсте. Недалеко от четырёхэтажного дома, в котором мы жили, тянулась бесконечная, довольно высокая и прочная сетка, типа «рабицы». Это был тогда «забор», разделяющий Берлин на две половины: ГДР и ФРГ. За этим «забором» всегда ходили «фээргэшные» (а для нас — фашистские) солдаты с автоматами и немецкими овчарками. Когда граждане СССР появлялись в поле их зрения (они нас, граждан СССР, казалось нам, знали всех наперечёт), то мы чувствовали на себе их взгляды, полные ненависти. Тогда в моём шестилетнем сердце, и в сердце моего старшего брата (ему шёл девятый год), крепла ответная лютая ненависть к фашистам.

Папа был назначен командиром полка дивизии, стоящей в городе Фюрстенвальде, куда, примерно месяца через два, мы уехали из Берлина. уехали до-

вольно надолго. Но однажды, ещё в Берлине, мы всей семьёй отправились к зданию, в котором 8 мая 1945 года произошло подписание Акта о полной капитуляции фашистской Германии. Это оказалось двухэтажное, длинное здание с множеством высоких окон. Само здание было закрыто, но меня и брата родители посадили на выступ фасада, и сквозь оконное стекло я увидела в большом зале огромный круглый (или овальный — не помню точно) стол, вокруг которого стояли большие стулья (полукресла).

Много позже, уже взрослой, я представляла себе не раз то состояние, которое испытывали мои родители, находясь возле этого здания. Им было что вспомнить...

Около трёх лет прожили мы в немецких городах при воинских частях и я с уверенностью могу сказать, что чувство гордости за свою страну мы — дети советских военнослужащих испытывали очень большое, ведь самая лучшая, самая справедливая страна в мире для всех нас... была наша Родина, Советский Союз (СССР), которую спасли от фашистов наши родители.

* * *

Промчались годы. Уже нет великой страны, и папы нет уже с 2000-ого года, а я всё чаще и чаще возвращаюсь к прошлому. Что-то переосмысливаю, на что-то пытаюсь дать ответ и, сравнивая то время с сегодняшним, понимаю, что с уходом поколения победителей, мы все теряем нечто очень главное, очень необходимое, может быть, самое главное для всех нас. Я не знаю, как перепишут со временем подлинную историю великой страны и чудовищной войны с фашизмом, но знаю наверняка, что настоящую память ... убить невозможно.

**Наталья Георгиевна
ПАЗЕЛЬСКАЯ**

Литературное творчество для Натальи Георгиевны Пазельской, члена Международного союза славянских журналистов — не профессия, а потребность души. Писала всегда — стихи, рассказы, сценарии.

Своим любимым видом творчества считает песни. Музыку на её стихи пишет художественный руководитель и дирижёр, Заслуженный работник культуры — Ирина Гамбарова, исполняет Академический хор «Москворечье». Эти песни неизменно получают призовые места на городских, окружных и тематических смотрах и конкурсах. Хор «Москворечье», которому Наталья Пазельская отдала несколько лет своей жизни, — Лауреат Артиады народов России, принимает активное участие в мероприятиях, проводимых в программе ПараАртиады.

Пазельская Н.Г. — член Литературного объединения «Орбита», возглавляемым известным поэтом В.Фатьяновым. Её стихи опубликованы в Альманахе «SOSтояние», рассказы изданы отдельной книжкой, которая называется «Бабушка приехала».

На поэтических фестивалях и литературных конкурсах награждалась Дипломами и Грамотами.

Наталья Георгиевна активный член Литературного клуба ПараАртийского Центра «Иван да Марья».

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ

Над Аллеей Героев высокое чистое небо,
На Аллее Героев сирени густой аромат,
Приходите сюда, если кто ещё не был,
Поклониться великому подвигу наших солдат.

Сталинград, Сталинград, нашей Родины вечная
слава,
Главный город у главной российской реки,
Но у Волги в те дни был один только берег —
правый,
И на берег другой — никому никакой переправы,
Здесь сражались и гибли дивизии, роты, полки.

По Аллее Героев, смеясь, молодые бегут,
Радость жизни и молодость бьёт животворным
ключом,
Но в тени обелиска невольно иль вольно замрут,
Озарённые неугасимым огнём.

На Аллее Героев сидит седовласый военный,
На поношенной куртке рядами висят ордена,
То ль почётную вахту поставлен нести он бесшумно,
То ль оставить в покое не может, не хочет война.

Теплоходы по Волге, как лебеди, гордо плывут,
И дойдя до причала, торжественно долго гудят,
Отдавая дань памяти вечной тебе, Сталинград!
Сталинграду — ПРИВЕТ! Сталинграду — ПОЧЁТ!
СТАЛИНГРАДУ — САЛЮТ!

Наталья Пазельская

Сталинград, Сталинград, нашей Родины вечная
слава,
Главный город у главной российской реки,
Но у Волги в те дни был один только берег —
правый,
И на берег другой — никому никакой переправы,
Здесь сражались и гибли дивизии, роты, полки.

Привет:

Сталинград, Сталинград,
Здесь и гордость, и боль
Воедино слились навсегда
Пусть не будет на нашей земле больше войн
Никогда, никогда, никогда.

ЗАЩИТНИЦЫ МОСКВЫ

*Стихи Н. Пазельской
Музыка И Гамбаровой*

С фотографии старой девчоночки нежные лица
На меня чуть насмешливо и горделиво глядят.,
В те суровые дни защищать дорогую столицу
Уходил из Москвы за отрядом отряд

Привет:

Ах, девчонки, ах, девчонки,
Как же молоды вы были,
И смеялись, и любили, и мечтали о весне.
Но солдатские шинели
Вместо кофточек надели
И ушли солдатским шагом —
На войне как на войне.

Война проходит через сердце

Ни ромашек, ни роз. Соловьи не выводят рулады,
И засохшие губы устали молитвы шептать.
Только лютый мороз. Только рев, только рев
канонады,
Но за нами Москва! Нам нельзя! Нам нельзя
отступать.

Прпев

Пролетели года. Но никто и ничто не забыто,
Вечно в памяти нашей останется подвиг солдат.
Расцветает Москва, улыбаясь светло и открыто,
И другие девчонки беспечно куда-то спешат.

Прпев:

Ах, девчонки! Ах, девчонки! В эту славную минуту
И фанфары и салюты пусть взлетают в синеву.
Вы солдатским обелискам поклонитесь низко-низко,
Память вечная девчонкам, что сражались
за Москву

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

По лесной заброшенной дороге
Шёл старик, не зная сам, куда.
Стыли в валенках больные ноги,
Инеем покрылась борода.

Шёл старик, с тоскою понимая, —
Чёрные настали времена,
Ведь недавно жизнь была другая,
Всё в момент разрушила война.

Вспоминал, как летом внук любимый
К бабушке и деду приезжал,
Дедушка, забыв свои седины,
Словно дуб весною, оживал.

На рассвете с солнышком вставали,
Дружно принимались за дела,
Ночью на душистом сеновале
Сладко засыпали до утра.

Огурцы на грядках поливали
И крыльцо чинили у избы,
Взяв корзинки, вместе собирали
На опушке ягоды-грибы.

Правили забор, дрова пилили —
В радость был любой крестьянский труд,
Ранней ясной зорькой уходили
С дочками на далёкий пруд.

Две дуги тугие из лещины,
Неподвижный сонный поплавок,
Под ветлой серьёзные мужчины —
Старый дед и маленький внучок.

И улов для них совсем не важен,
Можно, сидя рядышком, молчать,
Если счастьем миг наполнен каждый,
И вокруг такая благодать.

Бросили улов на завтрак кошке,
Бабушку добычей веселя,
Но одна в ведре плескалась крошка,
Просто золотая в свете дня.

Война проходит через сердце

В банку рыбку бережно сажая,
Внук сказал : «Пусть здесь она живёт,
Это, деда, рыбка золотая,
Нам большое счастье принесет».

То ли рыбка их не услышала,
То ль она волшебной не была,
Только злобным зверем зарычала,
И накинулась на них война.

Разбомбил фашист село родное,
Вмиг огнём слизало всё дотла.
Вьюга, как вдова над гробом воя,
Снегом пепелище замела.

Нет у деда ни семьи, ни хаты,
Сыновья на фронте полегли.
Мать такой не вынесла утраты —
Ангелы на небо унесли.

Шёл старик упрямо в глушь лесную,
Снег кружился и мороз крепчал.
Под тулупом рыбку золотую
В баночке к груди он прижимал.

«Ради внука выполню задумку, -
Тихо бормотал, - Терпи, дойду.
Знаю наизусть любую лунку,
Будешь снова жить в своём пруду.

Не бывало на Руси такого,
Чтоб враги смогли нас одолеть,
Скоро победим и будем снова
В лес ходить и с удочкой сидеть»

Наталья Пазельская

Белым саваном пурга махала,
Набивался снег за воротник,
С каждым шагом сила убывала,
И хватался за сердце старик...

Дня Победы так и не видали-
В маленьком сугробе под кустом
В белоснежном пышном одеяле
Дед и рыбка спали вечным сном...

Внук места родные навещает,
Сам уже солидный и седой.
У пруда он деда вспоминает
С маленькою рыбкой золотой
И ВОЙНУ ЛЮБУЮ ПРОКЛИНАЕТ!

ЭВАКУАЦИЯ

Война взмахнула чёрными крылами,
На землю тень зловещая легла,
И, как от камня по воде, кругами
Всё дальше и страшней беда пошла.

В далёкой неприметной деревушке,
Которой и на карте не сыскать,
Как зверь, случайно пойманный в ловушке,
В отчаянье немом металась мать.

На старую хромую лошадёнку
Пожитки бросив, не узнав пути,
К груди прижавши малого ребёнка,
Спешила от беды она уйти.

Война проходит через сердце

В лицо швыряло небо жёстким снегом,
В ознобе осень поздняя тряслась,
По полю медленно ползла телега,
Наматывая на колёса грязь.

И к лошадиной морде припадая,
Смахнув рукой застывшую слезу,
Упрашивала мать: «Тяни, родная,
Я без тебя ребёнка не спасу».

И лошадь, забывая про увечье,
Как будто ей язык понятен был,
В ответ на это горе человечье,
Вперёд тянула из последних сил.

Вдруг разорвав тишины завесу,
Раздался мрачный и тяжёлый гул,
Как чёрный хищный ворон, из-за леса
Немецкий самолёт крестом мигнул.

Мать даже шагу сделать не успела,
Чтобы собой ребёнка защитить,
Неотвратимо с неба смерть летела -
Ей, в общем, все равно, кого косить.

Упав, коняга в судорогах билась
И с удивленным глазом замерла,
Неловко мать к телеге привалилась,
На землю тихо, медленно сползла.

След тонкой алой струйкой растекался
От пули, злобно клюнувшей в висок...
И долго-долго в поле раздавался
Осипший в крике детский голосок.

ПОБЕДА

Как долго ждали мы с тобой победы этой,
Как много дней и верст мы встретили в пути.
И вот весенним ярким солнышком согрета,
Она пришла. Ей невозможно было не придти.

ПОБЕДА!

Мы не забудем сорок пятый год,
Победа!
Как ликовал и плакал наш народ.
Победа,
Святое слово для отцов и сыновей.
Победа Родины моей.

Из-под Берлина поезда пошли назад,
Но не смыкает воспаленных глаз солдат,
Еще в ушах звучит боев суровых гром,
И вдруг такая тишина кругом.

Ну, что же ты наделала, война,
В руинах и развалинах страна.
Перехватил солдату горло горький ком -
Земля моя, мы красоту тебе вернем.
ВЕРНЁМ!

Летят года — за листопадом листопад,
Устал солдат, состарился солдат...
Но вечно будет помнить он и весь народ
Тот сорок пятый, тот великий год!

ПОБЕДА!

Мы не забудем сорок пятый год.

Победа!

Он навсегда в историю войдет.

Победа!

Святое слово для отцов и сыновей.

Победа Родины моей.

АНВАСИК

Смерть первого сына, младенца Феликса, Нюся перенесла тяжело, но стойко. Сама она была одиннадцатым ребёнком в семье, трое детей умерли маленькими. В семье погоревали, но приняли как должное: Бог дал, Бог взял. Редко выживали все родившиеся дети в деревнях без медицины, ухода и хороших условий.

Умер Феликс не на глазах у матери. Приехавшая из Москвы подруга ругала Нюсю за то, что много времени отдаёт работе, вместо того, чтобы заниматься ребёнком. Уговорила её отдать полуторагодовалого малыша в детский санаторий, где ему будет обеспечен замечательный уход. Поколебавшись немного, Нюся согласилась, хотя муж очень просил не делать этого.

В санатории ребёнок подхватил нераспознанную, а может быть, скрываемую от матери, инфекцию, и умер. Нюся смотрела на лежащего в гробу мальчика в белом костюмчике, похожего на красивую фарфоро-

вую куклу, и ей всё хотелось поправить сползший чулочек на его ножке. Рядом стояли врачи санатория с напряжёнными лицами и испуганными глазами. Плакать при них Нюся не могла.

Второго ребёнка Нюся потеряла до его рождения. Возвращалась тёмным промозглым осенним вечером из района. Старая лошадь плелась неохотно, телега заваливалась в разные стороны на раскисшей от дождей дороге и, наконец, просто завязла в глубокой луже. Нюся пыталась вытолкнуть телегу, дёргала под уздцы лошадь, кричала на неё и уговаривала. Лошадь хрипела и напрягалась вместе с Нюсей, потной, несчастной, заляпанной грязью...

Ночью у неё случился выкидыш. Нюся впала в глубокую депрессию. И дома, и на работе она всё делала автоматически, с застывшим лицом и пустыми глазами. Даже голос у неё изменился — вместо звонкого и напористого, стал глухим и вялым. А голос ей на работе был очень нужен, потому что была она директором сельской школы-десятилетки, бегали в которую ребята из пяти ближайших деревень. И звали её не Нюсей, как дома, а уважительно — Анна Васильевна.

На должность свою Анна Васильевна попала совершенно неожиданно. Закончила училище, поработала медсестрой в Доме младенца и поступила в МГУ на медицинский факультет. В то довоенное время будущие врачи учились на факультете МГУ, только в 1930 году был создан отдельный медицинский институт. А пока Нюся с замиранием сердца ходила по старому зданию на Моховой. В голове путались обрывки знаний о М.В. Ломоносове и графе И.И. Шувалове, который графом никогда не был, зато был фаворитом

Елизаветы Петровны и основателем Университета в 1755 году. Гордая сознанием того, что учился здесь на врача Антон Павлович Чехов и другие светила, а вот теперь ходит она, простая деревенская девчонка.

Учиться было трудно, но интересно. Допоздна сидели студенты в библиотеке и анатомичке, а то потихоньку под полой не очень чистых халатов утаскивали из анатомички муляжи частей тела, пугая прохожих торчащей из холщовой сумки розовой рукой или ногой. Надо было и ночью заниматься и запоминать сотни всяких мелких косточек и мышц, да ещё на латыни.

Заканчивался третий курс. Кружила голову весна, остренько пахли проклюнувшиеся липкие тополиные листочки, долгие вечера утопали в припудренной розовой дымке. Но некогда, некогда любоваться и бегать на свидания – впереди очередная экзаменационная сессия, даже по ночам снятся эти чёртовы плюсны и фаланги – *phalanx proximalis* и *metatarsus*.

Совсем неожиданным было появление декана в аудитории. Студенты насторожились:

– Ваш курс направляется в сельскую местность обеспечивать медицинскую помощь населению. Знаний у вас достаточно, чтобы оказывать первую помощь, в сложных случаях будете отправлять пациентов в районную больницу. Москва оказывает вам честь быть помощниками советской власти в глубинке. Всего из разных институтов отправляется тысяча человек, так вы и зовётесь теперь – «тысячниками». Вернётесь через два года (Через два года??? Кошмар!!!) и сможете продолжить обучение. Ничего, ничего, всё вспомните, тем более после такой замечательной практики.

Нюся получила направление в Тульскую область. Из Горздрава её сразу направили в Райком партии (тогда она называлась ВКПб — Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков).

— Зачем? — недоумевала девушка, — я ведь и в партию не вступала. — Но именно партия решала в стране все, абсолютно все вопросы.

В райкоме за большим письменным столом сидела молодая, но представительная женщина. Она весело взглянула на девушку через круглые очки в металлической оправе:

— Ну, что, доктор, кого лечить будем? А у нас все здоровые, больных нет. — Нюся на шутку не откликнулась, на сердце было спокойно.

— Да расслабься ты. Никто тебя не съест. И даже не укусит, — женщина громко рассмеялась, — Садись-ка поближе, чтоб в обморок не упасть. Меня Ниной Александровной зовут. Значит так, работать будешь директором школы, нет там у нас директора, — улыбка сбегала с её лица. — Ну и что образование, учиться пойдёшь заочно, в Туле хороший пединститут... А кто сказал, что должно быть легко? Коммунисты трудностей не боятся... Ничего, через годик примем в кандидаты, если заслужишь, конечно. Зато там целый дом тебе приготовили. У тебя дом был когда-нибудь? То-то! А теперь будет, потому как большой начальник ты теперь.

Видя ошеломлённое лицо Нюси, Нина Александровна снова расхохоталась: — А я к тебе в гости приезжать буду. На лошади. Мне по должности лошадь положена, только жаль, без кучера.

Тут даже Нюся улыбнулась, представив высокую додную и очкастую Нину Александровну с кнутом в руке.

Здание школы стояло на пригорке; старое, с облупившейся штукатуркой, из-под которой торчала сеточка дранки. В пустом дворе росли кусты сирени и кривые пыльные акации. Было тихо и уныло. Каникулы. Нюся прошла по пустому зданию с немывтыми окнами и полами, сломанными партами, у которых были оторваны изрезанные ножом крышки, истёртыми облезлыми досками. Села на хромой стул и заплакала. Мечта о белом халате, блестящих хирургических инструментах, стерильных операционных сто-рела, как листочек бумаги, превратилась в невесомую кучку пепла, рассыпавшегося от лёгкого дуновения.

Стремительно помчались дни. Анна Васильевна до крика ругалась с председателем колхоза, выбивая для школы доски, гвозди, железо для крыши, дрова на зиму. Добилась, чтобы зимой детей из дальних деревень подвозили на лошадях. Ходила по домам, убеждая родителей, что их детям необходимо образование — в крестьянском хозяйстве рабочие руки были на вес золота, поэтому ребята еле-еле осиливали семилетку и школу бросали. Она выступала на родительских собраниях, ездила на учительские конференции в район, требовала от РОНО новые штатные единицы учителей, которых было в школе слишком мало. А для учителей, в свою очередь, выпрашивала в колхозе продукты и дрова. Её уже знали, уважали и ругали, любили и побаивались.

Школа ожила, задышала. Ученики уже не спешили домой после занятий. В классах раздавалась музыка и пение — готовились номера для районной олимпиады, так назывались тогда смотры художественной самодеятельности. Шили костюмы из марли, веночки из

цветной бумаги, доставали из бабушкиных сундуков расшитые передники и тяжёлые домотканые юбки. На концерты собирался народ из окрестных деревень, и долго ещё потом с гордостью обсуждали каждое выступление своих девок и хлопцев.

В бесконечных хлопотах и делах Анна Васильевна как-то незаметно для себя вышла замуж за учителя математики — Георгия Алексеевича, — который так долго и упорно за ней ухаживал, за версту не подпуская конкурентов, что все давно считали их мужем и женой, хотя жил он у бабки Матрёны и ночевал всегда дома. Анна Васильевна привыкла к его постоянному присутствию, заботе, вниманию, ей казалось, что он был рядом всегда. Они поехали в районный ЗАГС и расписались. Тихо, без свадьбы и поздравлений. Нюсе казалось, что и не изменилось ничего в её жизни, она даже не задумывалась, любит ли его. Хороший муж, хороший друг, хороший учитель — чего ещё нужно.

Родным Гора стал после рождения первенца, а после потери сынишки Нюся уже и жизни не мыслила без своего мужа — горе сблизило их, сделало единым целым.

После трагедии со вторым ребёнком, видя, как на глазах уходит из Нюси жизненная сила, Георгий Алексеевич пошёл к Нине, которая давно стала подругой жены. Выслушав внимательно его тревожный рассказ, Нина Александровна задумчиво, но твёрдо сказала:

— Надо рожать третьего.

— Что ты, голуба, об этом и заикаться страшно, она решит, что я издеваюсь просто.

Война проходит через сердце

— А вот это уже твоя забота — успокой, убеди, обмани... Как хочешь, но иначе ты её из этой ямы не вытащишь.

Узнав о новой беременности, Нюся возмущённо накинулась на мужа:

— Как ты мог? Я не перенесу ещё одной потери, ты понимаешь это? Это я, я виновата, не уберегла, не смогла... Ты специально меня в гроб вгоняешь? Я тебе не нужна? Я никому уже не нужна! — Нюся билась в истерике.

— Нужна. Ребёночку нашему.

Нюся подняла страшное искажённое лицо, мокрое от слёз, с покрасневшими глазами, распухшим носом и растрёпанными волосами. Впервые за многие месяцы посмотрела на мужа взглядом серьёзным, но живым:

— Дай мне водички, Гора, пожалуйста.

Наутро в школу пришла бледная, похудевшая, но энергичная и деловая Анна Васильевна. Учительницы переглядывались, облегчённо вздыхали, прижав руку к сердцу, улыбались, чересчур активно выполняли все указания директора и разговаривали почему-то громче обычного. А ученики снова начали шумно носиться по коридору, толкаясь, хохоча и вопя, словно, выздоровев после долгой болезни.

Дочку называли Надеждой. Наденькой. Надюшей. Солнышком. Зайчиком. Воробышком. И множеством ещё самых ласковых, нежных и трогательных имён, потому что для мамы с папой именно такой она и была.

Няньку для девочки найти в деревне было сложно. Молодые и здоровые бабы работали в колхозе, а нянь-

кой работать считали баловством просто. Взяли бабу Паню, которая до смерти боялась Георгия Алексеевича, а девочку полюбила беззаветно, с рук не спускала, несмотря на все просьбы и указания родителей. Мучила её старая астма, из-за которой она не могла работать в колхозе. Баба Паня выходила на крыльцо, кашляла, задыхалась, со свистом втягивая воздух и промокая передником слёзы.

Работа по дому — уборка, готовка — была ей не под силу. Пришлось взять в дом её дочку Зину. Зина была крупной веснушчатой девушкой, несмотря на школьный ещё возраст, работала на равных в колхозе, и Анне Васильевне с трудом удалось доказать председателю колхоза, что Зине ещё школу надо окончить. В школу ходить Зина отказывалась наотрез, считала себя взрослой и неспособной к учёбе.

До появления Зины дом был похож на школьную канцелярию — стояла в комнате кровать и стол, заваленный книгами, на подоконниках лежали школьные тетради и журналы, и совсем неуместно на кухонном столе прижились большие счёты с деревянными костяшками. Зато теперь дома у Анны Васильевны был полный порядок: Зина успевала прибрать дом, приготовить нехитрый обед, постирать бельё в оцинкованном длинном корыте.

Запахло в доме тёплым молоком, свежесмытыми полами, на окнах затрепетали ситцевые занавески в весёлых цветочках. Баба Паня с облегчением отправилась в свою избу, а Зина как-то незаметно перебралась в директорский дом.

Единственный в деревне кирпичный дом, крытый изрядно проржавевшим железом (но железом, а не со-

ломой), принадлежал раньше управляющему небогатого помещика — прежнего владельца местной земли. Это в его доме, изуродованном перестройкой, за небольшим овражком на взгорке размещалась теперь школа. Старики поминали помещика добрым словом, не обижал он крестьян, был тихим и справедливым. И супруга его старалась помочь людям — кому денежкой, кому дровишками или мешком муки, когда не вмоготу было. Вслух о бывшем хозяине не говорили, можно было загреметь ой, как далеко. Остались от бывших хозяев только эти два дома, а куда они сами сгнули, и подумать было страшно.

Директорский дом был одноэтажным и длинным, как гусеница, разделённым на две неравные части. В меньшей жила учительница младших классов Марта Яновна, молчаливая светлоглазая латышка, уехавшая из родной Прибалтики, ни с кем не сдружившаяся и, казалось, напуганная до конца жизни.

Большие сени с чуланами для дров и припасов, сейчас были почти пустыми, так, кое-какие хозяйственные инструменты — вилы, грабли... В большей части были прихожая, две больших комнаты и кухня с русской печкой. Комнаты отапливались другой печью — голландкой, облицованной белыми изразцами с синим рисунком. Из экономии дров её давно не топили, и медные решётки поддувала и продушины покрылись тёмно-зелёной лакированной патиной. На стенах ещё сохранились выцветшие полосатые обои и зеленоватый бордюр вдоль потолка с овальными картинками, на которых барышни в пышных платьях пасли кудрявых овец.

Вторая комната служила детской. И здесь Зина навела уют и красоту — в чистенькой деревянной кро-

ватке спала нежная, как ангел, девочка, на стене висело большое зеркало в деревянной раме, уцелевшее, видимо, из-за отбитого угла. Отглаженные пелёнки и распашонки стопочкой лежали в плетёной корзине.

Даже на кухонном столе появилась льняная ска-терть, расшитая синими васильками.

Анна Васильевна всё же записала Зину в школу, но занималась с ней сама; в школе Зина появлялась редко и ненадолго. Главное, было дотянуть до экзаменов и получить аттестат о среднем образовании.

В РОНО не одобряли этого самовольства, но зная о дружбе с Ниной Александровной — работником Райкома партии, строптивую Анну Васильевну не трогали. Так Зина благополучно сдала экзамены за десятый класс и рассталась со школой, как ей казалось, навсегда.

Зина полюбила свою хозяйку всем сердцем, совсем недавно она не представляла, что может быть другая, не похожая на деревенскую жизнь — другие люди, разговоры, книги, одежда. Анна Васильевна на старой зингеровской машинке шила платья малышке, себе и обязательно Зине, примеряла на неё свои шляпки и убеждала, что Зине они идут гораздо больше, давала читать толстые книжки, которые заставляли Зину переживать и плакать. Георгий Алексеевич, глядя на эти отношения, усмехался, с Зиной держался ровно и приветливо, а Нюсю называл иногда Пигмалионом, это много лет мучило Зину — что за «пигмилион» такой — но спросить стеснялась.

Зина поначалу называла хозяйку Анной Васильев-ной, но ей ужасно хотелось назвать её как-нибудь нежно и ласково, но мамой назвать было немислимо,

и она придумала забавное — Анвася. Иногда даже — Анвасик. Так оно и прижилось между ними. Надюшку Зина обожала и считала сестрёнкой.

Двухлетний срок командировки закончился давным-давно, но поначалу, когда Нюся рвалась в Москву, её и слушать не хотели — то упрашивали по-работать ещё годик, то грозили исключением из партии, что было равносильно совершению преступления. Нина Александровна, слушая возмущённые претензии Нюси, громко хохотала:

— Ну, попалась, птичка, стой, не уйдёшь из сети... Куда я тут без тебя, подружка? Не отпущу, даже не надейся.

А время шло стремительно. Нюся уже не представляла себе другой жизни, всё было налажено, правильно, счастливо. Семья, работа, дом. Любимый муж, ставшая родной Зина. Солнечный зайчик-дочка, бегущая вниз по склону оврага, раскинув руки, навстречу маме...

Вот только не было ощущения свободы, народ жил настороженно, не доверяя никому, не вели лишних разговоров. За Мартой Яновной неожиданно ночью приехала чёрная машина, и больше никто о ней ничего не знал. И даже друг друга спрашивать боялись. Анну Васильевну снова прикрыла от неприятностей Нина, убедив всех, что Марту Яновну приняли на работу до прихода молодого директора.

И всё же это была мирная жизнь, а 22 июня 1941 года началась война.

Георгий Алексеевич ушёл на фронт в первый же день. Не было от него никаких известий, не приходили смятые треугольнички писем, и даже похоронки

Нюся не получала. Это неведение угнетало больше всего.

Из района пришло указание : эвакуироваться всем членам партии из мест, которые могут быть оккупированы немецкими войсками. Не успевших эвакуироваться немцы расстреливали на месте : коммунистов, евреев, партизан. Нюся бросилась за помощью к Нине, но оказалось, что райком партии уже давно закрыт, все успели уехать с семьями и имуществом. Нюся была потрясена — а как же многолетняя дружба? Как могла Нина бросить её в такой тяжёлый момент, даже не предупредив? Это было ещё одним ударом в печальной цепочке начавшихся бед и горестей.

При школе держали старую лошадь, почти слепую, с большими распухшими суставами на ногах. Колхоз списал её по старости, жизнь лошадки должна была закончиться на живодёрне, но Анна Васильевна уговорила председателя колхоза отдать лошадь школе — дрова подвезти, ребятишек по домам доставить в непогоду. Так Зорька и осталась жить в школьном сарае. Ребята её обожали, баловали, летом сами косили для неё траву, мыли и чистили. Зорька благодарно мотала седой головой и, кажется, на единственный её глаз даже наворачивалась слеза.

Нюся кинула на телегу перину и чемодан с нехитрыми пожитками, завернула дочку в тулуп и отправилась... А куда? Она и сама плохо представляла — где свои, где немцы. Разрывы бомб слышались со стороны узловой железнодорожной станции, артиллерийская канонада глухо рычала совсем с другой стороны, всё вымерло — народ попрятался, словно это могло спасти от войны.

Стояла поздняя осень. По хмурому низкому небу ветер нёс разорванные свинцовые облака. Время от времени с неба сыпалась сухая жёсткая снежная крупа. Дорога, по которой медленно ползла телега, раскисла от холодной грязи, присыпанной снегом. Ветер обжигал лицо, выбивая слёзы из глаз. Нюся вела под уздцы уставшую Зорьку, теряя в раскисшей глине галоши, и без конца поправляя тулуп на закутанной в перине дочке.

Темнело по-осеннему рано, к вечеру она вышла к деревне, постучалась в первый дом. Деревня словно вымерла — в полной темноте, нигде ни огонька, даже собаки и те, кажется, лаяли с осторожностью. Из-за двери глухо проворчали:

— Кого ещё чёрт принёс?

Нюся поняла, что проситься на ночлег здесь бесполезно, спросила только:

— Скажите, деревня-то как называется?

По ответу поняла, что ушла совсем недалеко, здесь, скорее всего, её знают. А вот хорошо это или плохо, трудно сказать. В следующих домах она уже называлась своим именем и просилась только на ночлег. Но ей не открывали, кто просто отказывал, кто извинялся, что не может рисковать жизнью своей и семьи — немцы расстреляют сразу за укрывательство, так в их листовках написано. Они листовки-то каждый день с самолёта бросают, сдаться предлагают. Не открыл никто.

Промёрзшая, голодная, Анна не плакала, даже пыталась как-то оправдать людей, которые ещё вчера раскланивались с ней и приходили со своими просьбами. Она словно окаменела, в голове крутилась только одна мысль — дочку спасти надо.

Вспомнила про лесника деда Ефима, чья избушка стояла в лесу. В кромешной тьме, погладив по тёплой щеке Зорьку, побрела в сторону леса.

Дед Ефим и не спрашивал ни о чём:

— Давай, дочка, скорее чайку с медком, припрятал я медок-то, никому не найти. А то смотри, зазябла ты совсем. И ребёночка вот сюда, поближе к печке уложи, а завтра уж думать будем. Поспи пока, а я лошадку поставлю на стойло, животина, поди, тоже притомилась. Да не плачь ты, слезьми-то горю не поможешь.

Наутро дед Ефим, как ни в чём не бывало, сказал:

— Ты давай, Аннушка, спроворь обед, в чулане там найдёшь, чего надо. Одежу свою городскую прикрой как-либо, дочкой моей будешь. Лишний раз из дома носа не кажи. А ко мне никто и не захаживает давным-давно. Да вот ночью лошадка какая-то из леса приبلудилась, а как леснику без лошадки?

Дед хитро ухмыльнулся и подмигнул Анне.

— А ты сама-то куда направлялась, дочка? — спустя некоторое время, осторожно спросил дед.

— Думала в Тулу, дедушка, там у меня подруга живёт.

— Да в Туле давно уж немцы, вон они в листовках пишут. — Наклонившись к уху Анны дед Ефим прошептал:

— Только сорока мне на хвосте принесла, не взяли немцы Тулу, застряли под городом. Там туляки аж три линии обороны выстроили, то-то. Кукиш фрицам с хреном! Мы-то морозище наш переживём, привычные, а они пусть попляшут «цыплёнка жареного».

Немцы в деревню наезжали время от времени, на грохочущих чёрных мотоциклах. Деревня стояла в

стороне от военных действий, да и война уже шагнула далеко вперёд. Рыскали по дворам, хватали оставшихся кур, требовали яйца, масло, хлеб. Но в деревне уже давно ничего не было, а то, что оставалось, надёжно пряталось в матушке-земле. Хриплый рёв мотоциклов был слышен даже в лесу, далеко от деревни. Анна забивалась в тёмный закуток за печкой и больше всего боялась, что заплачет девочка. Пыталась убежать в лес, но там было ещё страшнее.

Дед Ефим заранее выходил во двор, возился с убогой деревенской утварью, взять с него было нечего. Пчёлы давно были убраны в старенький омшаник, завалены всяким хламом. В лес фашисты не заходили, боялись партизан.

В декабре началась великая битва под Москвой, и скоро потрёпанная, озлобленная немецкая армия лавиной покатилась назад, стараясь уничтожить по пути всё, что ещё уцелело.

Когда через деревню прошли наши солдаты— сибиряки, долгожданные, родные, красавцы в белых полубубках на не измученных пока конях, народ понял, что самое страшное позади, хотя ещё много горюшка придётся хлебнуть.

Анна Васильевна засобиралась домой. Не знала, как и благодарить деда Ефима. А он только сказал на прощанье:

— Привык я к вам, словно пташки живые в доме чирикали. А то всё один да один. А благодарить меня не надо, за добрые дела Бог отблагодарит. Вот и тебя сохранил за то, что для людей добро делала.

Привыкла к деду и Зорька. Не хотелось ей уходить из тихого леса. Она переступала с ноги на ногу, мо-

тала тяжёлой головой и грустно смотрела в сторону единственным глазом.

Подумав, Анна решила оставить конягу деду — и ему радость, и Зорьке хорошо: чем её кормить дома?

Дед Ефим очень обрадовался:

— Ну, угодила, дочка, вот и я не один, будет с кем слово молвить.

А позариться на неё уж никто не сможет — старенькая больно.

Вернувшись, Нюся не узнала собственного дома — всё было разрушено и разграблено — мебель, одежда, посуда — исчезло всё. Но тут появилась сияющая от радости Зина:

— Анвасечка, дорогая моя, как же я тебя ждала!

Зина из пухлой румяной девушки превратилась во взрослую крепкую женщину. В армию её не взяли, отправили на трудовой фронт. Там суровые не улыбочивые женщины рыли окопы, разгружали вагоны на товарных станциях, пилили дрова, не задавая вопросов — зачем, для кого? Мало ели и спали, маялись животами, обмораживали руки и ноги, горели в простуде. Но никто не жаловался, только злее и молчаливее становились. Неожиданно всех отпустили по домам, это было плохим признаком — значит немцы совсем близко.

Зина не застала в живых мать, похоронили соседки. Рассказали, что немцы, обходя дома в поисках партизан и красноармейцев, зашли к бабе Пане, а её прихватил очередной приступ астмы. Немец не стал дожидаться, пока закончится затяжной кашель, пробормотал: «infection», спокойно достал пистолет, выстрелил в Паню и ушёл.

Глядя на разорённое гнездо, у Нюси опускались руки — как жить, чем кормить Надюшку. Но Зина и не думала унывать:

— Анвасик, не горюй, всё сейчас притащут обратно!

— Кто притащит? Что? Ты о чём?

— Да наши деревенские всё растащили-то, я сейчас пробегусь по избам, сама увидишь, что будет.

И Зина умчалась в деревню.

Заходя в каждую избу, она деловито оглядывалась и строго говорила:

— Вот это, это и это вернуть директору школы. Быстро! У тебя сроду одеяла ватного не бывало, так что ты мне рот не открывай. Пока бумагу на тебя не написали.

«Бумага» действовала безотказно. К дому потянулись земляки, кто с тазом, кто с подушкой, а там и железную кровать с шишечками принесли и радостно спросили, куда ставить-то. Ведь мы, Анвасильна, думали, что не вернёшься ты, чего добру зазря пропадать.

За небольшими потерями вернули почти всё. Вот только ложки с вилками и ножами, привезённые из Москвы — гордость Нюси — не вернули. Тётка Степанида каялась и слёзно умоляла её простить: поменяла она ложки на базаре на валенки, уж больно зима злющая была, а старые совсем прохудились.

— А вот я тебе картошки принесла и молочка дочке.

Зато в целости вернули стеклянные розетки для варенья, ещё и удивлялись, на что вещь такая бесполезная — ни есть из них, ни пить. Вот этими розетками первое время и пользовались вместо ложек. Сначала посмеивались, потом привыкли.

Быстренько обустроившись, Анна побежала оформлять дела в районе, колхозе, школе. В районе дали строгое указание, чтобы к сентябрю школа была готова. В колхозе пришлось устроиться по совместительству счетоводом, надо было хоть что-то получать на трудодни. Тяжелее всего было навести порядок в школе — всё было разрушено и варварски изуродовано.

Но глаза пугают, а руки делают. Ребята — от мала до велика — как муравьишки, трудились в школе под руководством двух-трёх взрослых, неохотно выделяемых колхозом. Зина быстро стала главным начальником, сама везде успевала и другим прохладиться не давала.

Надюшка была тут же на глазах, под присмотром всей этой трудовой бригады. С ней играли младшие девочки, подкармливали взрослые, при ней стеснялись грубить или скандалить. С маминога разрешения, вытащив из тоненькой пачки полученных для нового учебного года учебников «Букварь», она водила пальчиком по крупным буквам и скоро с помощью своих малолетних учительниц начала читать: «МА-МА МЫ-ЛА РА-МЫ». Это казалось для неё таким волшебством, что оторвать девочку от книжки было невозможно.

Тем более что игрушек не было в помине. Никаких. Кроме медведя. Медведь был получен в «американском подарке». Так называлась тогда гуманитарная помощь, получаемая из Америки. Маме досталось тёмно-синее шерстяное платье, из какой-то невиданной ткани — «джерси», Зине — пиджак, который был ей великоват и похож на мужской, а Надюшке — белая вязаная шапочка и белый же медведь, миниатюрная копия настоящего. Он крепко стоял на четырёх

лапах, вытянув мордочку с чёрными бусинками глаз и чёрным носом. У Нади он легко превращался в лошадь: можно было ездить верхом, собачку — можно водить на поводке, и даже в куклу, если завернуть в одеяльце и покачать на руках.

Ещё в «американском подарке» было две банки тушёнки. Совершенно необыкновенной. Во-первых, банка была квадратная, во-вторых, на крышке был прикреплён ключик, и если его поворачивать, то на него наматывалась тонкая ленточка от крышки и банка открывалась. Внутри находилось бело-розовое чудо.

Оно пахло так вкусно, во рту исчезало мгновенно, оставляя одно желание — хоть бы оно никогда не кончалось. Маме с Зиной почему-то не очень понравилось, хотя Надя так уговаривала их попробовать «ну, хоть маленький кусочек». Давали девочке этой вкуснятины понемножку, чтобы растянуть подольше.

Второй невиданной вещью был маленький холщовый мешочек, зашитый толстой ниткой. От него шёл волнующий незнакомый запах. Стоило маме открыть кухонный шкафчик, как вся комната наполнялась пряным восхитительным ароматом. Надя доставала мешочек, нюхала его, пыталась на ощупь понять, что же такое там лежит. Однажды, не выдержав, всё же расковыряла дырочку и вытащила гладенькое коричневое зёрнышко. Сунула в рот и разжевала. Оно оказалось очень горьким. Может, ядовитое? Пришлось признаться маме. Мама улыбнулась:

— Нет, солнышко. Это замечательная вещь — кофе. Только смолоть нам его не на чем, вот пока наслаждаемся запахом. Но когда-нибудь ты обязательно его попробуешь и вспомнишь про этот мешочек.

Зину Нюся заставила отвезти заявление вместе с направлением от колхоза в Тульский педагогический институт (тогда он назывался Учительским и работал по сокращённой программе). По ночам после напряжённого дня при тусклом свете керосиновой лампы Зина клевала носом над учебниками, а Нюся стрекотала зингеровской швейной машинкой, которую на время эвакуации закапывала в землю за сараем, завернув в мешковину и обильно смазав машинным маслом. Машинка заржавела немного, но работала исправно. Нюся, вспомнив уроки своей московской тётки, брала нехитрые заказы у женщин. Расплачивались продуктами, кто чем мог — десяток яиц, ведро картошки или пшеницы. Экономили на всём, т.к. заказы не слишком часто выпадали.

Первого сентября школа начала работать. Война ещё гремела вовсю. Приходили с фронта похоронки, возвращались инвалиды, надрывались на мужских работах бабы. Но все были уверены — «Победа будет за нами!» Этим жили, ради этого терпели все трудности. Нюся пробовала обратиться в военкомат, пыталась узнать что-либо о муже. Встретили её сурово: «Вы же получили извещение — пропал без вести. Ничего нового мы вам сказать не можем».

Медленно и тяжело, но жизнь налаживалась. Зина с первого же курса института (заочного) начала работать в школе учительницей младших классов — учителей не хватало. Работа ей нравилась, ребята её любили. Деревенские тоже относились с почтением — «вот ведь своя была простая девчонка, а поди ж ты, учителкой стала».

Анна Васильевна постепенно поручала Зине всё более ответственные дела. Надюшка подрастала, читала

и считала легко, стали думать, не отдать ли в первый класс, да возраст не позволял. А она, открыв учебник геометрии на школьном столе матери, разглядывала непонятные картинки и спрашивала:

— Мам, а почему под одними картинками написано «фиг», а под другими «рис»? А вот на этой книжке с картами написано «атлас» — разве это материал? А правда, что в Москве все дома из шоколада и мармелада, а шоколад — это что?

Неожиданно Анну Васильевну вызвали в Райком партии. Сердце ёкнуло в недобром предчувствии. Войдя в кабинет, она с изумлением увидела сидящую за столом Нину Александровну. Но не успела и рта раскрыть, как та громовым голосом закричала:

— Садитесь и пишите. Где Вы были в период оккупации? Почему не выполнили указание партии эвакуироваться? Почему другие смогли, а Вы нет? Объясните всё подробно!»

Анна Васильевна дрожащей рукой макнула ручку в фарфоровую беленькую чернильницу-непроливайку и застыла над чистым листом бумаги. Сердце билось так гулко, что, казалось, выпрыгнет из груди, в голове шумело, в глазах кипели слёзы. Душили страх, обида, несправедливость. Она боялась поднять глаза на бывшую подругу.

Нина Александровна оторвалась от бумаг, подошла сзади:

— Ну, что Вы тут насочиняли? — Наклонилась к самому уху Анны и быстро еле слышно зашептала:

— Нюся, слушай меня внимательно. Сейчас бегом домой, бери документы, Надюшку и на поезд. В Москву. Или дальше. Пока тебя искать никто не бу-

дет, слишком много таких. В школе оставь заявление на отпуск, ты ведь два года в отпуске не была. (Всё знают, — успела подумать Анна). — Из отпуска пришлешь заявление об увольнении по собственному желанию в связи с болезнью дочери. Справку медицинскую приложить не забудь. Школу оставишь на Зину, ты давно её подготовила, она справится. Не дрейфь, подруга, прорвёмся.

Казалось, Нина хотела рассмеяться своим привычным смехом, но он застрял у неё где-то в горле хриплым клёкотом.

Спустя много лет, на похоронах Анны Васильевны, рядом с её заплаканной дочерью стояла красивая седая женщина в элегантном чёрном костюме, на лацкане которого тускло поблёскивал депутатский значок. Тихо шептала:

— Прощай, Анвасечка, любимая моя подруга, наставница, сестра. Родной мой человек. Если бы не ты, неизвестно, как сложилась бы моя жизнь. Спасибо тебе. Светлая тебе память.

Она положила две белые, словно фарфоровые, каллы к изголовью Анны Васильевны и уехала на длинной чёрной машине с правительственными номерами.

Нина Александровна отбывала срок в Гулаге как враг народа по 58-ой статье. Реабилитировали её в 1954 году. Посмертно.

**Майя Ивановна
ПАНФИЛОВА**

Член международной Ассоциации писателей, член международного Союза славянских журналистов, художник, поэт, член Союза театральных деятелей России, лауреат премии им. Г.К. Жукова, лауреат премии Николая Островского, Почётный ветеран Панфиловской дивизии, Почётный житель города Москвы.

Майя Ивановна — дочь легендарного комдива, Героя советского Союза — Ивана Васильевича Панфилова.

ПОБЕДА

У победы разные глаза.
В каждом доме грусть, печаль и радость.
А всё вместе — сладкая лоза:
Как вино — и горечь в нём, и сладость.

Боль свою мы в кулачок сожмём,
О потерях временно забудем.
Вспомним День Победы и всплакнём,
Прослезимся, но рыдать не будем.

Тех помянем мы, кто не дожил,
Не дошёл до славного финала,
Ведь в бою он голову сложил
За Отчизну— разве это мало?

Вспомним мы сестёр и матерей!
Сколько они сделали для нас!...
Не однажды в жизнь открыли дверь,
Не сломались в самый трудный час.

Ветераны! Вам сегодня честь
И хвала принадлежит по праву.
И садам для вас сегодня цвёт,
Вам вкушать заслуженную славу.

Так виват, Победа и народ!
Никого сегодня не забудем!
Пусть страна увидит новый взлёт!
Нет, сегодня мы рыдать не будем...

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Я площадь Красную запомнила такой,
Где проходили мужества парады.
С высоко поднятой и гордой головой
Там воины несли свои награды.

Им целый мир тогда рукоплескал,
В таком почёте были наши деды.
Мы поднялись на высший пьедестал
И не стеснялись за свои победы.

Я площадь Красную запомнила другой...

У РАЗЪЕЗДА «ДУБОСЕКОВО»

Мы —дети войны —
Разве этого мало,
Чтобы вспомнить о тех,
Кого рядом не стало?
Мы снова здесь, нам память так велит,
Вновь оживают огненные строки.
История, одетая в гранит,
Не даст забыть нам мужества уроки.

Вы в сорок первом были тем сильны,
Что до Москвы врага не допустили.
Вы, верные Отечества сыны,
Здесь погибали, чтобы дети жили.

Майя Панфилова

Мы в справедливость верили тогда
И испытали радости победы.
Отстаивая сёла, города,-
Мы в созиданье забывали беды.

Вы дали силы нам, чтобы начать с нуля,
Вершить добро, впредьвести науку.
И мы готовы были всё отдать,
Чтоб победить и голод, и разруху.

Я помню сорок пятый год весной.
Салютовал весь мир на День Победы.
И лица скорбные сияли красотой,
Оставив дома временно все беды.

ПИСЬМО МАТЕРИ

(Защитникам Москвы)

Свинцовый дождь вас не щадил,
Снаряды радугой играли.
А вы впредь упорно шли.
Ни сна, ни отдыха не знали.
Да, вы — Отечества орлы.
И вражьи танки подбивали.
Отчизны верные сыны,
Вы сами в схватке погибали.
А рано утром, на рассвете.
Лишь затихалнеравный бой,
Сестрица в беленьком халате
Стояла молча над тобой.
Ряды уж ваши поредели,

Война проходит через сердце

Но не сломить солдатский дух,
И, становясь стократ сильнее,
Вы мстили за родных подруг.
За жён, сестёр и матерей,
И за потерянных друзей.
Леса пушистые подбиты.
От пуль, снарядов — всё горит,
Как ад кромешный всё кипит.
А вы — упорны и плечисты,
Вы не склонили головы.

Во славу Родины святой
Фашистов гнали от Москвы.
Итак, солдат мой дорогой,
Пишу я Вам не как герой,
И до поэта не достать — Пишу я как простая мать.
Пишу и вспоминаю время,
Далёкое оно теперь.
Когда солдаты шли на подвиг,
В защиту Родины своей.

Иосиф Рухович

**Иосиф Рафаилович
РУХОВИЧ**

Поэт, прозаик.

Член Союза писателей России, член Международного Сообщества писательских союзов. Член Академии Российской литературы. Член редакционного совета независимого альманаха «Московский Парнас».

По «рабочей» специальности — инженер-строитель. Кандидат технических наук, доцент.

Писать стихи начал рано, публиковаться поздно — «отвлекала» наука. Первая публикация в 1989 г. (не считая студенческих и юношеских забав) — стихотворение «Таруса» в районной газете «Октябрь». С 90-х годов активно печатается в московских журналах, альманахах, газетах. Десятка два стихотворений — в Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых». Несколько стихотворений напечатаны в антологии

Война проходит через сердце

«Закон случайных чисел — 150 поэтов мира». Основные направления поэзии — интимная, пейзажная и философская лирика. Автор 10 книг:

С 2000-х годов в журналах и альманахах появляются рассказы и новеллы. В 2010 г. в антологии современной прозы «Сверя быль и небыль» выходит «На самом крае» — глава из романа.

В 2011 г. выходит роман в рассказах «Два начала».

В 2013 г. — роман «Те года»

Большую часть жизни жил и работал в Украине, в г. Донецке. В настоящее время живёт в п. Томилино Московской области.

Иосиф Рухович

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

И имя было у него,
И говорил, мечтал, смеялся...
Судьбой короткой боевой
До мудрого не дожил старца.
Там, в глубине земной, скелет
Лишь только мысль моя тревожит:
С поверхности во цвете лет
Сошёл боец по воле Божьей.

Вокруг живая суета
И детский лепет междометий,
Вплетает наше в сорок третий,
И не подведена черта,
Когда дорога в никуда
Выходит на простор столетий.

КАИНОВО ПЛЕМЯ

Бой кончился. Кто уцелел — ушёл.
И мёртвые остались только телом.
Над полем брани неба синий шёлк
И солнце горизонт пустой задело.
Теперь осталось тихо тлеть телам...
До скорой страшной пустоты в глазницах.
Живым, вернувшимся к своим углам,
Ещё осталось на земле томиться.

Взяв в руки обоюдоострый меч,
Никто не думал вечности молиться,

Война проходит через сердце

Но в землю эту всем придётся лечь,
И встретятся убитый и убийца.

И между ними розни никакой
Из-за удара смертного не будет —
Ты шёл на брата с поднятой рукой,
И Страшный Суд обоих вас осудит.

ВОЙНУ ПРОИГРЫВАЮТ ВСЕ

Войну проигрывают все —
Материальный мир разрушен,
Поражены насильем души...
Войну проигрывают все.

Ты победил и проиграл —
На совести твоей отверженной
Лежит в руинах враг поверженный.
Ты победил, но проиграл.

Ты проиграл и проиграл.
Не сложатся осколки в ценности,
Лежит на них печать ущербности —
Ты проиграл, ты проиграл...

Войну проигрывают все.
И долго в памяти народной,
Пластинкой страшной инородной,
Войну проигрывают все.

ЖЕНА ВРАГА НАРОДА

рассказ

Где-то в начале июня, Игорь сумел сдать пару экзаменов досрочно, выкроилась неделька, и они, наконец, отправились в долгожданное путешествие за запоздалым благословением к Ютиной маме. Решено было сказаться зарегистрированными, иначе их ждали разные постели. Конечно, уловка не сработала — конспираторы, отговариваясь, что брачное свидетельство у них будет с особенным золотым теснением, но только позже, забыли об отсутствии штампов в паспортах. Но, к счастью, будущая тёща в Игоря поверила и неудобных вопросов задавать не стала. Ни ему, ни даже дочери, отношения с которой были далеко не простыми.

Откуда мы? Советская власть основательно стёрла родословные. Гордиться принято было рабоче-крестьянским происхождением, а почти у каждого в предках оказывались то дворяне, то буржуи, то эки с островов Архипелага, а то и вообще родственники за границей, что делало потомков подозрительными и неблагонадёжными. Целое поколение не знало правды не только о своих дедах и прадедах, но нередко даже и отцах. А если и знало, то не распространялось. Лет до двенадцати Юта считала отца — согласно маминой версии — пропавшим без вести. Такими считались бойцы, не вернувшиеся с войны и неизвестно где лежащие. У кого-то Игорь прочитал — война не окончена, пока не похоронен последний солдат. Судя по попадавшимся в этих лесах черепам, война не окон-

чена и по сей день. Так бы и гордилась Юта отцом, отдавшим жизнь за свободу своей Родины, если бы однажды в пасмурный и невесёлый осенний день мама не показала на невысокого очень худого мужчину — это твой папа. Нашёлся...

И в глубины собственной жизни родители забирались выборочно — кто знает, что сболтнёт советское дитя. Смешных, печальных и даже трагичных примеров вокруг было сколько угодно. Словом, побаивались.

— Был случай, — вспоминала Александра Александровна, — ещё в те времена, Аньке тогда было лет шесть. Запрещалось тогда держать домашнюю скотину в городах, было подозрение, что хлебом кормят. Ну, да — хлеб был куда дешевле молока и мяса, которых частенько и вообще не было. Пришла комиссия проверять. Строго так спрашивают — ни кроликов, ни свиней? Да, нет, что вы, откуда. Вдруг Аня: «Мама, как же? А Васька?» И смех и грех! Вроде и ругать не с руки, а единственного поросёнка обложили налогом.

Александра Александровна не спешила с откровенностями. Хотя времена стояли далеко не сталинские, страх, подкожный страх много повидавшего и пережившего советского человека, всё равно оставался. Но понемногу отошла, оттаяла пятидесятирёхлетняя женщина и заговорила. Не только доверилась, но где-то на подсознательном уровне почувствовала — её жизнь может остаться, не уйдёт с ней в могилу.

А помирать в скором времени Александра Александровна собиралась. Шутка ли — при такой тяжёлой жизни и дожить до шестидесяти? Нет, так не бывает. И хотя прожила ещё тридцать лет, сбережения и

одежду на похороны в старом комодe хранила и Юте по секрету показала. Юта плакала.

Как передать эту неплавную, со скрываемыми эмоциями, речь не слишком образованного — четыре класса, — но читающего человека? Буквально? Ничего не выйдет. Литература имеет свои законы. Здесь нет мимики, жестов, интонации и регулируемой силы голоса. Словами, только словами...

История Александры Александровны сложилась постепенно из кусочков монологов, произносимых всё более и более внятно. Конечно, всего не расскажешь, но суть её нелёгкой жизни всё-таки проявилась, как когда-то в кювете и красном свете приобретали очертания чёрно-белые фотографии.

— Жизнь моя, Игорь, распадается на какие-то куски — и собрать тяжело. Как будто я прожила несколько жизней. И была в них разным человеком. Вот моя жизнь, вроде, устроилась, и Аня вышла замуж — гора с плеч. Нет, что не выйдет не боялась, такие на дороге не валяются, кто-нибудь бы взял. Но хорошо, что ты. Но какая я теперь? Кому нужна? И зачем мне жизнь? Нет, ты меня не успокаивай, я к тому, что живёт зачем-то человек? После всего пережитого теперешнее — рай! Не голодаю, дети пристроены — что ещё нужно. Но зачем? Всё кажется не так прошла жизнь, не для того я на свет явилась. Хотя, конечно, Богу виднее.

А почему ты её Ютой зовёшь? От Анюты? Хм... Интересно... А я думала от уюта...

— А начиналось хорошо! Я сейчас детство чаще и чаще вспоминаю, кажется мне всё сплошь голубым и розовым.

Семья наша была рабочей, но далеко не бедной. Я младшая из четырёх сестёр, а потом появилась и пятая, сводная. Матери почти не помню — умерла, когда мне ещё и шести не было. Ну, как все дети, какие-то отрывки. Вспоминается почему-то запах длинных мокрых волос — купала меня вместе с собой. И ещё как шла по дорожке мимо цветущих яблонь. Больше, пожалуй, ничего и не осталось... Вот... А ведь это мама моя... А что у вас от меня останется?

— Жили мы в большом и крепком доме — жилая половина и большая мастерская отца. Сначала по ремонту весов — от аптекарских до вагонных. Ну этого я почти не помню. Потом, перед самой революцией, в гражданскую и ещё при НЭПе, отец ремонтировал и изготавливал железные кровати для армии. Руки у него были золотые, всё, как говорится, спорилось. Ещё было трое работников, которые жили отдельно во флигеле. А ели всегда все вместе.

О, это, знаешь, какой был ритуал! За стол садились все девять человек — и стар и млад. Причём сам отец садился последним, когда стол был полностью накрыт. Ели из общего котла, стоящего в центре стола, деревянными ложками. Первая ложка за отцом, потом остальные. И знаешь, что интересно? Каждый загребал со своей стороны и мясо мог достать только, когда оно подплывало к его краю. За нарушение можно было получить ложкой по лбу, а то и из-за стола вылететь. Но наедались все. За столом разговаривали, смеялись. Осталось какое-то чувство ежедневного праздника.

Нет, почему, тарелки, конечно, были — стояли в большом буфете в горнице. Но их доставали только

по большим дням — на пасху, рождество... Почему? Даже не знаю... Но что-то в этой древней традиции было умиротворяющее. Есть такое выражение «переломить кусок хлеба», то есть объединить судьбу. Общий котёл рождает родство, люди чувствуют себя своими, что ли... Будь моя воля, ей-богу, и у себя бы такое завела. Но теперь большими семьями не живут, теперь квартиры, а не дом. Вот и вы получите одну или, дай Бог, две комнаты... Разве что в гости приехать...

— Отец был мужчина видный, с шевелюрой, усами и светлыми глазами. Опасный для женщин человек! Как сейчас говорят — мужик! Я не помню, старшая сестра рассказывала, — то ли был, то ли легенду. Влюбилась в отца какая-то богатая «графиничка» и приезжала к матери торговать. Дескать, отпусти мужа, а я за это твоих дочерей возьму на себя. И образование дам, и воспитание. Но и мать не отпустила, и отец не ушёл, сохранилась наша крепкая семья. Ненадолго.

Когда мама умерла, месяца через два или три, это я помню, отец вдруг исчез. Неделю нет, другую. Старший работник, ладный такой красавец Коля, взял старшинство и дела на себя. Думал, думал и решил: двух старших сестёр оставить, работницы уже, а меня с Клавой отдать в детдом. Плакали мы и уже вещи собирали, как вдруг явился! Да не один, а с крепкой такой, красивой женщиной. Вот, говорит, будет теперь вам мать. Так вошла в нашу жизнь мачеха, Клавдия Говриловна. Да знаю, знаю, конечно, Гавриловна, но выловил её отец где-то в волжских водах под Нижним Новгородом, нынче Горький, и окала она отчаянно.

Отец нас любил, правда особо не цацкался. Ругать ругал, но никогда не бил. А если Клавдия Говриловна наказывала — без обеда оставить или в угол — сердился. Мачеха тоже была женщиной не очень ласковой, однако мать нам заменила и разницы между нами и вскоре появившейся своей дочкой никогда не делала.

Работать нас приучали сызмальства. В меру сил — за скотиной ходить, убирать, стирать. У всех были свои обязанности.

Отец намеревался дать нам образование. Старшие сёстры ещё успели походить в гимназию, даже французский язык учили. А я уже в советскую школу ходила. Ввела тогда советская власть обязательное начальное образование — четыре класса. Больше мне учиться не пришлось.

— Детство моё счастливое кончилось как-то незаметно. Дом с мастерской отобрали, отец пошёл работать на завод, и наступила бедность. Правда, она была повсюду, годы были трудные. Голодать не голодали, но общий котёл кончился, ели когда, где и что придётся. Жили всемером в одной комнате и спали под одним одеялом. Ты эти времена по литературе знаешь, только они там сильно приукрашены романтикой, как ни как социализм с коммунизмом строили. И сейчас строим. И вы будете строить. И дети ваши.

Что значит «трудные годы»? Бог его знает... Тогда-то мы не знали, что живём в «трудные годы». Просто выживали. Я и про революцию, и про гражданскую войну узнала куда как позже. А тогда видела вооружённых людей, слышала пальбу, на моих глазах убивали... Хлеба не было... Трудные годы! Невозможные...

Потом жизнь немного наладилась, но к прежней радости уже не возвратилась никогда. Закончила я свои четыре класса, Клавдия Говриловна больше не разрешила — зачем девке-то? Дома работала, а в пятнадцать пошла на швейную фабрику. Началась моя рабочая биография.

— Знаешь Игорь, во всякой русской, а может быть и не только, сидит Золушка. Вот придёт Принц, примерит хрустальную туфельку, и жизнь обернётся самой лучшей стороной. Попросту говоря — хорошо бы удачно выйти замуж.

Мой принц явился в гимнастёрке с ромбиками лейтенанта. Среднего роста, чуть выше меня, худощавый, но ладный, сейчас бы сказали спортивный. Анята вся в него. Заприметил меня на улице, без ложной скромности сказать — девушка я была видная, подошёл, заговорил и начал ухаживать. Полюбила ли я его? Честно говоря, не знала тогда, что это такое. Да знаю ли и сейчас? Ну, конечно, в книгах читала, но к действительности это как-то особого отношения не имело. В романах любят, страдают, мечтают, по-моему, от нечего делать. Вон, у Толстого, как дворяне любили! А простой народ и слова-то такого не знал. А мой Володя вообще слов на ветер не бросал. Весь был в себе и очень решительный. Вот пришло время, решил жениться и всё тут. В нём самом-то любви особой никогда не было. Но женщина ему нужна была, семью себе представлял — во всём должен быть порядок. Грамотный был, в политике разбирался, газеты от корки до корки читал. А ещё рисовал. Сначала только карандашами, а потом и кисти взял, масляные краски, акварели. Хорошо рисовал, похоже. Мой портрет сделал,

так я там такая красавица! Только жаль, что я всё это считала баловством — не Шишкин же. А если бы поддержала, может быть, совсем другим человеком был. И то, что случилось не случилось бы... Да и он моё пение с удовольствием слушал, но всерьёз не принимал. А как мне хотелось петь! Может, я для сцены и родилась. Но такие уж мы были люди, из такой вот среды...

Связать свою судьбу с ним было не страшно, казалось, на него можно опереться. Да и «пройтись с ним по нашей деревне» было не стыдно. Отцу, как я теперь понимаю, Володя понравился не сильно, но ввести в семью коммуниста и офицера посчитал в наступивших временах не лишним. Да и дочка хорошо пристроилась. Так, в девятнадцать лет я оказалась замужем, а в двадцать уже и дочку родила. Хорошенькую, ну прямо ангел! Не обращай внимания, я всегда плачу, когда вспоминаю Ниночку. Трудно вам, мужчинам, представить себе, что значит для матери первый ребёнок. Да и объяснить вряд ли возможно. Но, вот, не дал ей Бог жизни. И мне на всю жизнь положил тяжесть. Хотя, вроде, и вины за мной нет. Наверно в помыслах...

Пять лет ей исполнилось, когда в садике разразился дифтерит. Слухи ходили — вредительство. Умирают, мол, в основном дети офицеров. Теперь-то понимаю — ерунда, и садик-то был офицерский. Но тогда верила. Господи, как я убивалась! Однажды с кладбища — я каждый день ходила — без сознания привезли. И самое страшное — снится и снится. То на речке, то в саду, а то и просто на кровати сидит, но всегда улыбается и шепчет: «Мама, мама, а я живая!». Просы-

паюсь — сердце останавливается. Я уже и ложиться боялась. Отощала страшно, лица на мне не было. Слава Богу, послушалась одной богомольной старушки. Втайне от Владимира Дмитриевича — если бы узнал, не знаю, что и было бы — взяла горсть земли с могилки и в церковь. Ужасно боялась, чтоб не увидели и не донесли. Жена коммуниста и в церковь, представляешь? На следующий же день его бы отовсюду выгнали. Ну, как освятили, я землицу на могилку и снесла. И ты знаешь, как рукой сняло! И по сей день не снится. Ой, не могу я больше — слёзы душишат. Иди уже, поди тебя Аня заждалась...

— Но вообще-то до войны мы жили неплохо. И комната была, и жалование офицерское совсем даже ничего, и пайки'... Родителям помогали. Нет, только моим, Владимир Дмитриевич сирота, детдомовский. Через два года по смерти Ниночки, родилась Лида увидишь ещё, крупная здоровая такая, — в меня. А ещё через два с половиной — Аня.

К этому времени Владимир Дмитриевич хорошо продвигался по службе — в капитаны произвели, подал в Академию и приняли было, но война помешала. И ещё повезло — на фронт не отправили, а послали преподавать в пехотное училище.

Повезло... Стыдно сказать, но сколько раз я проклинала это везение! Если бы он был на фронте и даже, прости, что скажешь, действительно пропал бы без вести, я бы хоть оставалась женой офицера...

Ну, вот. Оказались мы в военном городке на берегу Волги. Три казармы, барак для наёмных рабочих, хозяйственные постройки, двухэтажный офицерский дом. Квартира хорошая — большая светлая комната, с

общей кухней на этаже. Ну, тогда других и не было. С продуктами тоже без особых проблем. Я, как офицерская жена, не работала, сидела с детьми. Так тебе сказать, я и войны-то особо не чувствовала. Владимир Дмитриевич человек очень аккуратный, даже чересчур, и в быту хлопот не доставлял. Всё на месте, всё чисто, лишний раз ни стирать, ни гладить. Вот только мы почти не разговаривали — о чём? Художественную литературу не читал, театров не было, о работе рассказывать не любил. В свободное время рисовал — и карандашами и маслом. По-моему, хорошо. Да, вот эти картины его, всё, что осталось... Я слышала, ты Ане говорил, что слишком натуралистично и какая-то точка пейзажа не та. Ну, не знаю... Я всё это видела своими глазами, и мне нравится.

— Перед этими самыми страшными событиями смотрю, Володя много читает какие-то специальные книги. Сталинскую конституцию изучает, налоговое законодательство, юридическую литературу. Ну, думаю, по работе.

День этот помню до мельчайших подробностей. Светлый такой июльский, небольшой ветерок несёт от Волги запахи и прохладу. Благодать! Ане пять месяцев, и я кормлю её грудью.

Смотрю в окно — к дому идут три фигуры. В середине по походке, правда, какой-то странной, узнаю Володю. У него же занятия, куда в такой час? Подходят, я сначала ничего не могу понять, потом обрывается сердце. У Володи сорваны погоны, ремня и планшетки нет. По бокам два здоровых особиста. Сколько раз я слышала эти истории, но не приведи Господь пережить самой! Как всегда в таких случаях — может

ошибка? Кто-кто, но Володя же сто раз проверенный и правоверный коммунист. Но эта мысль не зацепляется, всем известно — наши органы никогда не ошибаются и даром не сажают. Всё. Конец.

Зашли. Я ни жива, ни мертва. Отступаю перед ними, они меня теснят и к его столу. «Гражданка Гуркузова! Согласно постановлению мы должны произвести обыск в вашей квартире». Слова не могу сказать. Рылись они в его книгах, вещах, искали тайники, но как-то не очень рьяно. Забрали бумаги и почему-то книги. Я всё ещё не могла в себя прийти. Вдруг заплакала Анюта, и я вернулась к жизни. Кинулась к Володе: «Что ты сделал, что ты сделал?!» «Шура, я только написал письмо товарищу Сталину. Поверь я ничего...». «Разговорчики! Гражданка, вы не должны касаться арестованного. И уймите вашего ребёнка».

Его увели, и я поняла — жизнь кончилась. Вдруг обуюла жажда деятельности — надо что-то делать, что-то делать... Остаться так было просто не вмоготу.

Побежала к знакомому майору госбезопасности — иногда к нам заходил. «Кирилл Игнатьевич, что, что произошло? Что теперь будет?» «Александра Александровна ваш муж показал себя врагом народа». «Но что натворил? Может по глупости?». «По глупости, Александра Александровна, такие вещи не делают. Он написал письмо с критикой закона о налогообложении военных. Без подписи». «Как же нашли? А если не он?» «А почерк, Александра Александровна? Такой бисер, ни с чем не перепутаешь». «А может быть в законе какие-то неправильности?» «Гражданин Гуркузов написал об ошибках в законе, который предложил сам товарищ Сталин. Вы думаете, что Он — глаза за-

катил к портрету, висящему за спиной над головой — может ошибаться?» «Что же будет, что будет, Кирилл Игнатьевич?». «Плохо будет, Александра Александровна, плохо. Ничем помочь не могу».

Никто не мог. Да никто и не собирался.

— Проплакала я всю ночь, что только не передумала! И, знаешь, не его жалела — себя и детей. Вся жизнь проплыла перед глазами. Всё будни, будни и никакой особой радости вспомнить не могла. На таких переломах, я где-то читала, люди вспоминают что-то заветное, что уже останется, чтобы судьба с ними не делала. То, ради чего стоило жить. И, поверишь, не на что было мне опереться. А ведь мы с ним прожили вместе уже немало. Конечно, были какие-то праздники, смеялись и веселились... Но вспомнить — нечего. Только тогда до меня дошло — чужие мы были с ним всю жизнь. Да и могло ли быть иначе? Жизнь нас учила не жить, а выживать. До любви ли тут? Для любви, знаешь... Человек должен быть необычным. Конечно, каждый человек необычен, если в душу к нему влезть. А если и души никакой нет? Одна аккуратность и порядок. Да и в себе что-то надо иметь. Нет, не смогла я его полюбить. Способность к любви не всем даётся... Вон, я смотрю, как Аня на тебя смотрит — аж светится. Вообще-то она у меня вредная и завзятая, ты ещё хлебнёшь с ней, а, вот, гляди, любить умеет... Грех говорить, но родной дочери завидую!

— И всё-таки никогда не могла понять, как мог Владимир Дмитриевич решиться на такой шаг, даже не посоветовавшись со мной? Да я бы костями легла, не дала бы сделать такую глупость! Ещё своим почерком. Хоть бы моим, сто лет бы искали.

Какой гражданский долг, Игорь, о чём ты? Не подписался же. Не на партсобрании выступил, что он свою партию не знал? Нет, Игорь, понимал Владимир Дмитриевич на что идёт. И из-за чего? Из-за каких-то процентов? Добро бы своей жизнью рискнул, а о нас подумал? Даже отсидев столько лет, так ничего и не понял. Он, видите ли, страдалец за идею — за какую, чёрт возьми, за проценты? — а плохо, мол, было всем. Конечно, страданиями не сравниваются, советские лагеря не шутка, никто не говорит. Но он ушёл в небытие, где все были такими, а нас оставил жить отщепенцами среди людей, ещё вчера бывших друзьями. Из-за страха нам даже кусок хлеба боялись подать. Будь ты проклят, прости, что скажешь!

Ой, что-то я разошлась. Хуже нет беречь старую, так и не зажившую, рану. Но всё равно, слушай, раз взялся. Расскажу, может легче станет. Никогда не рассказывала. Боялась, как бы детям не навредить. Да и сейчас боюсь.

— Вышла я на следующий день и сразу ощутила клеймо на лбу: жена врага народа. Сторонились, а то и убегали. Оно и понятно — и за сочувствие можно было загреметь.

Ну, только бы это ладно. Но как дальше жить? Ни денег, ни карточек. Уже и хлеба не могла получить. Ну, несколько дней на тощих запасах, — какие в войну запасы! — а дальше?

Тут же комендант объявляет — выселиться из квартиры в двадцать четыре часа. Куда? В барак. Комнатка три на три, тёмная, здесь же и стирать, и готовить.

Прошу работы. Комендант, так, с издёвкой, — может, думаешь, мы тебя в официантки определим? И не мечтай. В подсобницы пойдёшь.

То есть в прачки.

И пошло! По десять, а то и больше, часов в день стирка, стирка, стирка... Всё вручную — это у немцев были какие-то машины — и всё вшивого солдатского белья. Ты уже и не видел, наверное, — такая волнистая стальная доска в корыте и по ней, до ряби в глазах, с силой водишь туда сюда, туда сюда намыленное вонючим хозяйственным мылом. Ночью тело дёргается и кости ломит — страшно. Лиде — три годика! — смотрит за Аней, я два-три раза бегаю переодевать и кормить. И так изо дня в день, изо дня в день. Без просвета. Особенно тяжело зимой. Темно, полоскать — вода ледяная. Руки распухают, красные. Как я выдержала, не знаю. Если б не дети, грех так говорить, руки бы на себя наложила. Я уже, не поверишь, человеком себя не чувствовала. Загнанный зверь. И всё это за еду. И то только, чтобы с голоду не умереть. Два года, два года! Почти без выходных и праздников.

Мой мозг просто оцепенел. Наверно охранительная реакция. Не могу вспомнить ни одной мысли. Как животное — то надо сделать, то, и как бы хозяин палкой не ударил. И всё это в том же самом городке, где я гуляла с Лидой и Аней, смеялась с подругами, встречала с работы офицера Красной Армии.

Потом я часто думала — может на каторге всё-таки было бы полегче? Хоть о детях бы позаботились. Но на каторгу за что-то ссылают, пусть за глупость, как моего, но меня никто ни в чём даже не обвинял. Что же, жена врага народа тоже враг? Да ещё и похуже?

— Совсем неожиданно добралась до нас Клавдия Говриловна. Отец устроился километрах в шестидесяти железнодорожником. Но только чуть божий свет увидела, как новый удар — заразилась я от бельевых вшей брюшным тифом. Не приведи Господь! Положили меня в больницу, и провалялась чуть ли не три месяца. Один раз даже похоронили — подруги по несчастью уже и на венки собрали. Это когда я совсем сознание потеряла. Но оказывается, при брюшном тифе есть роковой сороковой день — совсем худо, помираешь, но если выживешь — всё, на поправку. Как видишь, выжила.

У меня с тех времён одно свидетельство сохранилось — письмо отца Мане, средней сестре, она с мужем переехала в Сталино:

«Спешим вас уведомить о положении Шуры. Она лежит в больнице с 22 июня. До этого лежала дома две недели. Болезнь её брюшной тиф. Мать теперь живёт в военном городке с детьми. Температура у Шуры всё время 38,7, 39,8, 40. Почти всё время бредит. Я к ней приходил в больницу и она говорит мне, что ж это Настя делает? Зачем она детей моих забрала? Это безобразие! Так что на выздоровление надежды очень плохие. Володя уже два года сидит. Дали десять лет....»

— Ну, выписали меня наконец, вышла — страшно смотреть. Стрижена наголо, худющая, что твой скелет, от ветра шатает. Но в больнице всё-таки кормили. А дома — если барак считать домом — только-только с голоду не умереть. А когда дело на поправку ох, как есть хочется! Немножко, тайком, через Клавдию Говриловну, некоторые офицерские жёны помогали — то

крупой, то молоком, а иногда и костями с остатками мяса. Поправилась я немного и с ужасом представляю — снова за проклятую стирку. Знаешь, болезнь, тем более тиф, штука страшная, но всё-таки была отдушина, всё-таки перерыв. Не ходить на каторгу, сбросить заботы, да ещё и ухаживают. А помрёшь, так и вообще кончится весь этот кошмар...

Но, слава Богу, уже за стиральную доску вставить не пришлось. Тут как раз наш город освободили, и отец нас перевёз. Шла со станции и не узнавала — полгорода разрушено, разбомблено, взорвано, места живого нет. Но послевоенная жизнь уже начиналась.

О Владимире Дмитриевиче было решено говорить — пропал без вести. Я не верила, что вернётся, из лагерей редко кто возвращался. За одним сроком давали следующий, и без конца. Писать я ему не писала — боялась, но посылки потом иногда с оказией передавала.

— Надо было, и срочно, устраиваться на работу. Карточки на продукты могли получать только работающие. Но как быть с Аней? Не военный городок, в перерыв не прибежишь. А в садики — сотенные очереди. Но тут начало мне немного везти. Встретила и разговорилась с полужнакомой по прошлой жизни женщиной. Оказалось, работает в здравотделе. Приходи, говорит. Посмотрела метрики — так ей же два года пять месяцев! Как же в садик? Ясли-то ещё не открыли. Я стала уговаривать — она у меня очень аккуратная, всё умеет делать сама. Это правда, Аня с пелёнок чистюля, а брезгливая, не приведи Господь. В голод и то харчами перебирала — по краю тарелки развесит и есть не будет ни за что. Ну, ладно, говорит

знакомая, скажем, что ей уже три, а метрики потерялись.

Удалось устроиться в обкомовскую столовую посудомойкой. И началось моё восхождение. Я уж так воспитана, не могу работать спустя рукава. Тут Аня в меня, не то, что Лидка. Да и работу боялась потерять. Словом, мыла посуду на совесть. Заведующая, до меня садясь за стол, себе посуду перемывала, а тут глядит — чистая! Ну и ко мне расположилась. Потом повар, Геннадий Васильевич ко мне присмотрелся и взял в помощницы кухаркой. Благообразный такой, в очках, с седыми подстриженными усами, из дворян. Стал учить меня готовить и детей давал покормить на кухне — выносить ничего нельзя было, в лучшем случае выгонят с работы. Сделал из меня настоящего повара. Стала я его заместительницей, а в перспективе — старенький он уже был — и на его место. Отмечали меня, на доску почёта вешали. Я как-то успокоилась, даже поправилась немного, на праздниках даже пела. Геннадий Васильевич глаза утирал, всё говорил: «Пропадает у тебя, Шура, настоящий талант!».

Аня в школу пошла, с ученьем мне никогда хлопот не доставляла, не то, что Лидия. Вот не хотела учиться и всё! Тетрадки возмёшь, так хоть сразу в печку. И на второй год оставалась, еле закончила. Ну, да не про неё сказ...

В общем, жизнь пошла более или менее.

И тут выдвигают меня депутатом городского Совета. В это время крепили блок коммунистов и беспартийных, ну и двинули меня как рабочую, беспартийную и бессловесную. Анюта, помню, услышала и спрашивает: «Мама, а блок против кого?». Пришлось

ей объяснить, что такие вопросы задавать нельзя. Ну, она девочка понятливая.

Я перепугалась до смерти. Теперь же проверят и докопаются, что я жена врага народа! Что делать? Думала, думала — может, пронесёт? Война, неразбериха... Но, в конце концов, не выдержала и пошла в партком. Выслушал меня секретарь и говорит: «Партию не обманешь, партия всё знает. Что ж ты думаешь, мы тебя до выдвижения не проверили? Но ждали, когда ты сама придёшь. Раз пришла, то всё в порядке. Быть тебе депутатом». Так я там и просидела, слова не сказав. Хлопала мудрым решениям партии, да руку вовремя поднимала. Но чувствовать себя уверенней стала.

Уже мне и квартиру обещали — депутат всё-таки. И успокоилась я как-то. Стал даже и пережитый кошмар куда-то отдаляться, только по ночам иногда просыпалась с криком, детей пугала.

— Как вдруг — является! Ещё и узнать не успела, а сердце ёкнуло. В каком-то полузэковском обмундировании — ватник, ботинки на рыбьем меху... Сколько я себя потом проклинала — сразу надо было, сразу вытолкнуть и захлопнуть дверь. Да разве в такой момент сообразишь! «Шура, я за тобой». Как? Что?

Отсидел Владимир Дмитриевич все десять лет, от звонка до звонка. А я как-то и считать перестала, всё пыталась забыть. Но выпустить-то его выпустили, да не совсем. Теперь на три года на поселение, в Киргизию. Только на несколько дней разрешили заехать, забрать семью.

Что делать? Обман насчёт «пропал без вести» раскрылся, стыдно стало людям в глаза смотреть. И —

знакомая картина! — кое-кто стал сторониться, не смотря на депутатство. Отец и Клавдия Говриловна в один голос — надо сохранить семью, детям нужен отец, да и тебе уже под сорок, новую не заведёшь. И, что интересно, чувствую я жалость к нему. Своё как-то за эти годы не то, чтобы забылось, но притупилось. А на него смотреть было тяжело — и по жизни-то худой, а тут...

Ну и поехали. Зброшенный лесхоз в предгорьях, крохотный домик из самана... Кругом лес, но после нашего странноватый — дикие яблоньки, орехи, алыча... Какая-то почти первобытная бедность. Немного русских, в основном киргизы. Школа, правда, русская.

Теперь пришлось хлебнуть прелестей натурального хозяйства — корова, свиньи, куры, огород. Владимир Дмитриевич устроился бухгалтером, хозяйство на мне.

Всё бы ничего, выдержала бы, после той вечной стирки любая работа не покажется слишком тяжёлой. Девочки помогают: орехи собирают, даже на сдачу, — продавать нельзя, а сдавать совхозу за копейки можно, — ягоды, дрова... Анята коровку нашу так любила, что ходила как за родной. Да она тебе сама расскажет — всё помнит. Всюду живут люди, и здесь можно было бы жить... Но вот Владимир Дмитриевич...

— Я тебе уже говорила, он и раньше-то был невесёлый и неласковый. Прямолинейно-правильный. А тут... Я где-то читала — раб, других отношений не зная, борется с рабовладельцем, чтоб стать на его место. Не с рабством борется, а с рабовладельцем. Стал вести себя Владимир Дмитриевич как надсмотрщик в лагере. Это вот так, это так и только так. Девочки должны были с него снимать и чистить сапоги. Вы-

слушивать его длинные и нудные проповеди не шелохнувшись. Бить не бил, но чуть что — пощёчину или затрещину. Так уж жизнь сложилась, что я сама-то с ними никогда особо ласковой не была, один раз Аньку даже побила, но не унижала никогда. Короче, отцом так и не стал. Девочкам чужой и мне чужой. Ни о какой любви и речи быть не могло, даже видимость семьи создать было невозможно. И знаешь, что меня больше всего отвращало? Как он прятал куски хлеба под матрац. И всё понимаю, откуда и почему, а ничего с собой поделать не могу — просто душит отвращение.

В общем, терпели мы с девочками, терпели — чуть больше года — и не выдержали. В один поистине прекрасный день собрали пожитки и вернулись в наш город. Больше я Владимира Дмитриевича никогда не видела. Да и видеть не хочу.

— Вернуться-то вернулись, но куда? Отец уехал по работе далеко, у сестры своя семья разрослась, тесновато стало. С очереди на квартиру, конечно, сняли. В столовой тоже все места заняты. Опять эта неопределённость. И тут вдруг Геннадий Васильевич где-то разузнал и порекомендовал меня на свободное место шеф-повара, как сейчас говорят, или — официально — заведующей производством в этот санаторий. Я не раздумывала ни секунды. Во-первых, отдельная комната, в ней и живу по сей день, да и помру, дай Бог... Ладно, ладно, не успокаивай, все там будем... Во-вторых мне очень здесь понравилось. И, главное, никто меня не знал, и можно было начинать жизнь заново. Тихо здесь, воздух замечательный, и до города всего тридцать километров. Оставила Лиду заканчивать десятилетку у сестры, а с Аней поехала. До школы в по-

сёлке далековато, семь километров, но Анюта у меня быстроногая...

Прижились мы тут. Летом из города приезжали родственники и знакомые чуть ли не каждое воскресенье — тогда ещё была шестидневка. Столы накрывали, в лес ходили, на дамбу купаться — ты уже там был. Зимой на лыжах кататься. Знаешь, очень даже хороший распорядок установился — будни буднями, но есть и праздник. Чувствую, что это последнее моё пристанище. И не возражай. Приезжать к вам буду, но жить я уже ни с кем не смогу. Со своим характером и вам жизни не дам, так что лучше не надо.

— И посетила меня, Игорьь, на старости лет, не смейся, какая ни какая, а любовь. Пусть недолгая, пусть неправильная, а всё-таки любовь.

Встретила в Аниной школе Павла Петровича. Разговорились, и что-то между нами произошло. Вот как в книгах описывают. По работе он часто приезжал в санаторий, стал захаживать и как-то, уже поздно было, остался. По-настоящему мне никогда не везло, оказалось у него семья и дети, да и старше меня он на десяток лет, но решили мы, что у нас любовь. «Шура, сказал он мне, пока дети школу не закончат, я семью не брошу. Но жене скажу сейчас. А потом мы с тобой распишемся, и будем жить по-настоящему». Благородный был человек и заслуженный — командир партизанского отряда. Я девочкам сказала, что выхожу замуж, и Пал Петрович стал оставаться у нас, когда мог. Анюта обрадовалась и полюбила ну, прямо, как отца родного. Свой-то родным так и не стал... И ему Аня приглянулась — баловал сильно. И конфеты покупал, и на кино денег давал, и просто по головке гладил, к

чему она совсем не привыкла. Когда же он ей коньки с ботинками подарил, так вообще хвостиком за ним ходила.

А однажды утворила такое, до сих пор смех берёт. Как-то в школе задержалась, и санаторские мальчишки ушли без неё. Зима, темнеет быстро, всё-таки девочка, и одна по лесу идти побоялась. Что делать? Она адрес Пал Петровича узнаёт и к нему, как родному. Представляю его жену! Хоть и всё знала, но такое! Переночевала Анька как ни в чём не бывало, а на другой день рассказывает. Я и обмерла — ты что, с ума сошла? А она: «А что? Пал Петрович очень обрадовался!» Я потом у него спросила — как, мол? «Да уж, ошарашила, так ошарашила! Я, грешным делом, подумал, что с тобой что-то. А девчонка молодец — не растерялась. Что жена... Кончено у нас с ней всё и навсегда. Ну, ещё царапина...».

Так и продолжалось у нас, да недолго, с годик. Умер Пал Петрович посреди жизни. Вроде бы ничто не предвещало — сердце разорвалось. Поговаривали, жена даже скорую не вызвала. Сам через дорогу до телефона дошёл и умер. Если бы у меня на руках, может и спасла бы... Даже похоронить не могла — кто я ему?

— Вот, собственно, и вся моя долгая, долгая жизнь... Хоть кусочек любви, но всё-таки выпал. И на том спасибо. Боль уже ушла, а радость, может быть, единственная настоящая осталась. Да такая, что и смерть скрасит...

— Ну, дальше тебе Аня лучше меня расскажет. Спасибо, Игорь, первый раз я так свою жизнь собрала. Может не так уж и страшно? Скольких жизнь была

куда больше меня. Самыми страшными были те два года. Если задуматься — всего два года. Сколько-то в моей долгой уже жизни. Но жива осталась, дочерей вырастила. Не знаю, скажешь ты мне спасибо за Анюту, но наверно скажешь. Славная она всё-таки, хоть и вредная. Но ты-то, думаю, с ней справишься...

Любовь у вас... А ничего взамен жизнь не даёт, поверь мне. Так что благословляю вас, хоть вы меня и обманули. Ну да, распишитесь, это Анька всё. Но если она тебе так верит, ты уж её, да и меня, не подведи...

**Елена Васильевна
СЕКУРОВА**

Член Союза российских писателей, член Союза славянских журналистов.

Автор пяти книг: «10 дней в Коктебеле». «Ускользающие вдаль», «Ступенька моей судьбы», «Семь новелл о юнге», «Сказки и рассказы для детей».

ГДЕ МАРИЯ?

Антонина поставила чемодан на стойку, приемщик легко подхватил и понес его. Антонина видела, как желтый ящик утонул среди баулов и корзин. Вещмешок, привязанный к ручке чемодана, топорщился поверх этих нагромождений, но теперь не резал плечо.

Облегченно вздохнув, Тоня отошла в сторону от камеры хранения. Остановилась. Стянула через голову туго свернутую шинель, перекинула через руку. (Утром шел дождь — шинель могла пригодиться.)

Билет удалось закомпостировать раньше, так что можно передохнуть, что-нибудь съесть.

Пятые сутки ефрейтор Ковалева ехала после досрочной из-за ранения демобилизации домой. Война заканчивалась — это было ясно всем. Тоня без оглядки торопилась к матери.

До Белореченской рукой подать. Поезд вечером. Тоня заранее боялась посадки — говорят, сесть трудно, пассажиров много, вагоны берут почти штурмом, а ей с ее ранением и вещами придется нелегко. Но сейчас она старалась не думать об этом.

Ей хотелось просто сесть, закрыть глаза и не двигаться.

В поисках свободного места Тоня вошла в зал ожидания, душный, многолюдный.

Озираясь по сторонам, спотыкаясь, она медленно продвигалась вперед, переступая чьи-то ноги, костыли, мешки, носилки.

Люди спали, ели, разговаривали, пели.

Война проходит через сердце

— Мария! — вдруг кто-то сзади обхватил Тоню за плечи и так круто повернул, что шинель упала, отлетев в сторону.

Почти вплотную перед ней стоял молодой мужчина с забинтованной головой. Он жадно смотрел ей в лицо, будто узнавая и не узнавая.

— Мария!?

— Да, нет же! — Тоня отдернула плечо, отвела руку незнакомца в сторону.

— Ты ошибся! Я не Мария.

Повернулась, собираясь идти дальше, но он удержал ее.

— Ты из N-ской части?— спросил он торопливо.— Ну, говори же.

— Нет! — повторила она.— Я тебя не знаю. Прости,— уже мягче сказала она.—

Ты ошибся. Я не Мария...

Ей подали упавшую шинель. Она взяла и пошла дальше.

— Михаил! — окликнули мужчину.

Тоня почему-то подумала, что он офицер, хотя ни погон, ни каких-либо знаков отличия на его рубашке не заметила.

Оглянулась. Михаил все еще стоял, растерянно смотрел ей во след.

— Обознался, — подумала Тоня. — Бедняга! Но я, право, я не знаю его.

Оказалась у открытой двери, не раздумывая, шагнула за порог, и вышла на улицу.

Солнце уже поднялось. Его лучи, пробиваясь сквозь рваные тучи, заливали привокзальную площадь.

Воздух прогрелся. Земля подсохла. Парило.

Слева, поодаль, темнели кусты, а дальше — высокие деревья. Тоня, постояв немного, пошла в сторону зелени и тени.

Сейчас ее устроило бы любое место. Но все скамейки вокруг клумбы и вдоль дорожки заняты.

Болела голова, ныло раненое бедро, Тоня с трудом передвигала ноги, но в душе ее не было ни раздражения, ни досады. Она шла и шла, радуясь мирной тишине и живым людям

Хотела, было, повернуть назад, как вдруг увидела за дубом в конце аллеи на земле опрокинутую парковую скамейку. Видимо, кто-то торопился. Или сломанная? Нет! Невредимая. Широкая. На крепких ножках.

Тоня с трудом подняла ее, удобно поставила.

— Вот! — вслух сказала она. — Так!.

Положила шинель, села. Потом, пододвигая шинель к краю, повалилась боком на сидение и с удовольствием вытянулась.

— Не проспять бы поезд, — подумала она.

Сунула пальцы в нагрудной карман, достала часы, взглянула на них и, зажав в руке, мгновенно заснула.

Когда открыла глаза, не сразу поняла, где она, сколько времени прошло. Показалось, что уже ночь. Взгляд уперся в листву над головой, темную и чужую. Несколько минут прислушиваясь, Тоня неподвижно лежала. Потом резко опустила ноги, села, по привычке поправляя гимнастерку за поясом.

Колено ее уперлось в спину человека, сидевшего на земле. Забинтованная голова. Тотчас человек обернулся, и Тоня увидела знакомое лицо Михаила.

Удивленно уставившись на него, она молчала.

— Ну, и здорова же ты спать, — чуть улыбаясь, и глядя на Тоню снизу вверх, пробасил он.

Тоня быстро встала и тут же опустилась. Ухватившись за виски.

— Ты, что? — Михаил стоял теперь перед ней большой широкоплечий.

— Раненая, или с голодухи?

Тоня кивнула.

Дожидаясь ответа, сел рядом на скамейку. Тоне показалось, что он собирается обнять ее. Она отодвинулась. Но Михаил сидел неподвижно, упершись правой, сжатой в кулак, рукой о колено.

Вдруг он повернул кулак. Разжал его.

— Твои? — спросил он. На ладони лежали часы.

— Да.

— Бери!

Она потянулась взять часы и, когда ее пальцы коснулись его руки, он сжал их. Тоня вздрогнула. Так они сидели минуту, две...

— Так, где же ты служила? — глухо, упрямо спросил Михаил.

Тоня ответила.

— А ты? — в свою очередь спросила она.

— Я знаю. — не заметив ее вопроса, пробормотал Михаил. — Сам вижу. И все же..

Он разжал пальцы. Поднялся. Протянул Тоне часы.

— Идем.

Тоня встала.

— Тут столовая близко. Тебе ведь поесть надо.

Он подхватил Тонину шинель и пошел чуть впереди.

— Куда ж ты путь держишь? — через плечо спросил он. И услышав Тонин ответ, сказал

— Уедешь! Твой поезд ходит. Это мы тут вторые сутки болтаемся.

Помедлил и добавил

— Ты вот на юг, а я — наоборот. На север.

Минут через десять за углом привокзального здания Тоня увидела вывеску «Столовая». В распахнутую дверь входили и выходили люди.

Михаил остановился у деревянного ящика, стоявшего почему-то посередине улицы, передвинул его поближе к забору.

— Сиди здесь.

Подождал, когда Тоня сядет, положил ей шинель на колени.

— Я мигом.

Тоня видела, как он скрылся в проеме двери.

— Что ему надо? — подумала она. — Похожа на его жену? Подругу?

Опустила голову, коснулась пальцами висков.

— Где она, эта Мария? Погибла? Потерялась? Где?

Неожиданно ощутила в сердце жалкое чувство — чувство вины. Оно появилось еще там, в зале, когда первый раз сказала: — «Я не Мария!»

— Что я могу сделать? Похожа? Но ведь я другая.

— Понимаешь, я другая, совсем другая женщина, — сказала она вслух, сильно потирая виски. Подняла глаза.

Михаил стоял перед ней. В одной руке держал железную миску, в другой кружку.

— Я знаю, — сквозь зубы процедил он.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Вот!— наконец, проговорил он.— Ешь!

Тоня принялась за котлету, а Михаил отошел в сторону, достал портсигар, взял папиросу и закурил. Несколько раз Тоня поглядывала в его сторону и, хотя ни разу не встретила его взгляд, она чувствовала. Что он неотступно следит за нею.

— Поезд тринадцать — раздался голос в репродукторе — вышел с соседней станции.

— Ой! — Тоня перестала жевать. — Надо идти. Чемодан в камере хранения.

— Слушай! — Михаил вынул папиросу изо рта.— Ты тут доедай, а я возьму твои вещи.

— Нет! — попробовала возразить Тоня.

— Давай квитанцию! — сказано это было тоном командира, и Тоня подчинилась.

— Платформу видишь? —Тоня кивнула.— Столб около лестницы? Там и стой!

Михаил торопливо ушел. Тоня доела котлету, выпила чай, встала, стряхнула крошки. Поставила кружку в миску, подхватила шинель и направилась в столовую. Отдала грязную посуду и выбежала на улицу.

Столб у лестницы на перрон Тоня увидела издали. Подойдя, остановилась.

— Где лучше ждать? Здесь, внизу, или подняться на платформу?

Несколько минут она стояла, отрешенно глядя на движущуюся толпу. Чувствовалось напряжение. Люди торопились. Поезд должен был вот-вот подойти. Тоне самой захотелось двинуться вместе со всеми, но ее вещи...

— Что же я наделала?!— с тревогой вдруг подумала она. Оглянувшись, ища глазами Михаила. Напрасно! Его нигде не было!

Тоня поднялась в нетерпении по лестнице. Время шло. Тоня уже слышала за спиной гудок паровоза. Движение на платформе усилилось

— Как быть?

Ухватившись за столб, Тоня стояла на краю платформы и в тот момент, когда чувство отчаяния уже подступало к сердцу, она, наконец —то, увидела Михаила. Он шел торопливо, держа чемодан на плече, поддерживая его левой рукой, на которой висел вещмешок.

— Боже мой! —подумала она неожиданно. — А я ведь знаю этого человека. Вытаскивала с поля боя? Делала перевязку или видела среди раненных в госпитале? Откуда я знаю его.— И вдруг сладкое чувство разлилось в груди.— Вот сумасшедшая!

Она видела, как Михаил подошел к ступеням, как заметил ее, даже улыбнулся. Теперь она упрямо вглядывалась в его лицо, напрягая память.

И вот он рядом. Чемодан скинул на землю, к ногам.

— Фу! Боялся не успеть, — чуть задыхаясь, сказал он. — Ну, и вредные бабы попались.

Потер руки.

— Да, ладно.

Поезд, дымный, черный катил уже мимо них.

— Вагон —то у тебя, какой?

— Десять! — стараясь перекрыть шум, почти прокричала Тоня. — Как мне благодарить тебя?

Михаил не слушал. Подхватил чемодан, устроил его опять на плече.

Война проходит через сердце

— Иди за мной, — оглянулся он. — Не отставай!

Тоня не отставала. Она бежала сквозь толпу, глядя вперед, спотыкаясь и на кого-то налетая. Наконец, увидела вагон десять. Увидела, как Михаил подошел к очереди у вагона. Услышала его громкий голос:

— Посторонитесь, товарищи, посторонитесь!

Видела, как люди расступились и Михаил с тяжелым чемоданом на правом плече скрылся в тамбуре.

Толпа тут же сомкнулась. Тоня растерянно остановилась в самом конце ее. Она поднималась на носочки, пыталась увидеть, что делается там, у входа в вагон.

— Эй, ефрейтор! — сосед потянул ее за рукав. — Не тебя ли это зовут? — Он показал на окно.

— Меня! Точно меня!

Из открытого окна высунулся Михаил, махал ей и звал подойти.

Тоня бросилась к нему.

— Давай! — кричал Михаил. — Давай!

— Что?

— Да шинель свою.

Тоня приподнялась, как могла.

— Еще! Еще!

Михаил подхватил шинель и бросил на полку позади себя.

— А теперь ты!

Тоня смотрела вверх на перегнувшегося через раму Михаила, тянулась к нему и вдруг отступила — перед глазами поплыли круги.

— Эй, браток! — Михаил звал кого-то. — Подсоби!..

Тоня почувствовала, как сильные руки подхватили ее и подняли. Увидела совсем близко знакомое лицо и

через мгновение, ударившись коленом о раму, стояла внутри переполненного вагона.

Кто-то толкнул Михаила в спину. Он ступил вперед, и Тоня носом уткнулась в его широкую грудь.

Пахнуло потом, папиросным дымом. Чувство тепла, защищенности, радости и благодарности охватило ее. Слезы подступили к горлу.

— Да, да, я знаю его.

В эту минуту Михаил взял ее за плечи и отстранил.

— Успели! — просто сказал он. Нагнулся и поцеловал Тоню в голову. Потом легко подхватил и посадил на верхнюю полку.

— Здесь тебе будет лучше.

— До отправления поезда осталось три минуты!

— Обязательно встретимся, — Михаил серьезно смотрел в лицо Тони.

— Встретимся, — как эхо, повторила она. Наклонилась и ладонью коснулась щеки его. Только сейчас увидела розовое пятно на бинтах — раньше его не было.

Михаил отстранился, быстро опустил руку в карман.

— Возьми и не потеряй, — он протянул клочок бумаги, — Это адрес. Напиши. Непременно. Как только приедешь.

Поезд качнуло.

— Прощай! — он крепко сжал ей пальцы, отступил, повернулся и двинулся навстречу все еще заходившим пассажирам.

В окно Тоня увидела, как Михаил соскочил на перрон, как пошел за поездом. Остановился. Тоня вытянула руку. Помахала.

Война проходит через сердце

Поезд шел быстрее и быстрее. Исчез вокзал, промелькнули пригородные строения. Поплыли бескрайние поля с зовущим в даль горизонтом.

Тоня огляделась. Удобно устроила вещи, шинель положила под голову и вытянула ноги.

Подняли раму окна. Тихонько заиграла гормошка. Вокруг суетился народ, располагаясь и готовясь к дальней и близкой дороге.

Тоня лежала на полке, вытянувшись, глядя в потолок и прислушиваясь к стуку колес.

Наконец, перевела дух, прикрыла глаза.

— Господи! — подумала она. — Какое счастье! Кончилась война, а я жива и уже почти дома.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ

Дню 23 февраля посвящается

За долгие годы работы в школе мне не раз доводилось приглашать на встречу с учащимися ветеранов Великой Отечественной войны. Обычно эти встречи проводили накануне Дня Победы или Дня Защитника Отечества 23 февраля.

Приходил, как правило, пожилой мужчина в военной форме или в гражданской, с орденами на груди или без них. Рассказывал о войне, о наиболее ярких случаях в своей военной практике. Приходил, рассказывал и уходил. Будни продолжали течь, и впечатления о недавно прошедшем разговоре быстро забывались.

Но однажды случилась встреча, которая крепко запомнилась. Как говорят, на всю жизнь.

Сначала, казалось, ничего особенного. Ветеран, как ветеран, скромный на вид. В простом сером костюме. И голос тихий. И вроде, ничего геройского, но все, о чем он говорил, запомнилось надолго и заставило думать не только о войне, но и о жизни вообще, и о Боге, и о судьбе. И о самом рассказчике.

За год до начала Великой Отечественной войны он окончил военную школу в Омске, а в сентябре 41, когда немецко— фашистские войска, захватив Украину, подошли к Перекопскому перешейку, был командиром артиллерийского расчет на одной из позиций в дивизии 51й Отдельной армии. Преграждали путь врагу в Крым. Подвергались жестоким артобстрелам и бомбардировкам. Сдерживали натиск фашистов. Вели тяжелые бои, в одном из которых в горячке он даже не заметил ранения в ногу, пока нога не раздулась до невероятных размеров и отказывалась служить. И только второе ранение вывело его окончательно из строя. Кто-то во время боя перенес его, потерявшего сознание, в сторону и оставил на произвол судьбы.

Очнулся он ночью на палубе небольшого катерочка. Глухо стучал мотор. Где —то рядом о борт негромко бились волны. Звезды. Вдали канонада. Небо над головой темное, а над горизонтом багровое. Хотел подняться, но даже сесть не смог и понял, что дела его совсем плохи.

Утром, чуть свет, выгрузили раненых на берег, а потом его понесли куда-то вверх. Как оказалось, — к дороге. Поставили носилки под деревом. «Лежи! За тобой придут».

Даже сквозь бред и боль он чувствовал напряжение, которое царило вокруг. Сновали пилотки, бескомыслие. Кто-то шел к берегу, кто-то с берега.

Гудели машины. Оставленный надолго он не думал, когда и кто вспомнит о нем, так было плохо и от потери крови, и от жажды, и понимания того, что всем не до него, все заняты.

И все-таки о нем помнили.

Подошли два санитары и перенесли на подводу. Человека четыре не ходячих, положили на дно и приказали терпеть, пока не доставят в полевой госпиталь.

А солнце давно уже взошло и палило во всю. Иногда ему казалось, что он уже умер или умирает, но рядом раздавались тревожные голоса, торопливые команды и он опять чувствовал себя, хоть и слабым, но живым, частью тревожной и опасной обстановки.

Прошло еще какое-то время, колеса телеги заскрипели, возница натянул вожжи. Поехали! И вдруг кто-то вскочил на край телеги прямо над ним. Он открыл глаза и увидел морячка. Тот сидел боком к нему, прижимая к груди перебинтованную руку. На повороте, морячок вдруг покачнулся и свалился на него, причинив нестерпимую боль во всем теле. «Ух, ты!»— только и смог промычать он, задыхаясь. Успел разобрать только виноватое «Потерпи, браток!» и потерял сознание. Не услышал поэтому, как из-за горы вылетел немецкий самолет, как поднялась паника, и как немец обстреливал их.

Очнулся в палате. Видит, склонился санитар. Наверное, хотел понять, живой он еще или нет. Встретились взглядом, санитар выпрямился.

— Ну, и везучий ты,— сказал он вдруг.— Если бы не морячок, списали бы тебя уже с корабля. Прикрыл тебя от немецкой пули. Немец с воздуха безоружных расстреливал сволочь.

Отступил назад. И уже уходя, добавил: «В операционную сейчас заберут. Приготовься».

Взвыл бы он тогда от обиды, жалости, злости, боли, да сил не было.

Никогда потом не забывал морячка. Помнил, кому обязан жизнью.

Когда лежал на операционном столе, только на Бога надеялся, так худо было. Кресцовое стяжение перебито, главная артерия перебита, нога, как тряпка болтается, вся синяя, страшная. Лежал голый, как цыпленок.

Старый доктор, весь седой, наклонился к нему и прошептал на ухо

— Молись, сынок, — буду сейчас тебе осколочек вытаскивать.

Но как молиться? Он ни одной молитвы не знал. Но Бог, видимо, помогал ему. Операция прошла успешно.

Отнесли его и положили на койку. Пообещали «Скоро выпишут», да только все равно силы уходить стали. Ни пить, ни есть не мог и не хотел.

На третье утро сестричка подходит к нему и ласково так говорит:

— Такой хорошенький, да молоденький, а помирать собрался. Не дело это.

Поднесла кусок котлеты к его рту, а он нос поворотил. «Не буду», — мол.

Положила она кусок в тарелку и отошла, но скоро вернулась. В руках железная фляжка.

Ложкой разжала ему зубы, и ливанула прямо в рот вина, так что вынужден он был его проглотить. Кусок котлеты после этого кое-как разжевал и съел.

Ну, а потом аппетит вернулся.

Словом, выходила она бойца. И такая добрая, да ласковая, да красивая,, что влюбился он без памяти и готов был на ней тот час жениться. Но какой там, жениться! Вокруг них такой военный вихрь кружил, что разнесло их в разные и далекие стороны.

Как только раны его зажили, без промедления отправился он на фронт. Определили его в разведку. Приходилось не раз с группой бойцов ходить по вражеской территории. Не раз, казалось, что конец неотвратим и всякий раз, будто чья-то рука отводила смерть от него. Так и дошел до Берлина.

Среди прочих вспомнил он случай в прусском лесу.

Как обычно с небольшой разведгруппой он находился в тылу врага. Места совершенно неизвестные и чужии. Пруссия все-таки. Даже лес казался враждебным. А предстояло по ходу событий встретиться со связным. На встречу решил идти сам. Оставил ребят в безопасном месте и пошел.

С вечера не переставая моросил дождь и утром денщик принес ему каску. «Одень,— говорит,— командир.Лучше будет».Одел каску, плащ палатку, еще раз посмотрел карту и С Богом. Быстро нашел условленное место. Остановился. Вроде, все правильно и по времени успел .Схоронился, как мог. Зашел за дерево. Стоит, ждет. И знал заранее, что прибудет связной верхом.

Через какое-то время, действительно, услышал топот копыт. Насторожился. Через несколько минут посмотрел на дорогу. Видит, из-за деревьев показался всадник. Смело вышел навстречу — свой все-таки. Перед ним конь остановился. Он взялся за уздечку и

сразу понял, что ошибся. Такой новой, хрустящей у наших просто не могло быть. Бросил взгляд на всадника. На него уставился немецкий офицер. Еще мгновение и на голову обрушился удар. Но тут же раздался вопль. К ногам упал пистолет. Конь взвился, и он оказался на тропе один. С каски стекала капля крови.

Наклонился, подхватил пистолет, вытер кровь с каски и торопливо направился вперед в надежде встретить вестового в другом более безопасном месте.

По дороге сообразил — удар немца пришелся на ребро каски. Это и спасло.

— Везение, — скажете вы. Да! — он выжидюще смотрел на ребят. — Я тоже так думаю. Но и в небольшом отряде моем потерь почти не было. Что тоже везение? Нашел я этому объяснение. Может так, а, может, нет.

Никогда не рисковал своими солдатами. Сложные и рискованные задания старался выполнять сам. Все-таки я обученный, а они прямо из школы на фронт.

Прозвенел звонок. Ребята скоро разошлись. Урок был последним и мы с моим гостем вместе пошли к метро. По дороге говорили о чем — то не очень важном. Вдруг мой гость посмотрел на часы.

— В детский сад не опоздать бы. Внучку забрать надо. И добавил: «Я недавно, видите ли, дедом стал».

И хотя я и не просила, он рассказал.

— Сын мой три года на флоте служил. В порту, на сторожевом катере. Списывали их по выходным на берег. Так, увидела его девчонка, почти школьница, влюбилась в него без памяти. Он сначала не обращал внимания, а потом сдался, стал на свидания с ней ходить. Дело-то молодое. А она все одно: «Мне от тебя

ничего не надо». И когда забеременела все то же «Ничего не надо». А ему-то что? Не надо, так и не надо.

А тут случилось — в другой порт перевели, потом демобилизовали. Приехал домой, как ни в чем не бывало. Работать стал. Учиться.

А узнал я об той истории случайно. От него же самого — проговорился. Я тогда прямо оторопел.

— Как же они сейчас живут? Ты подумал об этом?

— Но мне-то что?

— Как что? А совесть, где твоя? Собирайся — ка и поезжай!

— Куда это?

— Поезжай и привези их.

Упрявился. Не хотел, но потом все-таки сездил. Привез. Кажется, сам теперь рад.

Мы подошли к метро. И распрощались. Мой спутник тот час исчез за дверью, а я несколько минут стояла, раздумывая. Как все интересно, думала я, получается.

И почему так бывает? Кому-то везет до удивления, кому-то нет.

И вдруг простая мысль пришла в голову.

«Надо быть честным перед Богом и людьми, и тогда удача сама за тобой ходить будет».

**Мариам ПАВЛОВСКАЯ
(СИЗОВА Светлана Павловна)**

Родилась во Владивостоке, окончила Гимназию №1. Печаталась в газетах, альманахе «Ослепительный миг века уходящего», антологии «Разноцветье Приморских талантов».

В 2001 году переехала в Москву. Здесь печатается в журналах «Воин России», «Военные знания».

Член Союза журналистов России

Член Международного союза славянских журналистов, член Военно-художественной студии писателей Культурного Центра Вооруженных сил Российской Федерации, лауреат Международного Интернет-конкурса «Страницы семейно славы».

Война проходит через сердце

МАЙ 1945

*«С дружиной своей в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне...»*

А.С.Пушкин

Земля — в осколках от снарядов.
Повергнут самый страшный враг.
Не умолкают канонады...
А над Берлином — алый стяг...
Закончили войну в Берлине.
Какой же радостный денёк
И труд народа — исполина!
Он здесь добить врага помог.
И быть Победе этой, нашей,
Мы чтим, Великая, тебя:
Тебя нет значимее, краше.
Ты — «цареградская броня»
И даль ржаных полей без края,
Озёра, реки - без границ.
Величественность понимаю
И голову склоняю ниц...
Миллионы павших за свободу
И независимость страны.
Они — советские народы,
Познавшие кошмар войны:
Отцы, и прадеды, и деды,
От маршалов до рядовых,
Ковавших Славную Победу
В сраженьях крупных, фронтовых.

Война длилась 3 года, 10 месяцев, 18 дней

УЛИЦА ДЕТСТВА

... А Фокина * в ночных огнях приснилась...

Покинула я отчий край и дом.

Писали мне... Ты очень изменилась,

Но разговор сегодня не о том.

Считается уже вторым Арбатом.

Снесли давно торговые ряды.

Я помню папу, Родины солдата,

Войну и детские глаза беды.

... И улицу, и дом свой не забуду,

Подлодку – возле самых берегов,

И я достойна чести предков буду,

Заставлю содрогнуться всех врагов...

Им расскажу о храбрости солдата,

Калекою пришедшего с войны.

Прости, отец! Не помню я ту дату,

Но знаю День Победы всей страны

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Мне День Победы подарил отец,

Солдат войны, участник Курской битвы.

О, сколько в нём, одном, билось сердец

И музыки божественной молитвы!

И он погибнуть был уже готов.

Россию отстоял в боях во славу -

Калекою пришёл домой. Нет слов,

Которыми он поражал ораву.

В нём уживались тысячи сердец.

Солдат, погибших за свою отчизну.

Война проходит через сердце

Склоняюсь до земли тебе, отец.
Мне подаривший радости и тризну,
А в День Победы – праздничный салют
И поле трав цветущих, медоносных.
С волнением эту песню я пою,
«За мир без войн», - провозглашаю тосты
И за тебя, любимый мой отец,
Отчаянно сражавшийся с фашизмом.
В тебе стучали тысячи сердец
Солдат, погибших за свою Отчизну.

СВЯТЫНЯ СТРАНЫ

У Кремлёвской стены похоронен солдат,
Славный воин страны, по оружию собрат,
Заслонивший собой Москву, матушку - Русь.
Твоим подвигом я бесконечно горжусь.

Во земле ты, герой, без наград и без лат.
Проклинаю войну, и я бьюсь об заклад:
Вражьей пулей сражён ты в смертельном бою.
О бесстрашье твоём эту песню пою...

Ветер шальный летит беззастенчиво с гор,
Имя втайне хранит смельчака до сих пор.
Но я знаю: ты был клятве верный солдат,
Не отдавший врагу Москву и Сталинград,

Курск, Орёл, Ленинград... Плачьте же, журавли!
Миллионы таких в шар земной полегли,
Чтоб свободной была и Европа, и Русь.
Пред могилой твоей на колени склонюсь...

Евгений Синадский

**Евгений Николаевич
СИНАДСКИЙ**

Родился в Москве в 1939 году. Рабочий. Трудовой стаж — 50 лет. Всю сознательную жизнь серьёзно увлекается историей и литературой. Интерес к поэзии почувствовал в юношеском возрасте. С тех пор пишет стихи. Печатался в газетах и журналах: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Литературные страницы», «Правда», «Московская правда».

Война проходит через сердце

* * *

Над всей поверхностью земли,
Над искалеченным пространством,
Летели в небе журавли,
Куда-то в направлении Брянском.

И я рукой им помахал.
Я верил, что свершится правда.
Последний бой отгрохотал,
И, значит, будет день парада!

Не стал я спорить сам с собой,
Но слезы тихо навернулись.
Алешки нет! Ушел он в бой,
Да, видно, позабыл про пули.

Наступят солнечные дни.
В лесу кукушка закукует.
Я буду жить! Мне мир-сродни...
Мне солнце в росах салютует!

И, кажется, живи, живи...
Забудь о прошлом и проклятом!
Но плачут в небе журавли
Над тем, ненайденным солдатом...

* * *

И разорвалась тишина...
Я в пасть огня живой вступаю.
Здесь все горит. Здесь боль без края.
Здесь в вечность канут имена...

Евгений Синадский

Здесь запутанность дорог
Ущелья пропасть обрывает.
И то, что жизнью называют,
Здесь обретает четкий срок!

Здесь что-то обрести — нельзя!
Здесь сбросишь все бесповоротно.
Здесь слезы вечности скользят
В бездонность музыки — понотно.

Там — вечность! Здесь — последний шаг!
Гигантский шаг в одно мгновенье,
Что разделяет свет и мрак,
Спасая душу от гниенья...

ЗОЯ

Уже без света небеса.
Мой лес — спаситель, ты бессилен.
И снега злая полоса
Легла меж мною и Россией.

Еще я очень молода,
Во мне еще не жили дети.
Но знала счастье я труда,
И знала, что за все в ответе.

И пусть враги убьют сейчас
Мое растерзанное тело.
Вождь отомстит за всех, за нас.
Бой до победы — наше дело.

Война проходит через сердце

Еще мгновение и смерть...
От жутких мук я так устала.
Петлю качает в небе жердь
И жжется снег больше жала...

Россия! Вождь! Родной народ!
Враги, пытая, нас бояться!
Они уже - смердящий сброд,
Вожди их — жалкие паяцы!

Вокруг все мрачно и темно.
Последний миг глаза открыты!
Продлить мой век мне не дано...
Сейчас умру! Родная! Мама! Где ты... Где ты?

* * *

Отгремела война по ухабам,
В черный траур одев синеву.
Гибну я с партизанским отрядом.
Вдовьей горечью душу я рву.

Отгремела война по полям.
Огонь ожег колосочек последний.
Я в сарае сожжен среди селян
Моей бывшей родимой деревни.

Отгремела война по лесам,
Градом смерти просторы осыпав.
Мою душу рассек страшный шрам,
И пульсирует кровью убитых!

Евгений Синадский

Отгремела война в небесах.
Пеплом смерти на землю опала.
Боль концлагеря в дымных печах
Раной в сердце навеки осталась.

Отгремела война по морям.
Шум прибоя — мой колокол вечный!
Гибну я , как подводник моряк.
Ранен, воздуха нет и напиток мне нечем!.

Отгремела война по ухабам.
Только вот не уйдёт всё из снов:
То с бойцами сражаюсь я рядом,
То рыдаю слезами мальцов.

Отгремела война, отрыдалась...
Боль — не меньше с течением лет!
Где-то правда войны затерялась
За чертою великих побед.

* * *

С мрачной пастью дыма,
В шорохе огня
Злой, неодолимой
Кралась к нам война.

А туман под утро
Над болотом спал.
Синий ветер будто
Звёздами играл.

Война проходит через сердце

И во мгле рассветной,
В шёпote листвы
В высь взвилась ракета
Призраком войны.

Загremело небо,
Вздогнула земля,
Подожжённым хлебом
Вспыхнула заря.

Стон по всей России
Лился вдоль дорог.
Гот терзал и силил,
Резал, мучил, жёг!

Будто бич кровавый,
Путь его пролёг
Но не всю Державу
Покорить он смог!

Весь народ великий
Насмерть гордо встал.
Взял дубину в руки,
Зверя отогнал!

Русь! Страна родная!
В том вся боль войны —
На полях бескрайних
Спят твои сыны!

**Константин Васильевич
СМЕРТИН**

Смертин К.В. в студии радиостанции «Маяк». 1993 г.

Член Союза журналистов России, Союза журналистов Москвы, Международного союза славянских журналистов.

Окончил РАМ им. Гнесиных, факультет Международных отношений, факультет журналистики МГУ для специалистов с высшим образованием. Работал редактором Центрального радиовещания СССР на зарубежные страны, комментатором р/с «Маяк», Главным музыкальным редактором «Народного радио», вел авторские программы на многих радио станциях и телевизионных каналах страны.

В 1978 году награжден медалью «60 лет Вооруженных сил СССР». Удостоен целого ряда Почетных грамот различных государственных общественных организаций. В 2004 году, по случаю 40-летия радиостанции «МАЯК» ему вручен памятный знак «Ветеран «Маяка». В 2006 году Международным Благотворительным фондом «Меценаты столетия» награжден Золотой медалью «Честь и польза». В 2007 году Благо-

Война проходит через сердце

творительным общественным движением «Добрые люди мира» награжден Серебряной медалью ордена «Во имя жизни на Земле», в 2008 году удостоен ордена «Слава нации».

В том же году «За большой вклад в развитие культуры и массовых коммуникаций» награжден «Почетной грамотой» Министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации.

С февраля 1966 г. статьи, заметки и очерки Константина Смертина публикуются в газетах, с 1982 г. — в музыкальных всесоюзных журналах, а также изданиях, предназначенных для читателей целого ряда зарубежных стран. Первая 20-минутная передача К. Смертина, посвященная Великой Отечественной войне, прозвучала на радио 9 мая 1968 года.

ЗА НАШУ РОДИНУ – ОГОНЬ, ОГОНЬ!

Светлой памяти моих родных. Среди которых, особенно отмечу воинов-героев Великой Отечественной войны: дядю, Фёдора Константиновича Смертина, старшего сержанта и отца, Василия Константиновича Смертина, гвардии полковника артиллерии. Предварю краткие воспоминания строками стихотворения нашего современника, поэта–фронтовика Бориса Дубровина, которые, по моему убеждению, стали девизом всего Великого поколения советских Победителей фашизма:

*Дважды раненый,
Трижды убитый,
Я четвертою жизнью живу.*

В течение многих десятилетий в большой трудолюбивой семье Смертиных, проживавшей в одноимённом

*Гвардии полковник
Смертин В.К. в парадной форме, 1963 год.*

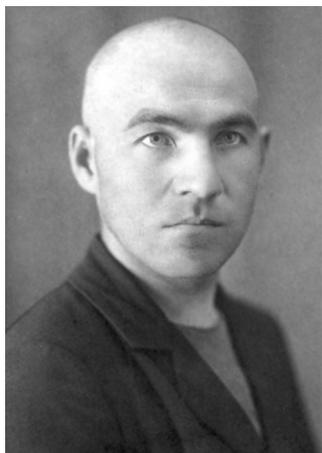
селе Санчурского района Вятской губернии, переименованной в Кировскую область в тридцатые годы прошлого века, одного из сыновей непременно называли Василием или Константином. Эти имена носили прадедушка, дедушка, отец. Продолжили – я и мой сын, Василий.

Дедушка Константин Васильевич Смертин, за отвагу удостоенный звания старшего унтер-офицера и нескольких воинских наград, скончался неза-

долго до начала Великой Отечественной войны. Бабушки, Евгении Васильевны, не стало уже после Победы, в 1945 году.

В моем архиве сохранилась полу выцветшая старинная фотография начала 1900-х годов, где дедушка Константин Васильевич вскоре после окончания Русско-японской войны снялся со своими фронтовыми сослуживцами.

17 марта 1908 года у четы, до этого переехавшей в город Котельнич, родился четвёртый ребенок. Сын Вася, будущий офицер-артиллерист. В семье уже подрастали трое детей — две сестрички и брат Федор.

*Педагог Федор Смертин.
Кировская область,
июль 1932 год.*

Великая Отечественная война, словно огромным катком прошла по нашей стране, не оставив в стороне и мою семью. Брат отца Федор Константинович, выпускник Педагогического института в Вятке, в тридцатые годы стал педагогом, директором школы. В начале войны призван в армию, самоотверженно сражался с фашистами, был награжден. 16 февраля 1944-го года старший сержант Федор Смертин скончался после

тяжелого ранения, похоронен в Москве. Старшая сестра Александра Константиновна трудилась в тылу на оборонном предприятии и была удостоена ряда медалей. Оставила война глубокий след и в судьбе моего отца.

Василёк, смышлённый и ловкий, крепкого телосложения мальчишка, прекрасно скакавший на коне, с детства мечтал стать офицером. Пролетели годы. В 1928-м его призвали в армию.

По окончании срочной службы, молодой красноармеец Василий Константинович Смертин подал заявление в Ташкентское высшее общевоинское командное Краснознаменное ордена Красной Звезды училище, которое окончил с отличием. Военные историки отмечают, что в тридцатые годы прошлого века училище под командованием выдающегося полководца, будущего Героя Советского Союза Ивана Ефимовича Петрова, выпустило немало прекрасно подготовленных офицеров, успешно воевавших на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Среди лучших выпускников 1932 года был лейтенант-артиллерист Смертин, которого направили на Туркестанский фронт на борьбу с басмачами. Как рассказывала мама, в одной из боевых операций отец совершил подвиг: нашел спасительный выход из почти неразрешимой ситуации. Басмачи, прекрасно знавшие свою местность, проигрывая сражения и отступая, пытались завлечь наших воинов в разные ловушки, отравляли и засыпали песком редкие в той пустынной местности колодцы. Красноармейцы и лошади в невероятной жаре оставались без живительной влаги. Пулеметы, раскаляясь, переставали стрелять. Они тоже охлаждались водой, которая в Средней Азии была дороже золота.

В один из дней наступавшие красноармейцы смелым маневром прорвались к уцелевшему колодцу. Враги, расположившись на барханах вокруг единственного в этом

районе источника, сильным огнем сдерживали дальнейшее продвижение наших воинов, вынужденных залечь. Появились раненые. Ситуация стала критической.

Тогда Василий Смертин предложил оригинальный выход. Он скрутил шинели и подручный войлок в большой круглый тюк и стал его катить перед собой к песчаному холму, на котором засел пулеметчик басмачей, прикрывавший подход к колодцу. Пули врагов застревали в шерсти, не причиняя урона. Отцу удалось совсем близко подобраться к вражескому стрелку. Метко бросив гранату, офицер уничтожил пулеметное гнездо, открыв товарищам дорогу к засевающим на возвышенности врагам. Но сам был ранен выстрелом другого басмача. Пуля попала находчивому воину в ладонь правой руки. В фалангу указательного пальца, который после боя ему собирались полностью удалить. А раненого героя медицинская комиссия предлагала комиссовать.

К счастью, местные эскулапы, решили направить представленного к награде лейтенанта в Ленинградскую Военно-медицинскую академию, в которой оперировал хирург высочайшей квалификации. Укоротив фалангу, он спас отцу палец. Благодаря чему двадцатичетырёхлетний лейтенант продолжил службу в армии почти до середины пятидесятых годов. Подчеркну, что свою жизнь без армии отец просто не мыслил. За этот подвиг красноармеец Василий Смертин был удостоен первого боевого ордена — «Красного знамени», который в Москве ему торжественно вручил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. В это время отец уже был женат на моей маме, Нине Семеновне. В 1930 году

Константин Смертин

после окончания школы она приехала в Ташкент к своему папе, Семену Семеновичу Садычко, в то время работавшему главным бухгалтером на одном из крупных предприятий столицы Узбекистана. Там мои родители и познакомились. Душа в душу они вместе прожили более двадцати лет.

Нина Семеновна и Василий Константинович Смертины. 1932-й год, Ташкент.

Мама родом из небольшого зеленого и очень уютного города Лебедин, что на Украине. В начале прошлого века он входил в Харьковскую губернию. В советский период город включили во вновь образованную в 1939 году Сумскую область, граничащую с Курской, Белгородской, Брянской областями Российской Федерации.

Родилась мама в многодетной семье, по старому стилю в предпоследний день декабря 1911-го года. В годы Советской власти её день рождения стали отмечать 11-го января. Нина Семёновна была стройной красавицей, с вьющимися, серебристо-каштанового оттенка волосами. По характеру — очень общительная, добрая и заботливая. Любила природу, с удоволь-

ствием сажала фруктовые деревья, постоянно ухаживала за ними, прекрасно вела домашнее хозяйство. Обладая очень приятным, грудного тембра мягким голосом, мама великолепно пела и играла на фортепиано. Пройдя Великую Отечественную войну, во время которой работала в армейских финансовых подразделениях, за отличную работу была награждена несколькими медалями. Младший брат мамы Владимир Семенович, Главный электрик Ташкента, с честью прошел всю Великую Отечественную войну, несколько месяцев партизанил.

По завершении боевых действий против басмачей отец продолжил службу в Среднеазиатском военном округе. Как известно, 1937-1939 годы были непростым временем, потребовавшим большой выдержки и личного мужества. Обладая легким, весёлым характером, капитан Смертин любил подшучивать над собой, повторяя фразу: «В Армии два Василия Константиновича — Блюхер и я». Как ему не «аукнулось» это по-мальчишески неосторожное высказывание. Именно тогда была расстреляна обвиненная в заговоре группа маршалов РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии), многие армейские части подверглись серьезной «чистке». Справедливости ради, следует отметить, что среди первой группы репрессированных маршалов не было Василия Константиновича Блюхера. Он погиб в Лефортовской тюрьме значительно позже, в ноябре 1938 года.

Двумя же годами ранее, в самом конце 1936-го, артиллериста капитана Смертина, кавалера ордена «Красного Знамени», в числе других офицеров штаба подразделения забрали в местный отдел НКВД. Вот

когда отцу пришлось проявить свои лучшие человеческие качества! Офицеров части, усиленно допрашивая, в застенках продержали несколько дней. Требовали дать показания о мнимом заговоре в дивизии. Тем самым, «сдать» командира части. При этом вполне возможно, и себе подписать смертный приговор. Но офицеры оказались честными и стойкими людьми. Ни один не сломался и не оговорил начальника. Как рассказывала мама, с честью выдержал допросы и мой отец.

Видимо, никаких серьезных доказательств «участия командующего дивизии в заговоре маршалов» у сотрудников НКВД не было. Иначе бы следствие вскоре не прекратили. Военская часть, расположенная в районе Термеза, в отдаленном районе Средней Азии, осталась совершенно незатронутой повальной чисткой. В первый же месяц Великой Отечественной войны, полностью укомплектованную дивизию ввели в Иран. А после разгрома фашистов под Сталинградом свежее подразделение, с отлично подготовленным офицерским составом, перебросили на Кавказское направление, потом на Украину. Затем переформированная часть в составе 3-го Украинского фронта участвовала в крупных боевых операциях по освобождению от фашистов Молдавии, Румынии, Венгрии. Войну героическое соединение победоносно завершило в Австрии, в Вене.

В 1944 году Василий Константинович Смертин был удостоен звания гвардии полковника, и назначен на должность Командующего артиллерии 63-й Корсуньской Краснознаменной Кавалерийской дивизии 5-го гвардейского Краснознаменного Донского казачьего

*Полковник Смертин со штабом артиллерии
63-й дивизии. Венгрия, февраль 1945 года.*

кавалерийского корпуса, позже получившего почетное название Будапештский. Как рассказывали сослуживцы, отец, полушутя, называл себя «Главный казачий бомбардир». В кровопролитных сражениях с фашистами, постоянно бывая на передовой, он лично командовал огнем вверенной ему дивизионной артиллерии. Полковник шесть раз был контужен. В 1944 году, после ранения лечения в госпитале, вынужден был ходить с тростью.

Сослуживцы отца рассказали маме о серьезном сражении на территории Венгрии. В марте 1945-го года во время непредвиденной атаки большой группы танков одной из оставшихся тогда боеспособных дивизий СС в скоротечном, кровопролитном бою, полковник, рискуя жизнью, отстреливаясь, прорвался из окружения. И вынес на себе из штаба дивизии знамя и секретные документы. А затем встал к артиллерийскому орудию и, будучи контуженным, до конца боя ассистировал сержанту-наводчику, заряжая бронебойные снаряды.

Константин Смертин

Его отчаянная храбрость в сражениях, грамотное командование артиллерией, смелые тактические решения в ходе знаменитой Яско-Кишиневской наступательной операции, а затем при взятии ряда городов Румынии, Венгрии и Австрии были отмечены многими орденами и медалями. И, как вспоминала мама, девятью именными наградными пистолетами. За участие в освобождении украинского Херсона и уничтожение попавших в котел под Корсунь-Шевченковским фашистских частей, гвардии полковник Смертин Василий Константинович после войны был удостоен звания «Почетный гражданин» этих городов.

Приведу выписку из справки от 9 марта 1945 года, выданной войсковой частью полевая почта №23692 моей матери, в которой перечислена часть наград, полученных отцом в ходе боевых действий:

«Полковник Смертин состоит на военной службе в действующей армии. За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награжден: двумя орденами «Красного знамени», двумя орденами «Красная звезда», орденом «Отечественной войны» 1-й степени, орденом «Отечественной войны» 2-й степени, медалью «XX лет РККА», медалью «За оборону Кавказа» и получил шесть благодарностей от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА.

Начальник штаба в/ч п/п №23692

Гвардии подполковник Акимов,

Начальник 4-го отделения

Гвардии капитан Кокорев».

Добавлю к этому списку орден Суворова, а также несколько медалей, которыми отец был вскоре награжден. Наряду со смелостью, было бы несправедливо не отметить еще одну важную черту отца — находчивость. Как известно, в письмах с фронта категорически запрещалось сообщать о нахождении и передвижении армейских частей, для секретности имевших шифр «полевая почта». Воины, отправляя домой письма, сложенные треугольником, передавали приветы, интересовались делами и жизнью в тылу, расспрашивали о самочувствии родных. Казалось, сообщить о местонахождении военнослужащего шансов не было никаких. Но отец и здесь нашел простой, но оригинальный выход. Как вспоминала мама, папа писал: «На днях по дороге встретил друга. Он направляется туда-то». И секрет не выдавался, и мама знала, где муж воюет. Таким простым способом, не вызывавшим у военной цензуры никаких подозрений, он успешно пользовался вплоть до окончания Великой Отечественной войны.

Отмечу, что Василию Константиновичу, скончавшемуся 17 сентября 1969 года, посвящен ряд произведений прозы и поэзии. Приведу небольшую выдержку из рассказа «Перевал», вошедшего в сборник военных мемуаров фронтового сослуживца отца, писателя Райгородецкого Е.Я., полковника в отставке:

«Чуть в стороне стояли новый командир дивизии генерал-майор Павел Михайлович Крутовских, командующий артиллерией дивизии полковник Василий Константинович Смертин и наш командир полка. Я соскочил с коня, представился комдиву.

— Слушайте, комбат, — сразу начал Крутовских.
— Впереди — Ойтуз, небольшой, но, видимо, силь-

Константин Смертин

ный укрепрайон у самого перевала. Попытка взять его лобовой атакой успеха не имела. Я послал в обход два кавполка. Думаю, к ночи положение изменится. А сейчас, — генерал сделал ударение на этом слове, — важно держать противника под непрерывным огнем. Наиболее эффективны в таких условиях, сами понимаете, минометы. Выбирайте НП. Обстреливайте Ойтуз. Дальнейшие указания получите у полковника Смертина и командира полка».

9-е мая, День Победы, полковник в отставке Василий Смертин вместе с боевыми друзьями отмечал ежегодно, как самый дорогой и Великий праздник. Очень считил 19-е ноября, День артиллерии. В такие дни надевал китель с полной орденской «партитурой». Увидев фотографию отца в парадной форме, участник Великой Отечественной войны, автор сорока двух книг поэзии и прозы, Лауреат многих Международных и национальных литературных премий Борис Саввович Дубровин посвятил ему несколько вдохновенных стихотворений. Приведу только два из них:

ОРУДИЙНЫЙ РАСЧЕТ

*11 мая 1995 г. Посвящается памяти
Гвардии полковника артиллерии
Василия Константиновича Смертина.*

Бойцы окопы прокопали
Под бугорком,
Сперва — своей сорокапятке,
Себе — потом.

Война проходит через сердце

Сорокапятку охраняли,
Как верный щит,
Москвич, минчанин, киевлянин
И одессит.

У орудийного расчета
Один расчет:
Огнем прикрыть свою пехоту
Вблизи высот.

Под густотой растущих вражьих
Секущих трасс
Орудье знало: что покажет
Грядущий час.

И полыхающему флангу
Наперекор —
Прямой наводкой
По танкам.
Почти в упор.

Сорокапятка честь по чести,
Вступая в бой,
Была заряжена возмездьем
И правотой.

И еще одно стихотворение Бориса Саввовича
Дубровина, которое я считаю долгом здесь привести:

Константин Смертин

«ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ»

Над землёю страны спасённой,
Озарённые вещим светом,
Боевые плывут знамёна,
Мир приветствуя в День Победы.

Среди них, высоко над нами
Незабвенно, гордо и свято
Полыхает армейское знамя,
Вспоминая о Сорок Пятом.

Той весною полковник Смертин -
В судьбоносный момент сраженья,
На груди своей в путь бессмертья
Знамя вынес из окруженья.

Славных битв у него без счёта,
У него орденов созвездья...
Гражданин Херсона почётный,
Он давно похоронен с честью.

Только он — живой предо мною
И гвардейца пуля не скосит.
Знамя армии боевое
На груди своей он выносит.

И на миг замирает время,
И, наполнено вещим светом,
Им спасённое знамя реет,
Осняя нас в День Победы.

**Татьяна Николаевна
СОЛОВЬЁВА**

Член Международного Союза Славянских журналистов .

Профессор Всемирной Международной Академии инновационных технологий с 2005 года, прикладной математик с 1971 года, целитель ЭНИОМ.

Была членом московского отделения «Движения народного самоуправления». Участвовала в работе комитета защиты прав ученых и образования. Руководила комитетом по образованию в «Общественном совете гражданского общества».

Выступала по телевидению, на многих конференциях: «Свет истины», в Общественной палате. Гражданин мира, народный дипломат, поэт и композитор, лауреат Московского фестиваля искусств «Вдохновение».

Я ВАМИ ГОРЖУСЬ

Мои родители, разведчики советской армии, ветераны войны, познакомились в последний год войны в Берлине.

Отец: Тихомиров Николай Филиппович родился в декабре (точная дата не известна) 1920 года в городе Кашин, русский, ушел на фронт с завода имени Хруничева города Москвы. Умер 29 января 1991 года.

Мать: Тихомирова (Болотина) Любовь Васильевна родилась, предположительно, в городе Москве, 22 сентября 1922 года, ушла на фронт в первой половине Великой Отечественной войны, русская, умерла 12 декабря 2010 года.

Моя мама

Мой папа

В 1945 году после окончания Великой Отечественной Войны мои родители приехали в город Брест на паровозе, там же и расписались.

Отец вернулся на завод имени Хруничева, там он работал недолго. Его перевели в Генштаб на Арбате. Следующим его местом работы было военное учреждение на Фрунзенской. Возможно, это был Главный штаб сухопутных войск, где он проработал до 1965 года.

Сразу после начала работы на заводе имени Хруничева родителям предоставили комнату на первом этаже в бараке недалеко от завода. Я родилась 25 мая 1947 года и жила в этой комнате. С нами здесь же жила моя бабушка — мамина мама, Анна Зотовна. Зимой в комнате было холодно особенно от пола. Я простужалась. Папе удалось от завода получить две смежные маленькие комнаты на втором этаже барака на Кастанаевской улице, где мы сначала четвером, а потом пятером (в 1950 году родилась моя сестра Ирина) прожили вплоть до 1964 года.

Из удобств в коммунальной квартире, где мы жили, был только туалет, кухня с газовой плитой и раковина с холодной водой. Была огромная радость, когда во дворе нашего дома построили душевой павильон. Барака сейчас уже нет, а душевой павильон стоит, напоминая о времени моего детства.

Но вернусь в тот период времени, когда папа со своими родителями — моим дедушкой Филиппом, бабушкой Марьей, папиными братом и сестрой переехали в Дубну-3. Дедушка был строитель. Он сам построил для своей семьи деревянный дом.

Начало трудового пути папы — Николая Филипповича — было в магазине, куда он устроился работать. Но проработав там некоторое время он пережил потрясение. На него повесили недостачу. Несправедли-

вость заставила его уволиться. Позже он выплатил деньги, когда их заработал. Папа решил, что никогда больше работать в торговле не будет.

В городе Дубна — 3 находился авиационный завод, на который он устроился работать.

Но началась война и ряд сотрудников и оборудования перевели в Москву на завод имени Хруничева. Там он закончил курсы, оперативно готовивших армейских разведчиков, и был отправлен на фронт.

Папа дошел до Берлина в Великую Отечественную Войну, где встретился с мамой. Там же в Берлине они начали дружить с приехавших к ним Александром Ивановичем Морозовым и его будущей женой Ией Федоровной. Папа сначала симпатизировал Ие Федоровне, а Александр Иванович моей маме. Но после одного дня рождения они поменялись своими подругами, но дружили после войны всю жизнь, помогая друг другу. Александр Иванович был высокий, жизнерадостный, добрый человек. После войны остался в Германии.

Приезжая в отпуск в Москву, дядя Саша привозил мне и сестре подарки. Время послевоенное было нелегкое, подарки дяди Саши были кстати. Он привозил нам елочные игрушки в двухъярусной коробке. Мне бархатное платье, отрезы в клетку мне и сестре.

Дядя Саша был очень веселый и, как отец, был широкой души человек. Любимое его выражение было: «Елки-палки». Он все время заботился о нашей семье, а мой папа помогал решать жизненные вопросы дяде Саше и тете Ие.

Но вернемся к отцу. Он немного говорил о себе. Воспитывал в нас честность и порядочность. Очень любил меня, даже больше, чем сестру, потому, что я

пошла по его стопам: закончила МЭИ имени Ленина по специальности прикладная математика.

Папа после войны не имел высшего образования, и мама настояла на том, чтобы папа получил его. Он закончил Высшую школу КГБ. О себе и своей работе он почти не говорил. Единственное, что я услышала от него, это то, что он начинал работать с Америкой и были трудности. Но когда его перевели на работу с восточными странами, то он очень быстро стал подниматься по службе и получать новые звания.

Папа к 1965 году был подполковником и начальником подразделения.

Во времена правления Хрущева стали строить пятиэтажки. Папа постоянно отказывался от получения квартиры, и мы жили в коммуналке. Прежде всего он обеспечивал жильем своих сотрудников и самым последним в 1964 году на пять человек (вместе с бабушкой Анной Зотовной) получил смежную двухкомнатную квартиру на набережной Новикова-Прибоя.

На работе папа аккуратно и ответственно решал поставленные задачи используя теорию вероятностей. Я восхищалась папой, особенно тем, что он своим трудом добивался поставленной цели. Я впитала и эти его качества и в жизни старалась следовать его примеру. 1965 году папу послали в ГДР, где он был заместителем начальника разведки — подполковником — до 1971 года. В 1965 году я поступила в МЭИ и на каникулы ездила в ГДР вместе с сестрой.

По окончании работы в ГДР (1971 год) ему предложили работать в Узбекистане. Он мог стать полковником. Но родители решили, что не стоит менять место жительства в их возрасте, и папа уволился в запас.

В Москве папа стал работать комендантом в элитном доме на Б. Бронной, затем на улице Паршина. Последнее место работы папы было на заводе имени Хруничева начальником и инструментального цеха.

Папа был очень добрым, заботился о всех кто к нему обращался, особенно о маминых братьях и сестрах. Он и мама собирали всех маминых родственников в праздники за большим круглым столом, когда мы жили на Кастанаевской улице и на набережной Новикова – Прибоя. Из ГДР всем маминим родственникам родители привозили подарки.

В моей памяти осталось, что лето в детские годы всегда было невыносимо жаркое. 1950 году родилась сестра Ирина и родители купили участок 6 соток и четвертую часть бревенчатого дома по Савеловской железной дороге на станции Шереметьевская. Дом этот хозяйка привезла из Сибири. Дедушка Филипп сделал внутреннюю и внешнюю отделку купленной части дома.

На даче, благодаря маме, была чистота и порядок. Белые вышитые салфетки, шторы, накидки, скатерти, вязаные покрывала. Белые некрашеные полы, пахло деревом. Папа занимался садом и огородом. Все росло и благоухало. Летом, в детские годы, фруктов и овощей было так много, что все мамины родственники, приезжая на дачу, увозили полные сумки. Папа был добрым и щедрым и в нас детях воспитывал эти же качества.

Но вернемся к маме. Она рассказывала, как попала на фронт.

После того, как она закончила технический техникум, началась Великая Отечественная Война. Выпуск-

ники техникума должны были поехать в эвакуацию. Оборудование техникума должно было быть вывезено из Москвы. Любовь Васильевна отказалась ехать и осталась в Москве из-за пожилой мамы Анны Зотовны, с которой она в то время жила. У Анны Зотовны было семеро детей, у некоторых уже были свои семьи.

Трудоспособные люди, оставшиеся в Москве, копали окопы. Мама была в их числе.

Но молодежь рвалась на фронт, защищать Родину. Мама не могла не мечтать об этом. Мама пошла в Горком комсомола города Москвы и стала проситься на передовую. У нее и еще двух молодых людей проверили знания немецкого языка. В результате полученных школьных знаний мама прекрасно переводила и владела немецким языком. Трех, пришедших в Горком ВЛКСМ вместе с мамой, после обучения отправили на фронт.

Мама была в армейской разведке. Она рассказывала, что с аппаратурой она продвигалась к Берлину. Рядом с ней работала ее подруга на всю жизнь Ия Федоровна Морозова, которая была шифровальщицей. Мама говорила, что их подразделение попало в окружение, кажется в Польше, но благополучно выйдя из него, мама вместе с товарищами продолжала выполнять поставленные командованием задачи и дошла до Берлина.

Вернувшись в Москву в 1945 году, мама стала работать в КГБ, где проработала несколько лет. У моих родителей было двое детей. Моя бабушка Анна Зотовна находилась вместе с нами. В детский сад нас не брали. Один раз я ездила в выездной детский сад — в

Подмосковье. Помню, что в это время умер И.В. Сталин, и мы, дети, все плакали.

Бабушке было тяжело с нами детьми, потому что у мамы был ненормированный рабочий день, она часто приходила ночью домой. Особой помощи по воспитанию нас ,детей, не было и бабушка настояла, чтобы мама ушла с этой работы.

Она решила устроиться в детский сад Министерства обороны и получила педагогическое образование. Всю оставшуюся жизнь проработала воспитателем детского сада. Мама в моих глазах была решительным, смелым и честным человеком. Она умела добиваться поставленной цели и эти ее качества направляли меня в жизни.

Я училась самостоятельно, в школьном аттестате у меня две четверки, остальные пятерки. Сразу после школы в 1965 году я поступила в МЭИ, а папу в этот же год послали работать в ГДР, и мама уехала с ним. Поэтому в вузе я училась самостоятельно. Мама иногда приезжала на мои экзамены. Сестра в это время училась в музыкальном училище имени Гнесиных по классу фортепиано. По окончании музыкального училища она проработала всю жизнь до пенсии в музыкальной школе имени Шапорина.

Мое окончание вуза совпало с возвращением родителей в Москву и мы с сестрой были этому очень рады.

До конца своей жизни родители были для меня примером мужества, справедливости, честности и ответственности. Они были членами КПСС и всегда защищали высокие идеалы партии, поэтому и я всю свою жизнь занимаюсь общественной работой, следуя по-

Война проходит через сердце

словице: «Для себя жить — тлеть, для семьи — гореть, для общества — светить».

Родители, любимые мои ветераны Великой Отечественной Войны, вы отстаивали право на жизнь нам жителям России, СНГ и Европы. Я вами горжусь! Слава всем павшим и оставшимся в живых ветеранам Великой Отечественной Войны! Слава всем защитникам Отечества!

Ольга Сорокина

**Ольга Яковлевна
СОРОКИНА**

Член Международного союза славянских журналистов.

* * *

О той войне мы знаем понаслышке,
Из пепла белорусских деревень,
Из грустной песни, из любимой книжки
Встает войны обугленная тень.
И нас, детей годов послевоенных,
Вдруг опаляет яростным огнем
Горящих изб, занявшихся мгновенно
От первых взрывов тем июньским днем.
Все снятся порыжелые зарницы
И дымом закопченный небосвод,
Бессонницей обугленные лица,
Текущие рекою кровь и пот.
Блокадная тяжелая осьмушка,
Зажатая в прозрачном кулаке,
Разбитая военная теплушка
На солнцем обогретом бугорке.
Война засела в душах, как осколок,

Война проходит через сердце

И даже мы, не знавшие войны,
При виде зарастающих воронок
Воспоминаний горестных полны.
А на планете, ветрами объятай,
Тревожный мир от новых бед храня,
Застыли в бронзе русские солдаты,
В знак скорби низко голову склоня.

* * *

Хлеб горит... Бушующее пламя
Полдень раскаляет добела,
Тянется горячими руками
К первым избам ближнего села.

Колос золотой — основа жизни,
Плод людских стараний и тревог, —
Хлеб горит... Поля моей отчизны
Черный дым тяжелый заволок.

Стоптаный чужими сапогами,
Подожженный вражеской рукой,
Хлеб горит. Неровными валами
Набегает огненный прибор.

А в глазах крестьянок столько боли,
Столько слез невыплаканных там,
Вспомнили они, как в этом поле
Радовались дружным зеленам.

Как весна летела быстрой птицей
На беспечных ласковых ветрах,

Ольга Сорокина

Всюду — от границы до границы —
Оседала радостью в глазах.

А беды не ждали, не хотели,
Но июньской звонкою порой
Замели свинцовые метели
Над душистой теплою землей.

И теперь то мирное далеко
Кажется безоблачным вдвойне...
Хлеб горит. И это так жестоко,
Как и все жестоко на войне.

* * *

Мальчики уходят на войну,
Им оркестр «Славянку» выдувает,
В общем-то уверенно шагают,
А вернутся ль... кто же это знает?
Мальчики уходят на войну.
Мальчики уходят на войну,
Их старухи вслед благословляют,
Мамы тихо слезы вытирают,
Дом родной впервые покидают —
Мальчики уходят на войну.
Мальчики уходят на войну,
Путь другой они не выбирают,
Их одно сейчас объединяет —
Родина на битву призывает,
Мальчики уходят на войну.
Старый марш взрывает тишину,
Четкий ритм подошвы выбивают,

Война проходит через сердце

И никто-никто сейчас не знает,
Сколько жить отпущено кому...
Под «Славянку» в вечность уплывают,
Мальчишки уходят на войну.

* * *

Заросли травой поля сражений,
От дымов отмылась синева,
Все уносит времени движенье,
Только память горькая жива.

Я ее в глазах отца примечу,
Если, тронув душу, как струну,
Он назначит молодости встречу, -
А она придется на войну.

ЖИВАЯ ВОДА

*Посвящаю моей маме
Сорокиной Зое Васильевне*

Все смешалось - земля и небо —
В бесконечный кровавый кошмар,
Ветер с поля горящего хлеба
Горьковатый доносит угар.
А в лесу, что за дымным полем,
Нет пути ни вперед, ни назад, -
Истомились от жажды и боли
Горстка раненых русских солдат.
Лазарет под деревьями прямо,

Медсестра рвет зубами бинт.
Не сдаются на милость упрямо,
Бой идет. Солнце встало в зенит.
Окружение - страшное слово,
Как же раненых здесь сохранить?
Ни реки, ни колодца какого,
Шепчут губы в беспамятстве: «Пить!»
Но дойти до воды невозможно,
«Потерпите, родные, чуток...» -
Только кто это там осторожно
Пробирается в гулкий лесок?
Там, на поле, от взрывов увечном,
Плещет женский цветной сарафан,
Что за груз оттянул ее плечи,
Что ведет сквозьогня ураган?
И в лесочке, от взрывов мглистом,
На вопрос: «Кто, зачем пришла? —
Отвечала: «Жена коммуниста.
Я вам просто воды принесла».

Просто воду... Все радостно ожили,
«Как же ты не боялась идти?»
«Я боялась. Но кто-то ведь должен был
Вам воды, наконец, принести».
А под утро, ценой напряжения
Выше всех человеческих сил,
Прорвались сквозь кольцо окружения,
Вышли к нашим. И раненых - в тыл.
Но и там, где покойно и чисто,
Не забыть им в сплетеньях судьбы
Тот лесок, где задымленно-мглисто,
И глоток родниковой воды.

Йоле СТАНИШИЧ

Поэт, критик, публицист. Родился 6 мая 1929 года в селе Виничи близь Даниловграда (Черногория).. В годы войны (1941- 1945) был вместе с братьями в составе партизанского отряда. В 1949-1951 — узник лагеря на Голом острове.

Окончил философский факультет Белградского университета и факультет журналистики Ленинградского университета. С 1961 года живёт в России. Много лет работал в Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме). Инициатор и координатор Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии. Академик Международной славянской академии, член Международного союза славянских журналистов.

Автор монографии «Йован Дучич и русская литература». В переводе на русский язык изданы его книги стихов: «Упрямые скалы», «Седые орлы», «Антенна на мраморе», «Зёрна огня», «Струны земли», «Морщины камня», «Глаза гор», «Солнце на скале», «Заветные струны». Многие из его произведений вошли в «Антологию сербской поэзии».

ОСВЕНЦИМ

*У входа в лагерь стоит берёза...
Она помнит всех узников Освенцима.
Более четырёх миллионов мучеников прошло
Мимо неё к виселицам и крематорию*

Берёза!
От тебя до темницы
Распростёрлась твоя тень,
От тебя до вышки
Твоя изувеченная ветка,
От тебя до виселицы,
От тебя до выстрела —
Твой зелёный шум.
Или уже ушла
От тебя твоя душа?
Как тебе зеленеется,
Если повсюду
Пепел и пепел?
Корни твои в крови,
Каждый твой лепесток-
Объявление об убитом.
Как трепетали твои ветви,
Прикасаясь к живым ранам,
Сколько раз
Ты вспыхивала
Последним виденьем
В скорбных глазах казнённых?
Сколько раз ты сама прострелена?
К тебе поворачивались лицом,
Ты запомнила их лица,
Хотя и не сумела избавить их от убийц.

Война проходит через сердце

Там, в тайных печах,
Пылала сиреневая Сена,
Плавился мрамор Акрополя,
Извивался в предсмертных муках Днепр,
Дымился Дунай,-
Гибель Европе, гибель...

И если мигала маленькая звезда
На необъятном небе —
Часовой! Пулемётная очередь с вышки! —
Пуля сбивала звезду!
Ищи не ищи —
Нет ни звезды.
Зеркальное небо.

Смеялись эти глаза...
Сколько посеяно глаз
В этом пепле,
Но не прорастут ресницы зелёные
Из земли отравленной.

Здесь миллионы лет
Читает молитву
Траурную Танат:
- Я, бог смерти, молю,
Да не будет больше смерти! —

Не приближайтесь, молнии,
Убийцы успели раньше —
Испепелены миллионы.

Освенцим!
Стонет в моём стихе Проволока проклятья,
Свистят в моём стихе

Йоле Станишич

Плети палачей,
Чадит в моих стихах
Кратер крематория,
И солнечные лучи в чаду —
Лишь бледные блики.
Напрасно каплет апрель —
И ливням не смыть
Ржавчину со скелетов.
Эти скелеты мелькают
И в снах наших детей.
Не остывает от боли земля.
Кровь не испарилась.
Не замёрзла соль слёз.

Проволока. В ней всё:
От воплей до виселиц.
На этой проволоке
Двадцать пять лет назад
Висели девичьи косы,
Они были черны,
А поседели
На уже мёртвой голове.

Освенцим!
С вечнозелёной веткой мира
Не пролетит над тобой голубь:
Фонтаны крови
Окропили крылья птицы.
Освенцим!
Тяжёлые травы — камни,
Тяжёлые травы — цепи.
Отравленная земля.

Война проходит через сердце

Освенцим, Освенцим,
Тебе мои слёзы —
Как отомстить за убитых?
Двадцать пять лет
За проволокой твоей
Нет уже узников:
Убиты или ушли.
Сегодня их — нет.
Сегодня,
Прости, это я прострелен,
Это меня кремируют,
И искры циклонов
Пронзают меня до костей.
Прочь, Земля!
Сама себе не лги!
Здесь —
Агония Европы.
Проволока, проволока...
Я прошёл все погромы,
Все «ночи длинных ножей»,
Но сегодня
В первый раз
Я
Сам сгораю в крематории...
Печи, погашенные слезами,
Пепел падает, падает,
Дым костенеет в воздухе, Как шрам.
Нет исцеленья.
Обернись — Карпаты,
Вечнозелёные леса,
Теперь Карпаты — какobeliski,
А были песней моей.

Йоле Станишич

Сегодня — в сосны!
Убегаю! Погоня!
Это их лапы,
Это их лай за моей спиной —
Всех псов, которые рычали
У ворот смерти.
Это бегут за мной по пятам
Все палачи,
Которые распинали Европу
На кресте
(Крест с когтями!).

Сегодня
Замкнут круг — проволока.
Вот Карпаты
Протягивают ласковые ладони сосен,
А на ладонях
Снег и солнце,
Но я ослеп —
Я стою у стены смерти.
Дым проникает в мои зрачки.

Сегодня
Я сгораю вместе со всеми.
О, не надейтесь:
Только-только остыли эти печи —
В тот же миг родились дети,
Которых сжигают сегодня в каких-то иных печах...
Освенцим не погасили.
Освенцим переселяется.

Война проходит через сердце

Освенцим переселяется в Ядран...
Освенцим идёт по Индонезии...
Освенцим остаётся
На Яросе...
Освенцим не погасили.

Какие-то в тёмных очках
(то ли фотолюбители, то ли туристы)
Щёлкают
Затворами фотоаппаратов,
А я слышу,
Как щёлкают
Затворы пулемётов...
Потом покажут фотографии детям...

Уйдите, дети,
В леса,
Где настоящий лесной мох,
А не этот — мох мёртвых волос.
(Убийцы
разбивали челюсти о бетон,
а потом искали железные зубы
магнитом).

Уйдите, дети,
Это не ваше время,
Ваше время — ветер вершин,
Солнечный снег...
Сети проволоки. Сети смерти.
Здесь и время умрёт, —
Не ваше время.

Йоле Станишич

Солнце!

Проволока — змея.

Поднимайся повыше, солнце,

Поскорей поднимайся,

Чтобы ужалить

Змея не успела,

Чтобы не вытек по проволоке

Твой глаз.

Освенцим!

Самое большое кладбище

Без кладбища...

Освенцим не погасили.

Освенцим переселяется.

**Сергей Петрович
СУРНИН**

Родился 10 июня 1941 года в г. Чимкенте. Работал слесарем — котельщиком и фрезеровщиком в г. Фрунзе. В 1965 г окончил мехмат МГУ им. М.В. Ломоносова. Служил срочную службу в Советской армии. Работал в строительстве, потребкооперации, Минрадиопроме, академии наук СССР. Автор более 30 печатных работ по математике, экономике, физике. Продолжает активную работу в науке как математик — системный аналитик. Член Комитета и Совета Комитета памяти Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Организатор и ведущий еженедельных встреч «В 6 часов вечера у Маршала Победы». Автор двух поэтических сборников.

ПОБЕДА

Победа наша — не богиня,
А мать, скорбящая о сыне.
Победа! Кончилась война!
Победа! В мире — тишина.
Победа! Победа! Победа!
Да здравствует наша Победа!!!

Среди могил на Пискарёвке
И на Мамаевом кургане,
И по России всей неброско
Она проходит утром ранним...
А слёзы катятся ручьями,
Когда сложить все капли вместе.
Солдаты! Родина за нами!-
Слова горячие, как песня.
Поля богатые под Курском,
Рокочет трактор в отдаленьи,
А сердце наполняет грустью
Кровь здешних танковых сражений.
И соловьи в лучах восхода
Душевной петь от боли стали,
Броня уральского завода
Горит звездой на пьедестале...

Победа наша не богиня,
А мать, скорбящая о сыне.
Победа - кончилась война.
Победа — в мире тишина.
Победа! Победа! Победа!
Да здравствует наша Победа!

* * *

Как жизнь прекрасна!

Тишина.

Весна и жизни обновление.
И снова наша цель ясна
И хороша, как в миг рожденья.
Опять почти за далью гор
Зимы прошедшей дни и беды.
И снова в юбилейный год
Мы отмечаем День Победы.

Призывники!

И старые солдаты,
И памятью детей живая мать!
Помянем вновь победный сорок пятый,
И всех, кого привыкли поминать...
Не просто лишь соседей и знакомых
В истёршихся от времени чертах...
У нас у всех их **ДВАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ**
Родных и близких, павших на фронтах...

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

(Памяти маршала Жукова)

Быть может, он не верил в Бога,
Что по канонам главный грех,
Лишь шёл народною дорогой,
Неся со всеми тяжкий крест.
А то, что Звёздами отмечен
И что при жизни был гоним...

Сергей Сурнин

Всяк в славе и беде не вечен.
И мы последуем за ним...
Так в чём же праведность и святость,
Когда планета — грубый Марс?
В том, что от ворогов проклятых
Он в страшный час Россию спас!
В том, что Москву врагу не отдал,
Да, нет, конечно, не один.
А после немца гнал от Волги
И показал, как брать Берлин!
Что даже будучи в опале,
Был для врагов Страны — грозой!
Святая Жизнь! Святая Память!
Победа — миг! А завтра — бой...

Мы в бой пойдём по-русски — твёрдо.
«Прощанье» спой славянка мне.
Нас вновь зовёт Святой Георгий:
«Вставайте! Родина в огне!...»

МАРШАЛ РОКОССОВСКИЙ

Кавалерист!
Красив и статен.
Умён, бельмо для дураков.
Всегда подтянут и опрятен.
Любимец женщин и богов.

Или простой рабочий парень,
Каменотёс, затем солдат.
Их много сохранила память

Война проходит через сердце

Присяге верных навсегда.
Присяге не царю — народу!
Как далеко родимый дом...
Он выбрал в Октябре дорогу
И выполнил солдатский долг!

Урал. Сибирь. И Забайкалье.
А в двадцать три уж комполка.
Горячий сердцем, но со сталью
Дружила воля и рука.
А жизнь сложна. Бывало всяко.
Донос, наветы и «Кресты».
Да, было тяжело...
Но, однако, не предал веры и мечты.
И не сочувствие, а жало —
«Сидел , а мог бы воевать»
«А вы б обиделись на мать,
Когда б зазря Вас наказала?»
Из тех, кто бил в июне немцев,
Да, да, Тогда, на третий день,
В том незабвенном сорок первом,
Когда легла на солнце тень...
Москва. Бои под Сталинградом.
Орловско-Курская дуга.
И до Победного парада
Вела солдатская судьба!

Любовь не делит — меньше, больше...
Сын двух народов, славянин,
Стал Маршалом в Москве и Польше
Страны Советской гражданин —
Константин Константинович Рокоссовский.!

**Владимир Александрович
СУХОМЛИН**

Заведующий лабораторией открытых информационных технологий, профессор МГУ имени Ломоносова, Заслуженный профессор МГУ, доктор технических наук, академик Академии информатизации образования, председатель Международного Союза славянских журналистов, член Союза журналистов РФ.

Разработчик советской системы противоракетной обороны (1969–1989 гг., прошел путь от инженера до главного конструктора систем).

Научный руководитель Высшей компьютерной школы МГУ им. Ломоносова (с 1990 г.), программ магистерского и дополнительного образования, ВКШ «ЭКСПЕРТ» – Разработчик нового образовательного направления «Фундаментальная информатика и информационные технологии» и разработчик образовательных госстандартов для данного направления (2002 г., 2009 г.)

Президент фонда «Лига интернет-медиа».

Лауреат премии «Слово к народу» за 2009 год газеты «Советская Россия».

Лауреат одиннадцатого Всероссийского Конкурса СМИ «Патриот России» в номинации «На службе Родине» за проект по созданию книги о народе-герое «Страницы семейной славы».

К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМАНДАРМА А.В. СУХОМЛИНА

(святая память предку)

5 ноября 1900г. родился гвардии генерал-лейтенант Сухомлин Александр Васильевич, участник революции и Гражданской войны, командующий армиями в Великую Отечественную войну, военный педагог и ученый.

А.В. Сухомлин, принадлежит к славной когорте советских генералов, командармов Великой Отечественной войны, которые посвятили себя беззаветному служению Отечеству и строительству его Вооруженных сил, своим ратным трудом в тяжелейших испытаниях добыли победу Родине и славу ее Армии.

В этом материале приведено краткое описание жизненного пути А.В. Сухомлина.

<http://forums.vif2.ru/attachment.php?attachmentid=9578&stc=1&d=1288902734>

1. Детские и юношеские годы, участие в Октябрьской революции

Александр Васильевич Сухомлин родился 5 ноября 1900 г. на Черниговщине, в бедной крестьянской семье. В 1904 г. из-за безработицы и голода его отец и старший брат Кирилл были вынуждены уехать в Забайкалье для поиска

работы. Им удалось устроиться рабочими в депо на станции Маньчжурия. В 1909г. к ним переехала вся семья. Александр получил возможность учиться в железнодорожном училище. К этому времени Кирилл, быстро втянувшийся в революционную борьбу рабочих за свои права и в 1905г. вступивший в ряды большевистской партии, стал профессиональным революционером, одним из руководителей большевистского движения на Дальнем Востоке.

Александр оказался способным ребенком. Он хорошо учился, любил читать, имел прекрасный слух и голос, умел подбирать мелодии на различных музыкальных инструментах. Большое влияние на его воспитание оказал старший брат. Александр с детства впитывал дух окружающей его революционной атмосферы и как мог помогал брату в его деле - дежурил на сходках революционеров, изготавливал фальшивые документы подпольщикам, помогал в распространении революционной литературы.

С начала 1917г. Александр Сухомлин стал работать в революционных кружках молодежи г. Иркутска. Вскоре его принимают в состав железнодорожного красногвардейского отряда, где он познает азбуку военного дела: изучает оружие, учится метко стрелять, вести рукопашный бой, оказывать первую медицинскую помощь.

В декабре 1917г., когда начался контрреволюционный мятеж, А. Сухомлин присоединяется к отрядам рабочих и революционных солдат и получает боевое крещение в уличных боях в Иркутске.

После победы Октябрьской революции Александр входит в состав боевой организации «Союз моло-

дежи». Ему поручается вести кружковую работу среди деповской молодежи и со своими сверстниками в "Союзе молодежи" Иркутска.

В январе 1918г. парторганизация Иркутского депо принимает семнадцатилетнего юношу в ряды большевистской партии. Сбылась его заветная мечта — он стал коммунистом.

2. Участие в Гражданской войне

В мае 1918г. восстали белочехи и, совместно с колчаковцами, повели наступление на Иркутск. Одновременно перешел в наступление атаман Семенов. В связи с этим стали срочно формироваться части Красной Армии, и Александр Сухомлин добровольно уходит в ее ряды, навсегда связав свою судьбу с армией.

Пулеметчиком в отряде Лаврова, а затем пулеметчиком и командиром пулеметной бронеплощадки на бронепоезде № 2 Александр участвует в боях с белочехами на Култукских позициях, а также за станции Байкал и Слюдянка. Пулемет в его умелых руках уничтожил не один десяток врагов.

Когда создается Байкальская флотилия, его назначают помощником командира парохода «Кругобайкалец», а затем командиром катера «Волна». В составе флотилии Александр принимает участие в боях за станции Танхой, Мысовая, Посольская, Темлюй, Березовка, а также в десантной операции на Голутвино.

После того, как Байкальская флотилия была разбита, А. Сухомлин переходит на нелегальное положение. Он работает на лесопильном заводе на станции Суражевка, где участвует в организации забастовки,

направленной против японских оккупантов и жестоко подавленной японскими солдатами. Александру удается бежать от расправы. Переехав на станцию Шимановская, он связывается с подпольной большевистской организацией и с партизанскими отрядами. По их указанию работает конторщиком службы пути и с риском для жизни добывает важную информацию для организации диверсий на железной дороге.

После объявления Колчаком призыва в свою армию А. Сухомлин уходит в партизанский отряд Бутрина («Старика»). Принимает участие в боях против японцев и белогвардейцев в Ивановском, Бочкаревском, Благовещенском и Тамбовском районах. В феврале 1920г. отряды приамурских партизан взяли Благовещенск, начав победоносное шествие на Дальнем Востоке. В их рядах был и А. Сухомлин, молодой коммунист, умелый и решительный боец.

3. Служба, учеба и преподавательская работа в довоенное время

В 1921г. А.В. Сухомлина направляют на учебу в Москву и в 1922г. он оканчивает командное училище «Выстрел». Продолжая службу в войсках на Украине, упорно готовится к поступлению в академию.

В 1924г. он поступает в Военную академию им. М.В. Фрунзе, где учится с большим энтузиазмом, проявляя интерес ко всем предметам. А.В. Сухомлин успешно совмещает учебу с большой партийной работой, а также с публицистической деятельностью, работая военкором в газете «Гудок», публикуясь в печатных изданиях академии. В 1927г. после окончания академии А.В. Сухомлин направляется в Туркестанский военный округ. Он служит на защите южных

границ страны до 1930 г., занимая должности командира батальона и начальника штаба полка. Не раз ему приходилось принимать участие в операциях по обезвреживанию басмачей.

В 1931 г. А.В. Сухомлина направляют на преподавательскую работу в Военную Академию РККА им. Фрунзе. Сначала он работает начальником учебной части Оперативного факультета Военной академии РККА, а затем адъюнктом, преподавателем, начальником курса на 1, 2 и 3 курсах Основного факультета Академии. Активно участвует в партийной работе, являясь руководителем кружка марксистско-ленинской учебы. Продолжает свою публицистическую деятельность, работая уполномоченным «Главлита» и военкором журнала «Молодой большевик».

В 1933 г. А.В. Сухомлин направляется на службу в Особую Краснознаменную Дальневосточную Армию, где работает помощником инспектора армии по оперативной подготовке.

В 1936 г. А.В. Сухомлин отзывается в Москву для учебы во вновь образованной Академии Генерального штаба (АГШ), где учится в течение одного года и назначается старшим преподавателем АГШ. 2-го февраля 1938 г. ему присваивается звание «Комбриг».

В 1940 г. А.В. Сухомлин становится начальником кафедры тактики высших соединений, активно ведет научную работу, связанную с разработкой методик и лекционных материалов по основам общевойскового боя и театру военных действий. В июле 1940г. он получает звание генерал-майора. В начале 1941г. ему присваивается звание доцента по кафедре «Общей тактики».

4. На фронтах Великой Отечественной

4.1. Начало войны. Северо-Западный фронт

28-го июня А.В. Сухомлин в составе группы генералов и офицеров, возглавляемой Заместителем Начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутиным, направляется автотранспортом в Псков, в штаб Северо-Западного фронта для выполнения особого задания Ставки Верховного Главнокомандования.

1-го июля генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин назначается начальником штаба Северо-Западного фронта, а генерал-майор А.В. Сухомлин получает указание вступить в исполнение обязанностей заместителя начальника штаба фронта и начальника Оперативного Управления. На этой должности на Северо-Западном фронте он провоевал два месяца, которые считал самыми трудными в его жизни.

Немецкие войска группы армий «Север» и, частично, «Центр», имевшие значительный перевес в силе, продолжали свое наступление, устремившись по направлению к Ленинграду, но темп этого наступления, благодаря принятым фронтом мерам, удалось существенно сбить. Советские войска не только героически обороняли каждую пядь своей земли, но и проводили резкие, неожиданные для наступающего противника контрудары. В частности, стратегически важной для защиты Ленинграда операцией был контрудар войск Северо-Западного фронта южнее Старой Руссы. Все эти действия позволили задержать продвижение немецко-фашистских войск к Ленинграду и выиграть время для подготовки города к отражению штурма немецких войск.

За это время А.В. Сухомлин принял участие в организации и проведения следующих операций:

— обороны западных и юго-западных подступов к Ленинграду (с 4 июля 1941г.);

— контрудара по группировке войск противника в районе г. Сольцы;

— контрудара по холмской и старорусской группировкам немецких войск.

1-го сентября 1941г. А.В. Сухомлин отзывается по предписанию Генерального штаба в Москву, так как 28 августа 1941г. приказом Ставки Главнокомандования он был назначен начальником штаба 54-й армии.

4.2. Ленинградский и Волховский фронты

Получив назначение на должность начальника штаба 54-й армии, он приступает к формированию армии и ее оперативному развертыванию в районе г. Волхова. Уже с 9 сентября 1941 г. армия приступила к выполнению боевых задач с целью не допустить прорыва противника к Волхову, защитить коммуникации Ленинграда со страной и атакующими действиями уничтожить силы войск группы армий «Север», рвущихся к Ленинграду.

54-я армия выполнила свою задачу, защитив жизненно необходимые коммуникации Ленинграда.

Начальником штаба 54-й армии А.В. Сухомлин работал до января 1942 г., затем был назначен командующим соседней 8-й армией, а в апреле 1942 г. вновь возвратился в 54-ю армию на должность командующего.

В 1942 г. 54-армия вела активные боевые действия, перемалывая живую силу и технику противника, неоднократно срывая планы врага штурмом овладеть Ленинградом. За успешные действия на Ленинградском и Волховском фронтах А.В. Сухомлин был на-

гражден двумя боевыми орденами Красного Знамени. 10-го ноября 1942г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

В начале 1943г. войска Ленинградского и Волховского фронтов проводят наступательную операцию по прорыву блокады Ленинграда и освобождают южную часть побережья Ладожского озера, через которую восстанавливается сухопутная связь с Ленинградом. В этой операции 54-я армия обеспечивала левый фланг Волховского фронта. Активными действиями она сковала значительные силы противника, облегчив задачу наших войск на направлении главного удара.

В марте 1943г. А.В. Сухомлин назначается помощником командующего войсками Волховского фронта по формированию и по боевой подготовке войск.

А.В. Сухомлин, работая на Ленинградском и Волховском фронтах, принимал непосредственное участие в следующих сражениях:

1) в должности начальника штаба 54-армии осуществлял организацию и проведение:

– наступательной операции на синявинском направлении (с 10 сентября по 1 ноября 1941г.);

– Тихвинской наступательной операции, а также оборонительной операции по защите Волхова, боев за Войбокало и на любаньском направлении (с 12 ноября по 30 декабря 1941г.).

2) в должности командующего 8-й армией Ленинградского фронта проводил наступательную, а также оборонительные операции на направлении Мга (с 5 января по 31 марта 1941г.).

3) в должности командующего 54-й армией:

— организовывал и проводил наступательную и оборонительные операции на любаньском направлении (с 1 января по 31 марта 1942г.);

— в составе армий Ленинградского и Волховского фронтов принимал непосредственное участие в разработке и проведении:

— Синявинской наступательной операции (27 августа по 1 октября 1942г.);

— операции по прорыву блокады Ленинграда (12 января по 30 января 1943г.);

— Красногорско-смердынской операции (10 февраля по 23 февраля 1943г.).

4.3. Западный фронт

В июне 1943г. А.В. Сухомлин переводится на Западный фронт. Он назначается начальником штаба 5-й армии, где участвует в организации и проведении Спас-Деменской наступательной операции.

Через два месяца он становится начальником штаба, а с сентября 1943г. командующим 10-й гвардейской армии, вошедшей в состав ударной группировки Западного фронта в наступательной Смоленской операции.

На всех этапах Смоленской операции 10-я гвардейская армия входила в состав главной группировки Западного фронта, ей пришлось последовательно осуществлять порывы целого ряда сильно укрепленных оборонительных рубежей, она разбила 56, 268, 342, 252, 330, 2-ю танковые дивизии и ряд других частей противника, освободила 1900 кв. км родной земли, освободила сотни населенных пунктов, включая такие крупные как: Ельня, Красный, Ляды, Павлиново, Глинка, Панская.

За успешную разработку и осуществление этой операции командарм А.В. Сухомлин был награжден орденом Суворова 2-ой степени.

За почти пятимесячный период командования армией он организовывал и проводил следующие основные операции:

— Ельненско-Дорогобужскую операцию (с 28 августа по 6 сентября 1943г.);

— Смоленскую наступательную операцию (с 15 сентября по 2 октября 1943г.);

— Наступательную операцию на оршанском направлении (с 12 октября по 1 декабря 1943г.);

— Операцию по преследованию невеличской группировки противника.

В начале декабря 1943 г. 10-я гвардейская армия выводится из состава Западного фронта и поступает в боевой состав 2-го Прибалтийского фронта. Совершив марш, протяженностью до 350 км в зимних условиях, армия заняла полосу на стыке 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов и уже 11 января 1944г. приступила к активным наступательным действиям.

5. Преподавательская и научная деятельность в послевоенное время

В 1944 г., когда перелом в войне уже наступил, особенно остро ощущалась нехватка высококвалифицированных командных кадров. Ставка Верховного Главнокомандования решает вернуть генерала А.В. Сухомлина на преподавательскую работу.

В феврале 1944 г. А.В. Сухомлин назначается заместителем начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе по научной и учебной работе. С большой энергией он отдается делу подготовки командного состава армии и организации научной работы.

В 1944г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Прорыв 10 гвардейской армией позиций противника».

В должности заместителя начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе А.В. Сухомлин проработал почти пять лет, до января 1949г.

Затем он переходит в АГШ на должность начальника военно-исторического факультета. Им произведено четыре выпуска военных историков. После расформирования факультета в 1953г., работает заместителем начальника кафедры стратегии АГШ.

С конца 1955г. по май 1959г. А.В. Сухомлин командирован в качестве старшего военного советника в КНР для оказания помощи Китаю в организации собственной Военной академии КНР для подготовки военных кадров с высшим образованием.

После возвращения из КНР он работает в АГШ на должности старшего преподавателя кафедры стратегии.

В начале 1961г. назначался начальником штаба руководства крупными штабными учениями, которые были успешно проведены.

В 1963г. выходит в отставку и посвящает себя общественной и военно-патриотической работе.

Активно работает в ряде общественных организациях, но особенно много сил он отдавал работе Всесоюзного общества «Знание», на пяти первых съездах которого избирался членом его правления.

6. Военно-историческая работа

С 1946 г. до 1950 г. по указанию Министерства Вооруженных Сил СССР А.В. Сухомлин руководит по совместительству «Военно-историческим сектором»

Института истории АН СССР. Он ведет большую исследовательскую и редакционно-издательскую работу по военно-историческим вопросам, являясь членом редакционных советов и ответственным редактором ряда фундаментальных изданий:

- «Атласа офицера»;
- 25-ти томного труда «Военно-энциклопедического словаря военной медицины»;
- многотомного издания АН СССР «Русские полководцы», посвященного жизни и деятельности А.В. Суворова, М.И. Кутузова, П.А. Румянцева;
- изданий АН СССР «Суворовский сборник. Статьи и исследования»;
- «Отечественная война 1812г. и контрнаступление М.И. Кутузова» и др.

Работая начальником военно-исторического факультета АГШ с 1949 по 1953 гг., он являлся руководителем авторского коллектива по разработке труда “Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 году”.

С мая 1959г. А.В. Сухомлин работал в Военно-историческом управлении Генерального штаба заместителем руководителя группы (руководитель - маршал СССР П.А. Ротмистров), готовившей к изданию фундаментальный военно-исторический труд «Московская битва».

А.В. Сухомлин вел большую публицистическую и редакторскую работу. Публиковал и редактировал статьи по военно-политическим и военно-историческим темам во многих газетах журналах. Он сотрудничал с редакциями газет «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Московская правда», «Пионер-

ская правда», «Социалистическое земледелие», «Учительская газета», «Вечерняя Москва», а также многих периферийных газет. Редактировал ряд книг по военной тематике. Рецензировал статьи в «Большой советской энциклопедии». Много выступал с докладами на военно-политические и военно-исторические темы по поручению Московского горкома КПСС и ЦК КПСС.

7. В последний путь

А.В. Сухомлин не дожил до своего семидесятилетнего юбилея меньше месяца. 7-го октября 1970г. оборвалась жизнь этого неугомонного, жизнелюбивого, многогранного человека, доблестного солдата и истинного патриота своей страны.

В некрологе, опубликованном в газете «Красная звезда» и подписанном прославленными полководцами М.В. Захаровым, И.С. Коневым, И.Х. Баграмяном, С.П. Ивановым, В.В. Курасовым, К.С. Грушевым, А.И. Радзиевским, Н.М. Хлебниковым, Ф.П. Озеровым и др. говорилось:

«...Всю свою сознательную жизнь он посвятил беззаветному служению социалистической Родине в рядах Вооруженных Сил, в которые вступил добровольно в 1918 году.

В годы Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Сухомлин внес большой вклад в дело разгрома немецко-фашистской Германии, умело руководя войсками и проявляя при этом твердость воли и личную храбрость, он занимал последовательно высокие посты заместителя начальника штаба фронта, начальника штаба армии, командующего армией и помощником командующего войсками фронта.

В послевоенный период Александр Васильевич Сухомлин много сил и энергии отдал воспитанию и подготовке высококвалифицированных кадров в Военной академии имени М.В. Фрунзе и Академии Генерального штаба имени К.Е. Ворошилова ...

Заслуги Александра Васильевича Сухомлина перед Родиной высоко оценены Советским правительством. Он был награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2 степени и многими медалями.

Светлая память об Александре Васильевиче Сухомлине, верном сыне коммунистической партии и советского народа, боевом друге и товарище, навсегда сохранится в наших сердцах».

Характеристика генералу А.В. Сухомлину, данная в письме бывшего комиссара 6-й отдельной бригады морской пехоты П.Я. Ксенза Ленинградскому военному музею им. А.В. Суворова.

В музей поступил новый экспонат — написанный масляными красками портрет Великого полководца А.В. Суворова с подписью о том, что этот портрет является подарком командарму 54-й армии генерал-лейтенанту А.В. Сухомлину от моряков 6-й бригады. Этот портрет был написан матросом Сучалкиным и подарен А.В. Сухомлину от имени всей бригады моряков под Волховым в 1942 г.

Дирекция музея прежде, чем выставить новый экспонат, решила собрать о нем всю информацию и обратилась к П.Я. Ксензу с вопросами: когда, по какому случаю, за что был сделан этот подарок, а также про-

сила охарактеризовать генерала Сухомлина как человека и военачальника. По этому поводу П.Я. Ксенз пишет (письмо от 24 мая 1964 г.):

«Тов. Сухомлин Александр Васильевич, генерал суворовской школы, человек большой души и чуткого сердца. Основной его чертой характера было стоять ближе к подчиненным, прислушиваться к их мнениям и настроениям. Поэтому он часто бывал в частях, особенно перед боем. Умел перед боем подбодрить подчиненных теплым словом. О подчиненных проявлял отеческую заботу, добиваясь, чтобы положенная бойцу пища доходила до его желудка. Его бойцы в частях знали в лицо, отмечая его перед начальниками равной с ним категории. Военное дело он знал отлично, это чувствовалось по тому, как он ставил подчиненным боевые задачи. Всегда учитывал особенности каждого командира-исполнителя и состояние его части и соединения. Своим образованием и служебным положением ни когда не кичился, не старался показать своего превосходства над людьми, стоящими по служебному положению и образованию ниже него. Он равно уважал всех людей и по мере возможностей был доступен для всех подчиненных. Эта черта его характера подкупала всех воинов. Во всех своих многообразных делах и происходящих боевых событиях никогда не прятался за чужую совесть. Эта черта его характера приводила к тому, что подчиненные, идя в бой, не оглядывались назад. Если он кого наказывал из подчиненных ему людей, делал это с тактом, не оскорбляя его сознания, логически убеждал виновного, что других мер он против него принять не мог. Для этого человека вся жизнь была направлена на выполнение долга перед Родиной.

Этот долг он нес с достоинством, скромно, без позы и крика о себе. ... Моряки 6-й бригады особенно уважали тов. Сухомлина за то, что он стоял близко к людям, общался с ними. Они, служа еще на кораблях, привыкли к этому общению с командирами всех степеней. Таковы условия на флоте, что часто судьба матроса и командира решается одним снарядом. Отношение тов. Сухомлина к людям им напоминало флот, корабли и т.д. Все сказанное в характеристике и привело к тому, что они, желая выразить это чувство к нему и отличить его от других командиров, преподнести ему этот портрет. ... портрет полководца был преподнесен моряками своему командарму в знак глубокого уважения высокому авторитету, личной храбрости и заботе о своих подчиненных». Комиссар указывал, что это не только его личная оценка, что он написал ее от имени многих погибших и еще живущих, кто знал генерала в те далекие годы.

Более подробное описание жизненного пути генерал-лейтенанта А.В. Сухомлина можно найти по следующим ссылкам:

<http://forums.vif2.ru/showpost.php?p=4496&post-count=40>

http://pobeda.vif2.ru/upload/files/article_744.rar

**ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
РЫБАКОВА АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА**

Анатолий Иванович Рыбаков родился 12 марта 1917г. в г. Кирсанове Тамбовской области. После окончания школы приехал в Москву и поступил в 3-й медицинский институт, на втором курсе перешел во вновь открывшийся Московский медицинский стоматологический институт. Свой выбор стать медиком Анатолий сделал неслучайно. Многие из тех, кто помнил его с детства, отмечали склонность школьника Толи к врачеванию. Лечил он всех. Ему доверяли аптечные покупки все соседские бабушки и дедушки, а потом консультировались у него по поводу приема лекарств. А сколько собак и кошек в Кирсанове Толя перелечил и не счесть. В старших классах Анатолий до самозабвения увлекался художественной самодеятельностью. Надо сказать что, в предвоенные годы увлечение художественной самодеятельностью, любительскими театрами и студиями было весьма популярным у молодежи, носило массовый характер. Анатолий особенно любил балет и классическую музыку, позднее стал интересоваться живописью. Хотя артиста балета из него не получилось, глубокий интерес и любовь к балетному искусству, да и к театральному тоже, он пронес через всю жизнь. В последствии, будучи известным ученым и маститым академиком, он считался и большим авторитетом в области истории

балетного искусства даже в среде профессионалов, ведущих танцоров страны.

В институте Анатолий учился с большим интересом, в основном на отлично, хотя много времени уходило на работу по вечерам на скорой помощи. Работать он был вынужден, так как иначе не хватало денег на еду, да и маме, оставшейся в Кирсанове надо было помогать. Но работа на «скорой» его не тяготила и даже, наоборот, она ему нравилась. И практика была хорошая, да и все больше и больше он чувствовал, что помогать людям — это его призвание. Годы учебы в институте промелькнули как один миг.

Диплом об окончании стоматологического института Анатолий получил 21-го июня 1941г., в день начала войны. И сразу же был направлен в действующую армию в качестве младшего врача 198 стрелковой дивизии Ленинградского фронта. В действующей армии занимал должности врача полка, командира санитарной роты, хирурга медико-санитарного батальона №135, начальника хирургического отделения полевого госпиталя № 2229. Воевал на Ленинградском, Волховском, 3-м Прибалтийском фронтах. Свою первую боевую награду Анатолий получил в самые первые месяцы войны. Награду, редкую для фронтового врача, а именно медаль «За отвагу». Тогда в один из критических дней крупного военного сражения на волховской земле развившие наступление немецкие войска прорвались в расположение полевого госпиталя, в котором служил Анатолий. Горстка медицинских работников полевого госпиталя и боеспособные раненые бойцы заняли круговую оборону. В течение нескольких часов до подхода своих войск они сдерживала

атаки окруживших госпиталь немцев, не давая врагу уничтожить раненых бойцов, размещенных в палатках и землянках. В этом бою врач Анатолий Рыбаков вместо скальпеля взял в руки автомат. Постоянно меняя позицию, он короткими очередями стрелял в атакующих немецких солдат, стараясь бить наверняка. До этого боя он только лечил людей. А теперь ему пришлось и убивать. Когда же на его глазах прорвавшийся к палаткам с красными крестами фашистский танк наехал на одну из них с тяжелоранеными красноармейцами и начал вращаться на месте, превращая его больных в месиво, Анатолий, бросив автомат, пополз к танку с ручной гранатой, выданной ему перед боем. Не известно, чем бы закончилась эта дуэль танка с молодым хирургом, если бы командир Анатолия не опередил его, удачным броском связки гранат под гусеницы подорвал танк-убийцу. После этого эпизода автомат Анатолия заработал с еще большей яростью. Бой длился до темноты, когда вдруг разнеслось спасительное «Ура!». Контратакой войска дивизии отбили госпиталь у врага. За спасение раненых весь медперсонал был представлен к боевым наградам. Командир медсанчасти получил орден боевого Красного знамени, а Анатолий медаль «За отвагу».

За время войны многое пришлось пережить молодому врачу. Это и работа сутками у операционного стола, особенно в период наступательных и оборонительных операций, когда от усталости врачи еле держались на ногах. Это и жесточайшие вражеские бомбардировки, когда, лежа на спине с открытыми глазами, Анатолий рассматривал воздушных стервятников, стараясь угадать, какая бомба была предна-

значена судьбой для него. Ощутил он на себе и контузию от взрыва мины, накрывшей его палатку, которую он оставил минутой раньше по срочному вызову к раненым. Был момент, когда он замерзал на льду ладожского озера при переходе через Ладогу, и остался жив только, благодаря поддержке друзей.

Рассказывать о войне Анатолий Иванович не любил. Он считал, что делал на фронте, как и все, то, что надо было. Всего же за годы войны врач-стоматолог Анатолий Рыбаков, работая общим хирургом, сделал более шести тысяч операций. Когда его все же настойчиво просили рассказать про фронтовые дни, он всегда переводил рассказ о своих товарищах, о мужестве советских солдат. Анатолий Иванович считал, что ему повезло в жизни, так как судьба свела его на войне с дружным и высокопрофессиональным коллективом, со многими талантливыми врачами и военными. Одним из его старших товарищей был выдающийся советский хирург Александр Вишневский, которого Анатолий Иванович называл «хирургом от бога». Анатолий Иванович проработал под руководством Александра Александровича во фронтовом госпитале немало месяцев. Много раз ассистировал Вишневскому в наиболее сложных операциях и многому у него научился. Свою фронтовую дружбу они пронесли через всю свою жизнь. Став маститыми академиками, директорами институтов, старались поддерживать друг друга в жизни. После окончания войны Анатолий Иванович продолжил учебу. В 1945г. он поступил на спецфакультет знаменитой военно-медицинской академии им. Кирова в г. Ленинграде и в 1948г. окончил его с отличием по профилю «челюстно-лицевая хирур-

гия и стоматология». По окончании академии он направляется в Омское медицинское училище им. Щорса старшим преподавателем. В 1950г. защитил диссертацию на степень кандидата медицинских наук. Тема диссертации была связана с разработкой новых методов лечения сибирской язвы, трудноизлечимой болезни, от которой страдало немало людей из местного населения.

В 1952 г. Рыбакова переводят на должность начальника стоматологического отделения Главного военного госпиталя им. Бурденко. Вскоре ему присваивается звание полковника медицинской службы. Через некоторое время он становится главным стоматологом Советской армии.

В 1959 г. Анатолий Иванович защитил диссертацию на степень доктора медицинских наук. Исследование по теме диссертации он проводил по закрытой тематике. В диссертации исследовались процессы, связанные с изменениями в слизистой оболочке полости рта на начальных стадиях развития лучевой болезни. Тогда, в период освоения ядерной энергии и создания ядерного оружия, данные исследования были весьма актуальными, так как позволяли улучшить методы диагностирования лучевой болезни на самых ранних стадиях ее проявления. В 1962г. Рыбаков был отозван из армии и был направлен директором вновь созданного Центрального научно-исследовательского института стоматологии (ЦНИИС) Минздрава СССР. Новым делом, которое пришлось осваивать основателю института, стало строительство, так как выделенное для института здание на улице Фрунзе требовало перестройки и капитального ремонта. Вскоре потребова-

лось дальнейшее расширение институтских площадей. Но самое главное внимание директор уделял подбору научных кадров, приглашая в институт, как маститых ученых, так и талантливую молодежь, а также системности и качеству научной работы. За короткий срок ЦНИИС стал признанным научно-методическим центром отечественной стоматологии, получил признание за рубежом. На базе института под руководством его директора были проведены масштабные комплексные научные исследования, набирало силу международное сотрудничество, стали проводиться престижные международные стоматологические конференции и форумы.

В течение 1964-1974гг. Рыбаков возглавлял кафедру терапевтической стоматологии ЦОЛИУ Врачей по совместительству, а в 1969г. стал членом-корреспондентом Академии медицинских наук (АМН) СССР. В 1975г. он первым из стоматологов был избран действительным членом — академиком АМН СССР, что фактически явилось признанием развития стоматологии как одного из направлений медицинской науки. Обладая большим авторитетом и обширной научной эрудицией, академик Рыбаков неоднократно избирался Статс-секретарем АМН СССР, проводя большую работу по организации медицинской науки в стране. На посту директора ЦНИИС Анатолий Иванович Рыбаков проработал 23 года.

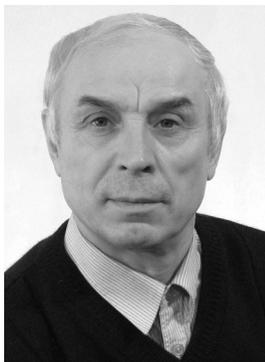
После ухода на пенсию по состоянию здоровья, он вел преподавательскую работу, работая профессором на кафедре челюстно-лицевой хирургии и стоматологии в Университете Дружбы Народов им. П. Лумумбы, а также продолжал активно заниматься медицинской наукой, возглавляя одну из научных лабора-

торий. В течение 16 лет А.И. Рыбаков был председателем Всесоюзного общества стоматологов СССР. Всего он опубликовал 250 статей, 15 монографий и учебник для ВУЗа. Издавались его труды и за рубежом. Анатолий Иванович был ученым с мировым именем. Он являлся действительным членом стоматологических обществ Франции, Германии, Финляндии, Испании, Швейцарии, Болгарии, Чехословакии.

Он и его аспирант В. Исаев стали авторами научного открытия, доказав наличие информационного канала между внутренними органами организма и слизистой оболочкой полости рта. Роль такого канала выполнял спинной мозг. Более точно данное открытие №252 называлось так — «Явление продуцирования кишечного антигена слизистой оболочкой полости рта млекопитающих». За разработку и внедрение в практику под руководством Рыбакова новых методов лечения и профилактики он получил 25 авторских свидетельств.

Умер академик 5 марта 1993г. А.И. Рыбаков оставил большое научное наследие, подняв отечественную стоматологическую науку на небывалую высоту, соответствующую той космической эпохе, в которой он жил. Это и огромный научно-исследовательский институт ЦНИИС, основанный им в 1962 году и получивший мировую известность, и не потерявшие своей актуальности научные труды академика, и разработанные им практические методики лечения ряда заболеваний, и многочисленная научная школа учеников, 200 из которых под руководством А.И. Рыбакова стали кандидатами и докторами наук. Жизнь академика Рыбакова — пример служения своему Отечеству и людям.

Пётр Тришин

**Пётр Фёдорович
ТРИШИН**

Тришин Пётр Фёдорович, родился в 1948 году в Тамбовской области, в семье колхозника. В 1966 году закончил среднюю школу. В 1967-68 г.г. прошел действительную военную службу в рядах Советской Армии. С 1969 года живу Москве. В 1976 году закончил институт. Работал на различных инженерных должностях, связанных с автоматикой, телемеханикой и вычислительной техникой. В настоящее время пенсионер. Стихи пишу с 1996 года. Печатался в некоторых литературных альманахах.

* * *

Уже десятилетия позади
И боль утраты вроде притупилась,
Но словно ржавые гвозди
Нам в сердце рваное вонзились!
Когда мы горько вспоминаем
О наших дедах и отцах,
И снова, снова мы страдаем!
И снова нас терзает страх.
Как будто мы идем в атаку —
Убийственный нас косит смерч,
И словно нас свирепо, с маху
Безжалостно разит жестокий меч.
И вновь мы видим, как горят деревни
И превращаются в руины города,
И вспыхивает инстинкт в нас древний
Возмездия достойного тогда.
И видим вновь преступное насилие
И горе наших матерей,
И им помочь... несчастное бессилье,
И слезы, и тела растерзанных детей!
И вновь кружат над нами самолеты
И ледящий душу вой сирен,
И взрывы, стоны... вновь налеты,
И разрушенья, трупы, тлен.
И вновь сидим мы в казематах
И нас содержат хуже, чем скотов,
И ждем освобожденья и расплаты...
И каждый это выполнить готов!
И это нас пытаются на допросах
И мы болтаемся от ветра на петле...

Пётр Тришин

И все мы терпим и выносим
В той беспросветной, безысходной мгле.
И это мы себя преодолевая
Прогнали ненавистного врага,
Из милого, истерзанного края,
Чтоб не топтала впредь постылая нога!
И пусть прошли десятилетия,
Но в памяти останутся всегда
Все зверства и страданий лихолетья, -
Мы не простим такое никогда!

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

С Днем Победы! С Днем Победы!
С Днем Победы нашей!
Не забудем мы те беды
И те годы страшные.

Не забудем мы потери,
Не забудем никогда,
Как свирепствовали «звери»
На земле родной тогда.

Как мы всё преодолели —
Все дороги ада!
Но врага сломить сумели —
Это всем награда!

С Днем Победы! С Днем Победы!
Братья — ветераны!
Позади давно те беды,
Но в душе — их раны.

Война проходит через сердце

С Днем Победы! С Днем Победы!
С Днем Победы, люди!!!
Молодцы отцы и деды.
Мы вас не забудем!

* * *

Сороковые, роковые. Д.Самойлов

Они сквозь десятилетия вопиют —
Из глубины двадцатого столетья,
Еще огнем трепещут...воздают
Ушедшим в мглу кровавого бессмертья.

Еще саднит, и ноет, и болит
Войны не затянувшаяся рана.
Нам не предать забвенью, не забыть,
Кто жизнь отдал свою слишком рано.

Кто на алтарь Победы положил ее,
Кто только начал жить, кто был так молод...
Кружило над страной воронье...
И поглощал всех беспощадный Молох.

И в этой мгле кровавого безумья —
Зловещей вакханалии разгул.
Бросались в топку смерти без раздумья,
Как в прорву..., в пасти алчущих акул!

Мужчины зрелые, в расцвете сил,
И юные, безусые мужчины,
Погублен был их вдохновенный пыл
В аду безжалостной пучины.

Пётр Тришин

Отцы и матери, и нежные создания —
Цветы любви и гроздья бытия.
Там гибло все - надежды и мечтанья,
Все в жертву — грезы, счастье...и себя...

ДУБ

Посвящается русскому солдату

Стоит он одиноко,
О чем-то размышляя;
То в сон впадет глубокий,
То что-то вспоминая...

Как молодой, зеленый,
Еще не зная бед,
Наивный, удивленный,
Любил встречать рассвет.

Любил зарю вечернюю,
Любил и ясный день,
Любил пору весеннюю,
Любил жару и тень.

Любил просторы русские,
Любил свой край родной,
Любил долины узкие,
Любил покой ночной.

Он рос и наливался
И силой, и умом;
За Родину сражался,
За свой любимый дом.

Война проходит через сердце

За милые просторы,
За вербу у крыльца,
За дивные узоры
Мороза — молодца.

Как грудью всей могучей
Страну он заслони́л;
Когда ходили тучи —
Себя он не щадил.

И весь потом израненный,
Задумавшись, стоял.
И только утором ранним
Беззвучно застонал.

Зарубцевались раны,
Притихла боль утрат,
А он, как гость незваный,
Который год подряд

Стоит, забытый всеми,
Уже немолодой.
Но помнит, как за Родину
Он жертвовал собой.

И все равно не гнется,
Хотя не так могуч.
Как в молодости кипучей,
Что нам лишь раз дается.

Промчались годы зрелые,
Исчезли без следа.
Как с яблонь плоды спелые
В зеркале пруда.

Пётр Тришин

Бывает, вспомнят деда
В день торжества и славы,
И память той Победы
Дойдет к нему в дубраву.

И годы вихревые
Там стоном отзовутся,
И листья молодые
В дубраве встрепенутся.

ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

Мужчины мы — защитники Отечества!
Святая честь нам Родиной доверена:
Любить и защищать часть человечества,
Военной славой что не раз овеена!

Наши отцы и деды — наши предки —
Страну с любовью создавали.
И кровь свою нередко
За землю проливали.

Но кровь людская — не водица.
Людская кровь вам не вода.
Зачем же ей напрасно литься —
Она нам все же дорога.

Зачем ей земли поливать чужие?
Зачем без меры поливать свои?
Пора нам истины понять простые:
Беречь защитников страны.

Война проходит через сердце

Нам не забыть зловещие метели,
Что пронеслись над Родиной любимой.
Сберечь ее мы все-таки сумели.
Какой ценой? Ценой невосполнимой!

Как нам забыть, что нас враспloch
Тогда в постелях сонными застали...
Наш план защиты был, наверно, плох —
В эмпиреях мы, видимо, витали.

Нагрянула коричневая рать.
Топтала родину поганая нога.
А хвастались, что будем воевать
На территории несильного врага.

Как нам забыть про тот позор,
Когда мы в беспорядке отступали,
Как города врагу на произвол
Трусливо в панике бросали.

Как откатились до Москвы,
Как отстоять? В том сильно сомневались.
Но загражденья строили и рвы,
И пулеметы грудью закрывали.

Как мы до Волги отступали
И заливали кровью побережье,
А в глубине накапливали силы
Возмездия и гнева силы свежие.

А уж потом за пядью пядь
Родной земли страдающие дали,
Все с той же кровью стали возвращать —
Щемящий след негаснущей печали.

Пётр Тришин

И все же мы сумели победить
В кровавой той трагедии и драме,
Жестокого врага нам удалось сломить.
Но до сих пор зализываем раны!

* * *

Они ещё в душе шумят
Зловещие те годы грозовые.
Уже давно и пули не свистят,
Но как забыть нам бури огневые?!

Нам не забыть те годы горевые,
Не запорошат их холодные метели.
А раны всё ещё на сердце болевые —
Не всех мы прах земле предать сумели.

Ещё лежат забытые герои
В стыдливой пелене забвенья.
Неблагодарной Родины изгои.
Укором нам — спасённым поколениям.

ПОБЕДИТЕЛИ

Мы вынесли всё, победили.
Назло соседям, вопреки врагу.
Ни враг, ни власть — ничуть нас не щадили.
Не пожелаем мы такого никому!

Война проходит через сердце

Мы пережили горечь поражений
И отступления на первых днях войны.
Через свои поля, леса, селенья
К Победе путь мы не легко прошли.

О близких всех , что полегли без счёта,
На нашей и на той, чужой, земле
Горит душа, ведь не было расчёта
Убить их всех в той беспросветной мгле.

Мы славим полководцев за сраженья.
Но вот о всех погибших на войне
Охватывает душу сожаленье,
И горше в день Победы нам вдвойне.

Да, дорого досталась нам Победа
Но может тем она и дорога,
Что сильно пострадались от набега
Жестокого и хищного врага.

И всё же мы врага-то победили!
Назло им всем и вопреки всему.
Врагов мы тоже били, не щадили,
Чтоб было неповадно никому

На наши дом и землю покушаться,
А нас самих согнуть, поработить.
Ведь можно было сразу догадаться:
Такому в жизни никогда не быть!

Деды и предки наши завещали:
Беречь страну и лишь приумножать!
И клятву нашу предкам мы сдержали,
Коричневую уничтожив рать.

Пётр Тришин

И всё ж , усвоив тот урок тяжёлый,
Хотим потомкам нашим пожелать
Войну вести так, как учил Суворов:
Уменьем — не числом — в сраженьях побеждать!

ФРОНТОВИКИ

Судьба их вовсе не хранила —
Безжалостно швырнула в ад,
Но в них была такая сила
И патриотический заряд,

Такой напористою злоба
И ненависть к захватчикам была,
И пламенно клубилась, чтобы
Изгнать проклятого врага!

Они прошли все испытанья,
Отечество жалея и любя,
Идя бесстрашно на закланье,
Чтоб родину спасти в не себя...

Их танками утюжили, давили,
И шквалистый косил огонь,
Их яростно взрывали и бомбили, -
Невосполнимый нанесли урон.

Пленили, голодом морили,
В ходячий превращая их скелет,
Терзали, изощренно били, -
Их стойкости не знаю я секрет.

Война проходит через сердце

Их вешали и зверски избивали
И загоняли гнить в концлагеря,
Их жгли в печах, пытали, -
И все это напрасно, зря!

Их не сломили отступленья,
И оставленье с болью городов,
Родные милые селенья -
На растерзанье мерзостных врагов.

Ничто их не смогло сломить:
Ни пораженья страшные вначале,
Пришлось им все сполна испить,
Тот горький след не меркнувшей печали.

Ни смерть друзей и окруженья,
Родной земли ужасные потери,
От наглого внезапного вторженья, -
Все перенесли и все стерпели.

Откуда жертвенности святость
(Тот горький безысходный круг)
И все сметающая ярость?
Непобедимый русский дух!

Откуда вера и терпенье
(Познать я тайну все пытаюсь),
И редкий дар самозабвенья?
Мне не понять... Я преклоняюсь.

Людмила Шкапова

**Людмила Александровна
ШКАПОВА**

Автор-исполнитель, пишет музыку, песни, стихи.
Член Международного союза славянских журнали-
стов, член Международной ассоциации писателей.

Война проходит через сердце

* * *

«Не грусти и не плачь, кареглазая,
Нам, смоленским, ли слёзоньки лить?!
Защитим мы родную сторонку
И девчат будем крепко любить!

Не горюйте, девчонки-красавицы,
Ваши парни орлы - хоть куда!» -
В неизвестность умчали молоденьких,
Не познавших любви, поезда.

Кружат вороны, черные вороны,
Эхо взрывов гудит в небесах.
Похоронки летят во все стороны,
Ужас, боль в помутневших глазах...

Наступила весна сорок пятого,
На перронах девчонки стоят,
И везут поезда долгожданные
Уцелевших от смерти ребят.

«Не грусти и не плачь, кареглазая,
Нам, смоленским, ли слезоньки лить...»
Где ты, парень, в какой спишь сторонку?
И кого той девчонке любить?

Раскраснелась на ветках рябинушка,
К югу вновь потянулись грачи.
Кто прижмет ее к сердцу горячему?
Кто согреет в холодной ночи?..

И когда воссияет над миром
Божья заповедь о любви?
Люди, люди! Опомнитесь, люди!
Не топите друг друга в крови!

15.02.2003

Людмила Шкапова

СНЫ*

Вот и наступила пора,
Подошла к бойцу медсестра:
– Собирайся, милый, домой!
Рада, что остался живой!

Заждалась уж видно тебя
Нежная голубка твоя,
Проглядел глаза верный пёс,
Луг травой высокой зарос.

По ночам ты бредил о том,
Как вернешься в свой отчий дом,
У калитки будет встречать
Старенькая добрая мать.

Что же ты не весел, солдат,
И печалит сердце твой взгляд?
Посмотри, какая весна!
Кончилась, сыночек, война!

И ответил тихо солдат:
– Все мои в земле крепко спят.
Ну, а смерть - подруга войны
Мне взамен оставила сны...

**Стихотворение положено автором на музыку
22.04.2000*

Война проходит через сердце

ЭХО ВОЙНЫ*

Сидя на скамейке дедушка зевает,
Солнышко пригрело старые глаза.
Озорница-внучка деда донимает,
Всё вокруг порхает, словно стрекоза.

Рядом ребятишки что-то затевают,
Бойко укрепленья строят из песка,
И окопы роют, будто они знают,
Как отважно встретить грозные войска.

Милые девчонки, смелые мальчишки,
Пусть затеи детства будут лишь игрой.
Испытали деды горе, боль, тревоги,
Вы поберегите дедушек покой.

Пусть же в чистом небе ярко светит солнце!
Берегите, люди, мир и край родной.
Пусть наши детишки знают лишь по книжкам
То, что называли прадеды войной.

**Стихотворение положено автором на музыку
23.03.2000*

Александр Шуринов

**Александр Сергеевич
ШУРИНОВ**

Писатель-генеалог, Действительный член (академик) Петровской Академии наук и искусств, председатель Общества потомков героев Отечественной войны 1812 года, член Союза писателей России, член Союза Славянских Журналистов и Союза журналистов России.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА И ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ

*«Если мать ещё живая,
Счастлив ты, что на земле
Есть кому переживая
Помолиться о тебе».*

Из песни Евгении Смоляниновой
«Слово «мама» дорогое ...»

Сегодня в «День памяти неизвестного солдата» стоит сказать и о неизвестных тружениках тыла. Информация о таких тружениках и безвестных героях обычно сохраняется только в памяти близких к ним людей. Было бы правильно доверять этой информации, полученной путём сохранения семейных легенд, памяти предков, а в ряде случаев и семейных исследований, поскольку она насыщена нравственным и духовным опытом, знанием внутренних посылов, психологическими и социальными установками общественной жизни того времени, связанными с ещё неизжитыми традициями дореволюционной жизни, ответственностью за семью, детей, любовь к родному отечеству.

Моя мама, урождённая Елисафенко Зинаида Прокофьевна (см. фото), из дальневосточного городка Иман (название появилось ещё с древнейших времён и по буддистскому вероисповеданию означало чистое место, чистая вода) в Приморском крае уехала в 1938 году учиться в Москву в Химико-техно-

логический институт им. Д.И. Менделеева и встретила войну в Москве. Там ей довелось пережить в годы войны многое! Тяжёлая работа и болезни, голод и холод не миновали её. Конечно, пройденный ею путь свойственен не только ей одной, а многим молодым людям её поколения, защищающим свой народ, свою столицу, традиции своих предков, включая традиции родовой чести, которые несла и хранила в себе комсомольская молодость. Последнее совсем нелишнее будет узнать современной молодёжи, забывающей о неизбывных жертвах жизни и здоровья многочисленных тружеников и безусловных героев труда в глубоком и в неглубоком тылу, о предках, победивших фашизм вместе с советской армией и принудившей врага к полной капитуляции.

Стоит сказать несколько слов о предках нашей героини по линии Елисафенко. Они были из семьи рабочих-литейщиков, которые работали на Петровском заводе в Бурятии. Туда они попали (по семейной легенде) в 1827 году с Полтавщины и обязаны декабристскому выступлению Черниговского полка. Пращур был из солдат этого полка. Сама фамилия Елисафенко образовалась от имени Елисафета (Елизавета) по аналогии с другими украинскими фамилиями. По прибытии на Петровский завод Лука Елисафенко в каторжных условиях освоился, прижился, женился на местной крестьянке и долгие годы трудился на формовке литейных заготовок местного чугунолитейного завода. Работа была с песком и весьма вредная для лёгких. Через какое-то время он стал страдать силикозом, который при отсутствии необходимого лечения переходил в туберкулёз. Впослед-

ствии выяснилось, что болезнь передаётся по наследству детям.

У деда моей матери Поликарпа Лукича Елисафенко (1860—1914) эта болезнь проявилась как туберкулёз в 1906 году. Он был женат на бурятке, которая приняла православие, Булат Татьяне Николаевне (1857—1938). В семье у них было 7 человек детей от 3 до 15 лет. Тем не менее, чтобы он не заражал окружающих, ему было предписано покинуть город Петровский завод и переселиться в другое глухое место, где он бы не мог заражать других людей. При этом было в то время некое законодательное постановление поселяться таким рабочим только восточнее их прежнего места пребывания.

В семье было принято решение переселяться всем вместе. При этом для переселения был выбран необычный путь: сначала на лошадях прибыть к берегу реки Ингода, затем на изготовленных плотках сплавляться к реке Шилке, а потом выйти на великий Амур и плыть по нему насколько будет возможно, подальше от жестокой цивилизации.

План был практически реализован. Об этом удивительном путешествии мы узнали из рукописи книги воспоминаний участников, инициатором которой была дочь Мария Поликарповна Елисафенко (1903—1989), а автором её муж Владимир Антоненко. В 1956 году под заглавием «Манька» она была предложена издательству в Москве, но из-за литературных огрехов к изданию не принята. В процессе работы над книгой автор проверяет и дополняет воспоминания свидетельствами других ещё живых участников. Сегодня этот труд является замечательным документом того времени (подлинник хранится в архиве автора статьи).

Проплыв всё лето по рекам, останавливаясь, конечно, на берегах, они, в конце концов, попали в многоводный Амур, где сильное течение и пороги значительно осложнили путешествие. Между тем, только по Амуру было пройдено более 1000 км. Однако, при прохождении одного из порогов один из двух плотов был разрушен, а на втором удалось, всё-таки, пристать к левому, то есть, российскому, берегу. Там же на этом безлюдном берегу пришлось встретить суровую сибирскую зиму. Двое из старших детей погибли из-за переохлаждения. Остальным удалось выжить. На следующее лето путешественники вышли к строящейся транссибирской магистрали, которая привела их к небольшому городку Гондatti (названному в честь амурского генерал-губернатора и исследователя Приамурья Николая Львовича Гондatti, потомка итальянца, оставшегося в России после Отечественной войны 1812 года, после революции переименован в город Шимановск).

Затем отцу Поликарпу Лукичу удалось устроиться в железнодорожные мастерские, всю семью приняли в братство забайкальских казаков. Подрастали четверо сыновей: Николай, Иван, Прокопий, Гавриил, и единственная дочь Мария. Сыновья тоже нашли применение своим силам в железнодорожных мастерских. В марте 1914 года отец всё-таки умер от своей непреодолимой болезни, а молодые братья уже в августе отправились на фронт Первой мировой войны. Вернулись уже после войны с Георгиевскими крестами на груди. Их наследники утверждают, что прототипом семьи казаков, о которой идёт речь в фильме «Даурия», была именно их семья.

Война проходит через сердце

На фотографии три брата: Прокопий, Иван и Николай. Гавриил в революционных событиях, якобы, не участвовал

На фотографии Прокопий, с женой Степанидой, дочерью Зиной и своей матерью Татьяной Николаевной. Зине около 3-х лет.

В революционную пору они были в составе партизан, вступили в партию, а после окончания всех смут работали в различных регионах Дальнего Востока. Отец Зины — Прокопий (Прокофий) Поликарпович был ещё партизаном и служил недалеко от Спасска-Дальнего Приморского края, когда у него и его супруги Степаниды Алексеевны (урождённой Калиновской) 6 мая 1920 года (ст. ст.) родилась дочь. Назвали её Зинаидой, что означало по церковным канонам - божественная. Семья была простая, но принципиальная, честная и даже партийная. Мама Стеша осваивала в Спасском районе первый трактор, а отец Прокофий занимался рабочими кадрами и уже затем долгие годы служил начальником на переселенческом пункте в Архаре.

Зина рано пристрастилась к чтению, любила книги. Ещё в детстве она сильно испортила себе зрение и потому ей отказали в возможности пойти добровольцем на фронт, когда пришла война. Она очень уважала и любила родителей, восхищалась своим отцом. Будучи очень живой и активной, она рано вступила в комсомол, вела большую общественную работу с юности.

На фотографии семья Прокопия с братом Николаем и его женой Марией (около 1928-1929 г.) Зине около 9 лет.

Беда в семью нагрянула внезапно, когда родители вдруг разошлись. Отец ушёл из семьи и связал свою дальнейшую семейную жизнь с молодой учительницей. Пришлось осваивать новую жизнь и Зинаиде: с матерью без отца, но с нелюбимым отчимом.

И беда эта была не одна. У братьев Елисафенко в разной степени с возрастом стали проявляться унаследованные от отца признаки заболевания силикозом — туберкулёзом. Старший брат Николай вместе со всей своей семьёй, в которой было 5-ро детей — почти все ровесники Зины, переехал в Сталинград по комсомольскому призыву строить Сталинградский Трактор-

ный Завод ещё в 1929 году. Основанием была настоятельная рекомендация врача сменить сибирский сырой климат на более сухой европейский. Затем при явном ухудшении здоровья перебрался в Сталинград и Прокопий Поликарпович (1897 — 1947) со своей новой женой.

Зина в эти годы проживала с матерью и отчимом в городе Имане и училась в местной школе. В 1938 году она закончила школу и приняла решение ехать поступать в институт в Москву.

Аттестат, полученный Зинаидой Елисафенко в 1938 году, из которого можно судить о высоких требованиях к знаниям учащихся в те годы

Все вышеизложенные обстоятельства объясняют, почему Зинаида после окончания школы в 1938 году поехала поступать в институт именно в далёкую Москву. Она мечтала встретиться с отцом. И эта встреча скоро произошла. Она не смогла поступить в 1938 году в Химико-технологический институт им. Д.И.Менделеева и поехала в Сталинград к отцу и другим своим многочисленным родственникам, с расчётом поступать вновь на следующий год. Видимо, не совсем здоровый отец и мачеха приняли её не очень ласково, и она остановилась в семье дяди Николая Поликарповича. Весь год она провела время с двоюродными

братьями и сёстрами: работали вместе на заводе, летом плавали через Волгу, читали стихи, обсуждали последние политические новости.

Там же Зина впервые встретилась с поэтом и будущим общественным деятелем Москвы, председателем Московской писательской организации Михаилом

*На фотографии в верхнем ряду
Анна с мужем Михаилом Лукони-
ным и братьями Анны*

Кузьмичом Лукониным, а тогда просто Мишей, который был в дружбе с братьями Елисафенко и даже жил в гостеприимной семье Николая Поликарповича на правах сына. Через некоторое время он женился на своей первой поэтической музе — двоюродной сестре Зины — Анне Николаевне Елисафенко. После свадьбы молодые уехали в Москву, где Луконин уже учился в Литературном институте. Уехала и Зина поступать в свой Химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева, куда с успехом и поступила в 1939 году.

Она уже была на третьем курсе, когда разразилась Великая Отечественная война. Жила она в то время в общежитии института. Питались они скромно, и она рассказывала, что 22 июня, в 12 часов дня, когда все слу-

шали речь Молотова по радио, они были настолько шокированы известиями, что совершенно забыли про обед. В результате картошка, которую жарили из экономии практически на воде вместо масла, посинела. Мама помнила это очень хорошо, очевидно, потому, что впоследствии им пришлось пережить нештучный голод.

В последующие дни после начала войны она, как член партии, была активно задействована. В частности, она с другими комсомольцами-студентами выезжала в прифронтовые районы (даже под Брянск), где они рыли рвы и возводили противотанковые укрепления. В августе ей было поручено контролировать уборку урожая в части Подмосковья. Она вспоминала, что за работу ей было начислено 11 мешков пшеницы, но она ничего не взяла. Потом жалела и сокрушалась о своей легкомысленной непрактичности. Конечно, ни она, ни её подруги не собирались бежать из Москвы в тяжёлые дни октября 1941 года: они по указанию старших готовились к обороне на улицах города, круглосуточно участвовали в тушении бомб-зажигалок, которыми гитлеровцы щедро забрасывали Москву. Не успевали спасти одно здание, загоралось другое. Так сгорело общежитие, где жил Зина. В огне пропали документы, многочисленные фотографии детства и юности.

Зимой 1942 года Зина была направлена на работу как химик мастером на секретный снарядный завод в Москве. Завод работал день и ночь. Однако и на секретном заводе случались неприятности, а возможно, и вражеские диверсии. После какой-то аварии той же зимой 1942 года они с другими девушками не успели одеть вовремя противогазы и отравились. Чтобы не

нести ответственности за аварию, всех пострадавших обвинили в нарушении правил техники безопасности и ... уволили. В результате, они выкарабкались из больницы сами, кто как умел. Последствия отравления остались на всю жизнь, хотя Зина их не афишировала. Впоследствии она питалась отдельно от своей семьи молочными супами и вела только ей известную диету. После некоторого восстановления здоровья она перешла на учёбу в пищевой институт и стала уже после войны экономистом пищевой промышленности.

Совершенно очевидно, что Зинаида была с юности девушкой симпатичной и привлекала внимание мужчин. По некоторым сведениям, она вышла замуж за уходящего на фронт друга-красноармейца в 1941 году некого Помогаева, родила от него ребёнка, но после отравления, голода и свалившихся невзгод не смогла его уберечь. Потеряв сына и не получая вестей от мужа до самого конца войны, она, очевидно, считала брак расторгнутым. Тем более, что все документы сгорели. Она скрывала этот трагический период своей жизни, и мы мало о нём знаем. Необходимо кратко рассказать о её 2-ом замужестве.

Буквально в День победы 9 мая 1945 года они в Пищевом институте проводили праздничный вечер. На праздник пришли многие участники и участницы войны, была организована «почта», чтобы участники праздника могли познакомиться и выразить свои симпатии. Сидевшему в углу инвалиду с двумя костылями приглянулась шустрая девчушка с почтовыми полномочиями. «Я ранен в сердце Вашим взглядом, Теперь я понял жизни смысл, Хочу быть вечно с Вами рядом! Скажите Вашу мысль?», - написал он ей в почтовой

записке. Этот молодой человек был тоже интересен Зине, поскольку был весел, неистощим на юмор, сыпал анекдотами и историями, собрал вокруг себя целую группу студентов и студенток. В результате взаимного интереса они познакомились и уже не расставались. Сергей, так звали молодого человека, был достаточно красив, весьма артистичен, и даже костыли не могли остановить Зину от самоотверженного, как казалось для неё, поступка выйти замуж за человека, который её искренне любит. Это и случилось в начале 1946 года.

Сергей Павлович Шуринов в 40 лет (1923-2007) — инвалид Великой Отечественной войны, хозяйственный деятель, в последующем Главный зоотехник Зверопрома РФ.

Между тем, жизнь оказалась ещё сложнее, чем можно было предположить. Осенью 1946 года во время декретного отпуска Зина поехала на Дальний Восток к своей маме в Иман, которую не видела с 1938 года. По-видимому, за 8 суток поездки на поезде в Иман её так растрясло, что она родила сына Александра преждевременно — уже 18 октября. Она телеграфировала о случившемся мужу и отцу ребёнка в Москву, но, видимо, первый камень в разрушение семьи уже был положен. Немалую роль в этом сыграла свекровь, то есть мать мужа, Евдокия Васильевна, которая боялась потерять влияние на сына и отчаянно ревновала его к жене.

Так или иначе, но уже в 1949 году семья распалась, и Зина с 2-х летним ребёнком в морозные январские дни выехала на Дальний Восток к матери и отчиму в г. Иман. Крайне интересны и показательны последующие особенности её биографии.

Вернувшись в 1949 году на родину в дорогой её сердцу Иман, она, казалось бы, будучи членом партии, тем не менее, долго не могла найти работу по специальности. С помощью своих друзей-выпускников той же школы, которую они заканчивали в 1938 году и которые работали в городской системе образования (предположительно с помощью директора школы Меркульева Дмитрия Владимировича), она работала сначала старшей пионервожатой школы, а затем города и района. Выезжала летом с детьми в палаточные пионерские лагеря, зимой проводила разного рода мероприятия, в том числе, школьные утренники. Наконец, она была трудоустроена учительницей рисования и черчения в Иманской средней школе №1. Только затем уже ей предложили работу на местном хлебокомбинате, а потом и на мясокомбинате, что соответствовало её специальности. Какое-то время работала она и директором книжного магазина г. Имана, что отвечало её интересу к книге с детских лет. Зинаида Прокофьевна — так её уже стали величать — очень много сделала полезного в противостоянии местному жулью в пищевой промышленности. Об этом она делилась только дома с домочадцами!

В 1960 году её праведный и неиссякаемый комсомольский задор переключили на Районный Дом Культуры (РДК), где она, работая директором, отвела душу и навела необходимый порядок. Её всегда тянуло к общественной работе, к воспитательной педаго-

*Зинаида Прокофьевна
Шуринова в 40 лет*

гике. Следует отметить её немалые педагогические способности в семье, которые мне довелось испытать на себе. В те непростые годы и обычное безденежье в семье она «умудрялась» покупать пластинки с детскими спектаклями, хорошие детские книги, развивающие игры, приборы для выпливания и выжигания, фотоаппарат и многое другое, что адекватно оцениваешь только сегодня. Она находила время для разговора с детьми и поддержки, что весьма важно.

Тут нужно сказать о её замужестве в городе Имане.

Муж — Андрей Петрович, из рабочей семьи, после Щёкинского военного училища служил в воинской части, располагавшейся рядом с городом Иманом в посёлке Лазо. Он присмотрел красавицу в иманском парке во время танцев и очередного вечернего дефиле, познакомился и после некоторых достаточно длительных ухаживаний предложил выйти за него замуж. Зина согласилась с условием отказа от переездов с военнообязанным мужем в другие города и веси. Пришлось Андрею Петровичу демобилизовываться из армии и переходить на гражданскую работу. А это было, как сейчас уже понимаешь, очень непросто.

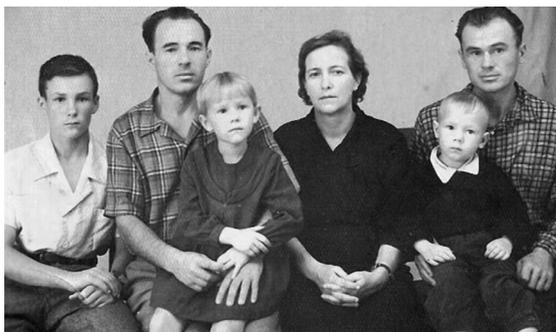
Характерно, что вся родня мужа проживала на Украине. Отец и мать жили в городе Смела Черкас-

ской области, а брат с женой и племянниками — в городе Днепропетровске. Они постоянно приезжали-прилетали, привозили фрукты и присылали многочисленные посылки с сухофруктами для компотов.

В новой семье Зины родились последовательно двое детей. Ребята были здоровые, крепенькие, быстро росли. Постепенно мужал уже и старший сын.

Всё бы было хорошо, но нормального жилья у семьи не было. Сначала жили у матери Степаниды Алексеевны с дедом-отчимом Семёном Тимофеевичем, потом снимали дом на Иманской улице, потом в книжном магазине на улице Краснощёковой (ул. Ленина), где семье отгородили часть помещения и сделали 2 комнаты, но без двора и своих хотя бы дворовых удобств.

Поэтому, когда по партийному запросу из Владивостока её послали как экономиста с высокой квалификацией в Находку, где посадили за воровство всех руководителей местного мясокомбината (а иным дали

Приезд брата Андрея Петровича — Владимира Петровича в г. Иман проездом в командировку в г. Уссурийск на испытания комбайна по уборке сахарной свеклы

по 15 лет!), встал вопрос обеспечения семьи жильём. И там, наконец-то, семье с 3-мя детьми дали отдельное жильё с песчаным клочком земли для будущего огородика. Как все были счастливы!

Зинаида Прокофьевна работала на мясокомбинате достаточно долго. Для предотвращения воровства она организовывала в посёлке при мясокомбинате в дни зарплаты продажу костей, хвостов, рёбер и других продуктов по самым низким ценам. Мы сами с раннего утра занимали к этим утлым магазинчикам-ларькам очереди и закупали хвосты и рёбра по полной программе. Отчим, во избежание кривотолков, устроился на работу в завод строительных конструкций.

В последующем за свою активность и принципиальность она была выбрана на освобождённую должность председателя профсоюза торговых работников города Находка. После окончания выборного срока работала в находкинском хлебокомбинате, где тоже не давала начальству спокойно воровать. Очевидно, что начальство ждало её какой-либо оплошности, чтобы придраться и как-то от неё избавиться. И она случилась. Возможно, даже была элементарная, как сейчас говорят, «подстава». Видимо, она плохо себя почувствовала и хотела подлечиться в санатории. Единственный раз. Но этот единственный раз оказался роковым. Ей вдруг предъявили претензии о попытке (!) незаконно получить путёвку в санаторий в обход очереди. Об этом нам, её детям, стало известно много позже. Действительно, в какой-то момент она вдруг сильно заболела и резко сдала. Впоследствии выяснилось, что это обострение началось после несправедливого обвинения в том, что она где-то сказала, что была участни-

цей войны и потому, де, без очереди пыталась получить путёвку на лечение. Между тем, руководство хлебокомбината отправило запрос об её участии в обороне Москвы в Центральный архив, откуда ответили, что её имени среди участников Оборона Москвы нет. Доказывать напраслину, уточнять сказанные ею слова и оправдываться она не могла и не хотела. Зинаида Прокофьева вняла советам мужа, уволилась, и несколько пришла в себя после оскорблений и унижений уже дома. Она даже некоторое время находила силы для краеведческих экскурсий с молодёжью по Находкинскому району, в которые брала и своих уже подросших детей. Но болезнь уже начала своё активное разрушительное действие. Она худела и старела на глазах. Практически через год после увольнения с Находкинского хлебокомбината она ушла из жизни (в неполных 53 года!) с диагнозом: рак на фоне развившегося цирроза печени. Провожал Зинаиду Прокофьевну в последний путь весь посёлок того мясокомбината по месту жительства, где ей прежде приходилось бороться с воровством.

Сегодня в год 70-летия Победы нужно отметить трудовой подвиг таких безвестных жертв войны и их подвижническую жизнь после войны, который был свойственен многим гражданам-героям того времени, словами доброй памяти и благодарности!

На наш взгляд, стоит установить памятник «Неизвестному труженнику тыла в годы Великой Отечественной войны от благодарных потомков», который бы отметил трудовой подвиг женщин, стариков и детей в годы войны и нашу память о нём.

Война проходит через сердце

В заключение хочется сказать, что для нас - детей, внуков и правнуков Зинаиды Прокофьевны Шуриновой - она всегда будет живой и доброй наставницей, помогающей нам сегодня даже из того иного мира, куда она безвременно ушла 6 февраля 1973 года.

Светлая и Вечная ей память!

СОДЕРЖАНИЕ

АНАНЬИНА Татьяна	7
БИРЮКОВ Владимир	19
БУЛАТОВА Татьяна	31
ВЕСЕЛОВСКАЯ-ТОМАШ Мария	41
ДЕМИДОВА Ольга	72
ДЕМИДОВА Светлана	76
ЕМЕЛЬЯНОВА Зоя	82
ИВАНОВ Александр	96
КИСЕЛЕВИЧ Николай	103
КУЗИНА Галина	114
КУРГАНОВА Евгения	125
ЛЕБЕДЕВА Юлия	133
ЛЕОНОВА Татьяна	137
МАШАРОВА Наталья	145
МОРСОВА Наталья	148
МОРСОВ Сергей	169
ОХРИМЕНКО Надежда	170
ПАЗЕЛЬСКАЯ Наталья	184

ПАНФИЛОВА Майя	215
РУХОВИЧ Иосиф	220
СЕКУРОВА Елена	247
СИЗОВА Светлана	264
СИНАДСКИЙ Евгений	268
СМЕРТИН Константин	274
СОЛОВЬЁВА Татьяна	289
СОРОКИНА Ольга	298
СТАНИШИЧ Йоле	303
СУРНИН Сергей	311
СУХОМЛИН Владимир	316
ТРИШИН Пётр	340
ШКАПОВА Людмила	352
ШУРИНОВ Александр	356

ВОЙНА ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ

Сборник

Верстка *Л. Дёмина*

Подписано в печать 4.05.2015

Формат 60х90/16

Бумага офсетная

Тираж 200 экз. Заказ №1558

Отпечатано в типографии ООО «Литера М»,
390035, г. Рязань, ул. Гоголя, д.16, оф. 212